

– АКТ ПЯТЫЙ –
ДРЕДНОУТ ПОДНИМАЕТ ГОЛОВУ

– Пролог –

Тельтов-канал, Юго-Восточный Берлин, Германия
24 апреля 1945 года

Берлин встретил их недружелюбно. Холод пробирал до костей, дождь хлестал с яростью небес, словно Бог разверз хляби, а над городом нависла зловещая тень войны. Небо, затянутое пеленой дыма, зияло чернотой. Тяжёлые бои гремели уже бесконечные часы.

Советская Красная Армия, неудержимо наступая с юго-востока, сломила контратаку немецкого танкового корпуса. Теперь багровый молот достиг кольцевой железной дороги, опоясывающей Тельтов-канал. В отчаянной попытке сдержать натиск врага, сам фюрер бросил в бой войска СС – отборную гвардию нацистской Германии, призванную стать последним рубежом обороны перед падением города.

Арнольд Эрнст Тохт на миг затаил дыхание, пока их отряд пробирался по тесному, зловещему туннелю. Ему едва исполнилось девятнадцать, но в его глазах читалась усталость старика, отпечаток неумолимого напряжения, сковавшего их всех. Слишком юный для этой бойни, он казался потерянным и раздражённым. Форма, пропитанная потом и кровью, липла к телу.

Пятьдесят солдат Ваффен-СС, готовые пожертвовать собой во имя фюрера и Третьего рейха. Их провал – предвестник неминуемого поражения Германии в этой кровавой войне.

Тохт невольно проводил взглядом сержанта Дитриха Дама, чей волевой подбородок упрямо выпирал вперёд, а в зубах застыла незажжённая сигара. Он послушно следовал за ним, и присутствие старшего, закалённого офицера вселяло в него толику уверенности. Высокий и жилистый, Дам казался измождённым; резкие скулы хищно выделялись в полумраке, а глаза, словно чёрные провалы, холодно отдавали команды рассеяться.

В сыром и ледяном туннеле шум дождя поглощал все звуки. Тусклый свет редких фонарей, направленных вниз, едва рассеивал тьму, достаточную лишь для того, чтобы не оступиться в пропасть. Гора, словно надгробная плита, давила своей тяжестью, и туннель, прорубленный в её чреве, казался ненадёжным, зыбким коридором, готовым обрушиться в любой момент.

– Что нас ждёт, Дитрих? – прошептал Тохт, стирая влагу с ресниц. – Выживем ли мы в этой мясорубке?

Дам пристально посмотрел в глаза молодому солдату.

– Не знаю, Арнольд. Надеюсь, что да. Моя жена вот-вот родит. Я должен увидеть глаза своего сына, прежде чем меня настигнет смерть.

Тохт молча кивнул, не находя слов.

Командир эсэсовцев, змеёй скользивший по туннелю и отрывисто бросавший приказы, был тощим, как борзая, облачённым в сшитую на заказ чёрную кожу нацистской формы. Полковник Дредноут – так его звали. В то время как остальные довольствовались стандартным обмундированием, его лицо скрывала гротескная маска, смахивающая на модифицированный противогаз. Странность, не имевшая видимой причины, но подчинённые давно усвоили: о всём, что касается Дредноута, лучше не спрашивать.

Полковник Дредноут – один из ведущих умов Третьего Рейха, отвечавший лично перед Гитлером, глава оккультного общества Туле, мастер ножевого боя. Прогневи его – и он оторвёт тебе голову, чтобы затем препарировать твой труп в своих чудовищных экспериментах.

Тохт внутренне содрогнулся. Многие злодеяния, запятнавшие его страну в этой войне, вызывали лишь отвращение. Но конец близок. Это лишь вопрос времени.

На выходе из туннеля их ослепили огни. Внизу, в тридцати футах, в кромешной тьме, десятки танков и бронемашин купались в свете фар.

Тысячи советских солдат копошились вокруг, словно муравьи в растревоженном муравейнике. Под маской полковника Дредноута промелькнула хищная улыбка. Обхватив рукой в чёрной перчатке рукоять своего эбонитового меча, он для верности провёл языком по зубам, словно пробуя добычу на вкус, а затем молниеносным движением выхватил клинок из ножен.

– Настал наш час, – прошипел он, и в его голосе зазвучали чужие, металлические нотки.

Сержант Дам обернулся, чтобы подать сигнал остальным, и вдруг что-то хлётко ударило его по ноге сбоку. Инстинктивно он опустил взгляд. Слишком медленно до него дошло осознание.

– Граната! – и взрыв разнёс его ногу в клочья багрявой плоти.

– Вперёд! – взревел Дредноут, и эсэсовцы, с криками, ринулись в советский лагерь.

Оглушительная канонада обрушилась на них, смертоносный шквал прошивал всё вокруг. Дюжина нацистов пала сразу, скошенная огнём. Другие, словно одержимые, упорно пробивались вперёд, полные фанатичной решимости защищать свой Рейх любой ценой. Увидев, как советский пулемётный расчёт захлебнулся под ливнем пуль, Тохт подхватил винтовку одного из павших товарищей и открыл бешеный огонь. Молодой парень, оказавшийся не в том месте, в не то время, взвыл от боли – пуля пробила ему ногу. Пока он корчился на земле, тщетно пытаясь остановить кровь, Тохт выпустил обойму прямо в грудь наступавшего советского солдата.

Неподалёку полдюжины русских солдат, с лицами, искаженными яростью, загнали полковника Дредноута в угол. В суматохе атаки он потерял свой драгоценный клинок, и безоружный, казалось, был обречён. Но вместо того, чтобы сдаться, нацист в маске присел на корточки и резко выбросил руки вперёд...

– Клац!

Внезапно из-под отворотов его униформы хищно блеснули два клинка из полированной стали. Оружие – не панацея, и эта истина кровью впечаталась в его память. Излишняя самоуверенность в его всесии обернулась непомерной ценой.

Когда они, самонадеянно, двинулись на Дредноута, уверенные, что один вид их винтовок заставит нациста выбросить ножи, он пронёсся сквозь строй, словно смертоносный пропеллер, разметающий всё на своем пути. Его сталь, словно масло, пронзала металл их оружия, а затем и плоть с костями, не встречая сопротивления. Кровь, смешиваясь с грязью и дождевой водой, окрасила землю в тошнотворный буро-розовый оттенок.

Ближний бой – это одно, но нельзя забывать о масштабе трагедии, о нависшей угрозе. И словно в подтверждение этих слов, Дредноут едва успел повернуть голову, как увидел, как зловеще разворачивается ствол советского танка, готовясь выплюнуть смертельный заряд...

Нацист взвизгнул, убирая окровавленные клинки под манжеты, и отпрыгнул в сторону. В тот же миг его тело рухнуло на землю, покотившись по грязной мостовой.

БАААММ-м-м!

Дредноут не успел даже охнуть. Взрывная волна моментально пронзила его барабанные перепонки оглушительной болью. От чудовищного удара его подбросило в воздух и швырнуло в грубую каменную стену.

Тохта оглушило, дезориентировало. Он попытался подняться, судорожно хватаясь за кровотокающую ногу. Всё произошло в мгновение ока. Он лихорадочно огляделся, но Дитриха и остальных как ветром сдуло. Взгляд упал на стену, в которую врезался Дредноут – от него остались лишь два багровых пятна на земле. Куда он исчез?

Так быстро...

Тохт рухнул на землю, пронзённый огнем боли. Позади, наконец, прибыло подкрепление, и в истерзанный город хлынул новый поток нацистских солдат. Но даже прибытие подкрепления не вселяло надежду. Тохт знал, что у них нет ни единого шанса удержать Берлин. Советские войска были слишком многочисленны, слишком хорошо вооружены.

Он закрыл глаза, не зная, суждено ли ему пережить эту ночь.

Что бы ни уготовила ему судьба, он знал, что не готов умирать сейчас.

У него было столько незавершенных дел, столько несбывшихся желаний.

– Я не готов, – прошептал он, но его слова утонули в грохоте приближающейся смерти.

73 года спустя...

Залив Бискейн

В 20 милях от побережья Майами
12 декабря 2018 года

Двое мужчин, словно тени, вынырнули из глубин. Сорвав с лиц мокрые маски, они обвели взглядом сонный горизонт. Лишь бледный призрак «Леди Меркель» вырисовывался на фоне предрассветной тьмы, а тихий плеск волн о борт нарушал звенящую тишину.

Было лишь полпятого утра, и хотя заря ещё не багрянила небо, они знали: время утекает сквозь пальцы.

В тот самый момент, когда они обменивались взглядами, в одном из тускло освещённых окон каюты мелькнула тревожная тень. Миг спустя из кормовой двери, словно ночной мотылёк, выпорхнул пожилой мужчина в развевающемся белом халате, стянутом на худощавой талии. Его выдавала нервозность – несколько минут он простоял, вцепившись в поручни. Но, казалось, ночной воздух не принес ему успокоения. Вздохнув, он резко развернулся и скрылся в глубине яхты.

Мужчины в воде переглянулись. Кусанаги, чье лицо скрывал плотный слой камуфляжа, приподнял руку над поверхностью и коснулся пальцем бронированного стекла часов. Сецура, его молодой напарник, безмолвно кивнул. В едином порыве они поплыли к корме «Леди Меркель». Там, в ожидании, мерцала двухместная подводная лодка «Одиссея», на которой час назад они начали свой дерзкий путь.

Найти яхту не составило труда. Впрочем, «Леди Меркель» была слишком роскошна, чтобы называться яхтой. В коммерческом флоте её бы окрестили круизным лайнером. Пять ослепительных палуб, четыреста тридцать тонн стали и великолепия, более ста пятидесяти футов абсолютной власти над волнами.

В её бассейне с комфортом могли бы плескаться шесть обнажённых моделей, загримированных под русалок – что однажды, к нескрываемой радости приглашённых боссов Синдиката, и произошло. Словом, цель более чем заметная. И до обидного беззащитная. В эту ночь радары молчали.

Безлунная тишина обволакивала мир, когда в 3:37 утра «Одиссея» покинула секретный док на побережье Майами. Субмарина, собранная по индивидуальному заказу во Флориде и модернизированная на тайной базе синдиката, несла на борту пятьсот кубических футов кислорода, а мощные аккумуляторы позволяли ей пройти до сорока миль со скоростью четыре узла. «Одиссея» не претендовала на лавры рекордсмена, но для своей главной задачи – скрытного проникновения к цели с моря – она была создана безупречно.

Сецура ловким движением прикрепил присоску буксировочного троса «Одиссеи» к корпусу яхты. Ни души на палубе – возможно, владелец приказал убрать всё с глаз долой, желая насладиться тишиной в одиночестве. Он отстегнул

кислородный баллон и регулятор, и, бесшумно и плавно, как учили его долгие тренировки, зафиксировал их в специально предназначенном отсеке за левым сиденьем «Одиссеи».

Кусанаги, неотступно следовавший за ним, опустил свое снаряжение в правый отсек. Из поясной сумки он извлек два магнитных зажима, соединил их прочным шнуром и повесил на нем тяжелую сумку со снаряжением и ластами. Наблюдая, как напарник освобождается от ласт, он последовал его примеру. Пожилой боец, сторбившись, бесшумно взобрался по складной спелеологической лестнице, прислонённой к кормовому поручню. словно крадущийся призрак, он открыл свою сумку со снаряжением и извлек оттуда два MP5, словно две смертоносных змеи. С тихим щелчком выдвинулись складные приклады, и оружие переключалось в руки ожидающего его сообщника.

На лакированной тиковой палубе, словно хищники в засаде, они присели, готовя оружие к бою. Сухой, зловещий щелчок – двадцатизарядные магазины вошли в патронники. Каждый шорох, каждый звук шагов заставлял их вздрагивать, готовых обрушиться на врага стальной град пуль.

Внезапный озноб пробрал до костей, и старик плотнее запахнул махровый халат. Только что он позвонил на мостик, требуя убавить кондиционер – несмотря на духоту тропической ночи, в каюте стало нестерпимо холодно.

Сон не шёл, ускользал, как мираж в пустыне. Хотелось сбросить с плеч тяжкий груз напряжения и тревоги, вызванных недавним крахом Нового Синдиката. Безумная грызня сотен группировок, отчаянно пытающихся урвать кусок власти... и неизбежное предчувствие, что эта война синдикатов похоронит его под обломками его же империи.

Даже в свои девяносто два года он оставался одним из самых влиятельных людей в мире, благодаря паутине связей, оплетающей весь Синдикат. Но смерть мистера Икс и Шивы стала леденящим душу предзнаменованием скорого конца. Часть его жаждала, чтобы это плавание длилось вечно – только море, небо и умиротворяющее урчание двигателей. Но он знал – этому не бывать. Слишком много алчных глаз жаждут занять его место.

Подойдя к туалетному столику, Арнольд Эрнст Тохт взгляделся в своё отражение. Седые пряди волос, глубокие борозды морщин – карта прошедших сражений, выгравированная временем на его лице. Лучшие годы остались далеко позади. Смогут ли враги пощадить его жизнь и достоинство? В его возрасте у него почти не было шансов противостоять профессиональным убийцам. И он знал – многие из его ближайших соратников предадут его, не моргнув глазом.

– Всё кончено, – прошептал он, глядя в зеркало. Эндшпиль. Король, загнанный в угол целым батальоном пешек. Шах и мат.

Или всё же нет? Оправдался ли его последний, отчаянный гамбит? Сможет ли эта рискованная карта, брошенная на стол в последней надежде, принести ему победу?

Лёгкий стук в дверь заставил его вздрогнуть. Наверняка, опять проблемы с кондиционером. И ведь он сказал капитану – приказал, чёрт возьми! – чтобы его не беспокоили. Устало поплёлся к двери, предчувствуя недоброе.

Повернул ручку. Дверь распахнулась. И захлопнулась за ним в тот же миг, втаскивая обратно в каюту. Слабая попытка сопротивления разбилась о стальную хватку. Руки скрутили за спиной, сковав движение. Сухой треск сломанных костей, и острая обжигающая боль пронзила почки. Его тело согнулось в мучительном поклоне, желудок изверг предательскую желчь, а слабая попытка выпрямиться обернулась потерей контроля – тёплая струя мочи пропитала штанину. Голова раскалывалась от боли и позора, в горле саднила горечь, и он бессильно опустился на край кровати. Распахнувшийся халат обнажал его, но он был слишком разбит, чтобы думать о приличиях.

В центре комнаты, на фоне блёклого голубого ковра, выросли две фигуры. Протирая рукавом слезящиеся глаза и заложенный нос, Тохт с изумлением разглядел, что незнакомцы облачены в чёрные неопреновые гидрокостюмы, а на их груди висит автоматическое оружие. На восточные лица был нанесён камуфляж в виде тигровых полос. В руках у молодого человека виднелось какое-то электрическое устройство.

– Мистер Тохт, – произнёс старший из мужчин, его взгляд был непроницаем. – Прошу вас, оставайтесь на месте. Это ваше последнее предупреждение. Если вы позовёте на помощь или попытаетесь сбежать, мы причиним вам... существенную боль. Чтобы избежать этого, просто сидите тихо и отвечайте на мои вопросы. Вы поняли?

Арнольд Тохт кивнул. Унижение медленно, но верно вытесняло гнев. Он плотнее запахнул халат. Кто, чёрт возьми, эти люди? У него было много врагов, немало конкурентов, но никто из них не опустился бы до подобного фарса. Чёрные стражи? Союз Ящерич? Он поспешно заговорил по-немецки: – Это ваш подручный устроил?

Незнакомцы обменялись непонимающими взглядами. Кусанаги шагнул вперёд. – Мистер Тохт, у нас мало времени. Нам нужны ответы на наши вопросы, и нужны они нам немедленно. Полагаю, вы знаете, кто мы.

– Я понятия не имею, кто вы такие, и, кстати, в этой комнате у меня нет наличных. Но можете воспользоваться моими кредитными картами – мой бумажник в кармане этого...

– Мистер Тохт, вы знаете, кто мы.

Тохт нахмурился. Сецура сделал шаг вперёд. – Мистер Тохт, нам поручено передать вам, что Дредноут желает вернуть своё имущество.

Это имя... После стольких лет – это имя. Внезапное озарение, пронзившее Арнольда Тохта, было сильнее удара током. Он почти мёртв. Он взглянул на них. Увидел в их глазах знание – они знали, что он знает.

Увидев, как поникли плечи Тохта, убедившись, что последние признаки сопротивления покинули его, Сецура засунул электрошокер обратно за пояс. Стоящий рядом Кусанаги расстегнул молнию на водонепроницаемом чехле,

висевшем у него на шее. Тишина, повисшая в каюте, была интимной, почти заговорщицкой.

Как они это сделают? Тохт попытался предугадать. Неужели они действительно пустят в ход оружие? Поднимется адский шум, и им придётся перебить всю команду. Но, взглянув на лица в тигровых полосах, склонившиеся над ним, он понял, что для них нет ничего невозможного.

Он понимал их намерения, знал, чего они хотят. Ему нужно было выиграть время, хотя и осознавал: чем дольше затянется эта игра, тем выше риск для всех на борту.

Приказ был ясен: любой член экипажа, оказавшийся рядом во время эвакуации, должен быть устранён. Если погибнет хоть один, остальные последуют за ним – свидетели не нужны.

"Дредноут, проклятье! Я думал, больше никогда о тебе не услышу..."

Единственный выход – действовать тихо, надеясь на быстрое завершение и ограничение жертв лишь собой. Он видел достаточно крови, чтобы хватило на сотню жизней. Страх отступил, оставив лишь тихое удивление от того, как нелепо всё может закончиться.

Кусанаги взглянул на часы и выглянул в занавешенное окно.

"Так вот оно что," – подумал Тохт. Море. Никаких прикосновений большого пальца к яремной вене, никаких пульс с глушителями, только холодные воды рассвета. И эти двое безымянных солдат, служащих Дредноуту, утянут его вниз, во тьму, к концу всех тревог.

– Мистер, – произнёс Кусанаги, – прежде чем мы закончим, я хотел бы, чтобы вы открыли свой сейф и передали мне документы, которые там хранятся.

Тохт не шелохнулся.

Заметив его колебания, Сецура потянулся к электрошокеру.

Тохт тяжело прошёл по бледно-голубому ковру, снял с полки фотографию в рамке и повернул ручку небольшого настенного сейфа. Достав небольшую пачку научных работ, он передал их Кусанаги, который положил их в водонепроницаемый пакет.

– Закройте сейф. Повесьте фотографию на место.

Тохт выполнил указания.

– Спасибо, мистер Тохт. Теперь я прошу вас снять халат.

Тохт медленно повиновался.

– Вы готовы?

Тохт огляделся по сторонам, рассматривая панели из орехового дерева, роскошную сантехнику и дорогие детали интерьера. Он пережил войну, пережил нацистов, построил и потерял криминальную империю. Теперь, обнажённый, он стоял перед своими убийцами.

– Я готов, – сказал он.

1

Блейз Филдинг, сидя на неудобном стуле посреди огромной сцены, в десятый раз повторяла себе мантру: "Я на национальном телевидении. Никаких срывов. Никаких оскорблений в адрес этого перекрашенного ведущего."

Слепящий свет бил в глаза. Мегаваттные прожекторы казались дюжиной солнц, и Блейз удивлялась, как люди, работающие здесь, ещё не ослепли. Она любила телевидение, но это было перебором. Надела свой лучший костюм, а почувствовала себя хот-догом в беконе, запечённым в духовке.

Ведущий одарил её приторно-сладкой улыбкой, фальшь которой резала глаз. Жестом он предложил Блейз обернуться. Экран за их спинами вспыхнул каскадом кричащих обложек таблоидов и газетных вырезок, явно тщательно отобранных для максимального эффекта.

"ЛОНДОН РАЗРУШЕН ЯДЕРНЫМ ОРУЖИЕМ!"

"НОВЫЙ СИНДИКАТ РАСПАЛСЯ!"

"МСТИТЕЛИ ПРАЗДНУЮТ ПОБЕДУ НАД ЗЛОМ!"

И ещё один, с цветными кадрами яростной драки, который Блейз тут же окрестила своим личным фаворитом:

"БЛЕЙЗ ФИЛДИНГ СПАСАЕТ МИР ОТ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СИНДИКАТА!"

Блейз хотела повернуться к зрителям, но ведущий нетерпеливо махнул рукой, приказывая ей смотреть дальше. Она успела увидеть зернистую видеозапись, на которой она выпускает поток энергии огненного шара.

Ведущий снова ослепил её улыбкой. Блейз это напомнило акулу с искусственными зубами, кружащую под тюленем в поисках идеального момента для атаки. – Мисс Филдинг, – промурлыкал он, – как глава нового международного детективного агентства "Огненный Шторм", вы в мгновение ока стали настоящей знаменитостью!

Блейз кивнула и наклонилась вперёд, стараясь выглядеть искренней. – Похоже на то, – она бросила взгляд на застывшие кадры. – Но такое внимание излишне. Слишком много людей погибло от рук Синдиката. У нас есть работа, которую нужно сделать... перед нами стоит серьёзная задача.

– Расскажите нам подробнее о целях "Огненного Шторма", – попросил ведущий.

Блейз облизнула губы. — Наша цель — сделать мир безопаснее от остатков Синдиката, которые воюют между собой после распада Нового Синдиката. Несмотря на то, что лидер организации, Леон Шива, был убит вскоре после взрыва в Лондоне, всё ещё остаётся множество преступников, членов "Высшего совета Нового Синдиката", которые числятся пропавшими без вести. Они должны быть привлечены к ответственности.

— Значит, после смерти Шивы банды Синдиката вступили в войну?

Блейз кивнула, слегка ёрзая на стуле. — Да, это так. Синдикат — огромная и влиятельная организация, и потеря их лидеров создала вакуум власти. Множество преступников и террористов жаждут занять их место.

Ведущий продолжал улыбаться своей натянутой, кукольной улыбкой. — Ходят слухи, что Синдикат невозможно победить, его можно лишь сдерживать. Его щупальца проникли во все уголки мира. Для многих он — не просто организация, а идеал, нечто большее, чем просто люди.

Блейз резко выдохнула. — Я не верю в это. Ни секунды.

Она сделала паузу, и в её голосе прозвучала сталь.

— Мир меняется. Нет ничего абсолютно неуязвимого. Я убеждена, что их можно победить, и посвятила этому свою жизнь. Сколько бы времени это ни заняло, "Огненный Шторм" навсегда покончит с угрозой Синдиката.

На экране за их спинами появилось зернистое, чёрно-белое фото. Снова Блейз, но на этот раз ей лет двенадцать. В её глазах читался страх жертвы. Она плакала, а тёмное пятно на лбу могло быть только кровью. Подпись гласила: "Трагический случай с осиротевшей девочкой."

— У вас личный счёт с ними, не так ли? — ведущий не отступал, продолжая давить. — Месть за резню в Тсачиле в 1996 году?

Блейз вздохнула. Воспоминания, как осколки стекла, пронзили её сознание. — Да, Синдикат убил мою семью. Но те, кто отдал приказ, мистер Икс и Леон Шива, те, кого я считаю лично ответственными за эту бойню, уже мертвы. Так что, в каком-то смысле, смерть моей семьи отомщена.

— И всё же, вы — продукт экспериментов Синдиката. Правда ли, что вас недавно похитили и подвергли процедуре 'стирания памяти'?

Блейз кивнула. — Да. Меня насильно доставили в лабораторию Синдиката в Сан-Франциско. К их несчастью, процедура 'стирания памяти' дала обратный эффект. Она лишь укрепила мою решимость бороться с ними и сделала меня их самой большой угрозой.

— Говорят, что в результате этих экспериментов вы обрели психокинетические способности?

— Я всё ещё пытаюсь понять, что происходит с моим телом, — ответила Блейз, в её голосе звучала усталость. — Я ещё не до конца смирилась с этим, но да, это правда. Это непросто... За последний год моя жизнь перевернулась с ног на голову. Я всё ещё пытаюсь прийти в себя.

Ведущий нервно пригладил свои тонированные чёрные волосы, надеясь, что яркий свет не выдаст его лысину. – Итак, что дальше с 'Огненным Штормом'?

– Мы всё ещё на стадии подготовки, – ответила Блейз. – Но мы уже сотрудничаем с Интерполом и ФБР, собираем ресурсы, информацию и набираем команду. Уверю вас, очень скоро вы снова услышите о нас в новостях...

Она указала на очередное нечёткое изображение на экране.

– Моя попа не выглядит слишком большой на этом снимке? – спросила она, лукаво прищурившись.

Зал взорвался смехом, перешедшим в бурные аплодисменты.

Блейз покинула сцену и, свернув в коридор, глубоко вдохнула и устало выдохнула. Рекламный марафон длился уже несколько часов. Она металась между теле- и радиостудиями, словно заведённая, но время пролетело незаметно.

На полу в коридоре, мимо которого она прошла, не заметив мусорную корзину, валялись крошки и остатки салата – следы наспех съеденного бутерброда. Блейз даже не могла вспомнить, что это был за бутерброд, что-то из кафетерии "ККАЛ". То же самое касалось и огромного стакана с напитком: Кола? Пепси? Или что-то красное, вроде гавайского пунша? Она не помнила.

Если бы на ужин было что-то действительно вкусное, например, пара бутербродов с арахисовым маслом и мёдом, она бы точно запомнила. А так, всё, что она ела, было просто топливом, необходимым для поддержания работы мозга.

– Ты была великолепна, дорогая, – сказал Аксель Стоун, открывая дверь. – Я наблюдал за тобой по мониторам.

Он легко коснулся её губ поцелуем, задержавшись на мгновение, прежде чем отстраниться.

Блейз тепло улыбнулась.

– Спасибо, Аксель. Но я чувствую себя совершенно измотанной. Хочу поскорее вернуться в отель.

Аксель кивнул, поправляя галстук под пиджаком. Несмотря на напряжение последних недель, он выглядел подтянутым и энергичным.

– Хорошая идея. Завтра нас ждёт долгий день. Я уеду пораньше, мою встречу с генералом Петровым и Исполнительным комитетом Интерпола перенесли на пару часов.

Блейз кивнула.

— Я останусь в отеле до расчётного часа. Мне ещё нужно всё обсудить с Адамом, Максом и Скейтом.

Она последовала за ним к главному выходу, погружённая в свои мысли.

Предстояло ещё многое сделать, прежде чем "Огненный шторм" заработает в полную силу.

На следующее утро, в половине пятого, первые лучи солнца пробивались сквозь щель между занавесками. Одеваясь, Аксель зевнул и посмотрел на Блейз, которая всё ещё крепко спала в постели.

"Какая красивая женщина, — подумал он. — Мне повезло, я настоящий счастливчик". Он решил не будить её, желая дать ей возможность отдохнуть и набраться сил перед предстоящим днём. Нужно было многое успеть.

Выходя из гостиничного номера, он послал ей воздушный поцелуй и тихо прикрыл за собой дверь.

Блейз спала.

Во сне её тело содрогнулось в конвульсиях. Веки плотно сжаты, а лоб опалило внезапной волной жара.

В её видениях деревня пылала. Огонь и дым вздымались к небу, застилая всё тьмой. Резня... массовое истребление...

Нет!

Она сидела на ступеньках их семейной хижины, одинокая и испуганная, гадая, что ждёт её впереди.

Позади неё стояла мать. Блейз подняла глаза и увидела её улыбку. Мать склонилась над корзиной с яблоками, и в её взгляде было столько надежды, что сердце Блейз болезненно сжалось.

— Лейз, — позвала мать. — Лейз, давай, дорогая. Помоги маме!

Блейз не ответила. Мать направилась в маленький, грязный дворик рядом с хижинкой, чтобы накрыть на стол к ужину. Неужели она ничего не понимала? Неужели не чувствовала нависшей угрозы?

С корзиной яблок мать вышла во двор, к деревянному столу.

Как только мать Блейз прошла мимо, трое мальчишек, слонявшихся у хижины, принялись толкаться локтями, показывая на Блейз и злобно хихикая. Вскоре хихиканье переросло в насмешки.

— Чудовище! — выкрикнул один из них.

Обычно она умела не обращать на них внимания. Она приучила себя к этому, возвела стену вокруг своего сердца, чтобы защититься от их жестокости. Но сегодня... сегодня она не могла. Она не хотела... но не смогла удержаться и обернулась.

Блондин, самый старший из них, ухмыльнулся и хлопнул одного из своих друзей по плечу.

— Видите? Она знает своё имя!

Опустив голову, Блейз заставила себя отвернуться, уставившись в пустоту. Но этого было недостаточно, чтобы заставить их замолчать.

— Проваливай, чудовище! — крикнул другой. — Мы не хотим видеть тебя здесь!

Блейз вздрогнула, когда камень ударился о ступеньки рядом с ней. Она поднялась и попятилась, когда они бросили ещё один. Он пролетел мимо, но третий камень больно ударил её в плечо. В ужасе Блейз обернулась к внутреннему двору, ища глазами мать.

Прежде чем она успела её увидеть, следующий камень, больше и тяжелее предыдущих, попал ей прямо в лицо, разбив лоб и забрызгав траву кровью. Захлебываясь рыданиями, Блейз споткнулась и попыталась отползти.

Вдруг она услышала крик. Обернувшись, она увидела орочи, стоящего над её головой, размахивая топором.

Она зажмурилась, и звук, похожий на рубку мяса, пронзил тишину.

— Мама! — позвала она, но в ответ — лишь тишина.

Он повалил её на траву. Дальше — только боль и отчаяние.

— Не надо, — прошептала она, голос дрожал. — Пожалуйста, не надо!...

Сквозь слёзы она увидела крошечную голубую искорку, танцующую на её груди, словно уголёк костра.

— Мама! — закричала она, вкладывая в этот крик всю свою надежду.

Мать вздрогнула, услышав знакомый голос. Секунда — лишь мгновение — потребовалась ей, чтобы увидеть маленькую фигурку дочери, придавленную мужчиной, и отблески пламени, играющие на её теле.

— Мама, помоги мне! Я больше не могу!

Мать издала нечеловеческий крик. Яблоки рассыпались по полу, когда она отшвырнула стол и бросилась к дочери, пытаясь оттолкнуть насильника. Она должна добраться до Лейз, спасти её.

— Пожалуйста!

Но не успела.

Блейз почувствовала, как её мать... взорвалась. Всё, чем она была, её аура, её сущность, вспыхнуло ослепительным белым светом, расширяясь, поглощая всё вокруг. Клубящееся облако горячего синего пламени охватило её, двор, мать, насильника, здание – всё. Она могла только терпеть, зная без слов, что её мать сторела дотла, как и её отец, брат, деревья, птицы, крысы – всё живое. А затем, когда всё стихло, ударная волна завершила разрушение, сравнив с землей остров Кокос...

Пламя.

Она осталась стоять одна, рыдая над руинами своего маленького мира.

Блейз Филдинг, лежавшая на кровати, внезапно закричала.

Рукава её ночной рубашки мгновенно испарились. Спина выгнулась дугой, когда её тело охватило голубое пламя, такое яркое, что сквозь кожу просвечивали кости и органы, зрачки в глазницах, рёбра. Простыня и одеяло превратились в пепел. Лишь несколько секунд – и сияние вырвалось за пределы гостиничного номера, затопив коридор опасным бело-голубым светом.

В главном вестибюле, за стойкой администратора, Брэд и Терренс ели пиццу и слушали радио, какого-то диск-жокея, считавшего себя большим юмористом. Музыка долбила по ушам, заглушая даже собственные мысли. Но что-то было не так. Что-то странное витало в воздухе, как и идиотский смех парня, которому, видимо, нравилось, когда его кусали за задницу.

Громкость музыки, казалось, намеренно скрывала тихий, надоедливый писк пульта. Брэду понадобились мучительные секунды, чтобы осознать: этот слабый, пронзительный звук, который он по ошибке принимал за треск динамиков, был сигналом пожарной тревоги.

Внезапно, как зловещее предзнаменование, на мониторе компьютера вспыхнул красный сигнал. Неожиданность была настолько ошеломляющей, что они замерли, парализованные изумлением. В этот час здесь никогда ничего не происходило, только монотонный гул машин и усталость офисных стен.

Синхронно вскочив на ноги, Теренс в ярости надавил на кнопку пожарной сигнализации. Заунывный вой сирены разрезал тишину, но его тут же заглушил низкий, утробный грохот, заставивший содрогнуться пол, мебель и сами кости.

Брэд судорожно сглотнул, в голове промелькнула мысль о землетрясении. Но затем он увидел, как глаза Теренса, казалось, вылезли из орбит, прикованные к чему-то в коридоре. Последовав за его взглядом, Брэд почувствовал, как отвисла челюсть.

В тридцати футах от них, по коридору, медленно, но неумолимо двигался шар пульсирующего голубого огня.

Брэд издал сдавленный крик и резко обернулся, но бежать было некуда, да и времени не оставалось. Они могли лишь стоять, как парализованные кролики

перед удавом, и в ужасе наблюдать за тем, что, несомненно, было их неминуемой гибелью.

Теренс, наконец, выдавил из себя лишь одно слово: «Вот дерьмо!»

Шаровая молния, словно играючи, накрыла стойку администратора, и они, инстинктивно, бросились на пол, ища защиты под хлипким навесом полки.

Стеклянные стены с оглушительным треском разлетелись вдребезги, и пламя с яростным рёвом ворвалось внутрь, заливая всё вокруг обжигающим, неземным синим светом. В мгновение ока все окна отеля взорвались, и огненный шторм вырвался наружу, осыпая сады внизу градом стекла и пепла.

А затем..

Тишина. Лишь запах пепла и едкая гарь в воздухе.

2

В недрах Скалистых гор
17 декабря 2018 года

Вход на военную базу оказался зловеще привлекательным: огромная пасть пещеры, выдолбленная в утробе горы. Аксель Стоун, окидывая взглядом этот мрачный портал, решил, что лучшего места для новой штаб-квартиры Firestorm не найти.

— Это великолепно, — прошептала Блейз, кутаясь в объятиях колючего полуденного воздуха. — Ни за что не догадаешься о существовании подземной базы, если бы не эти чудовищные бетонные ворота.

Аксель кивнул, соглашаясь с её оценкой. — Генерал Петров лично рекомендовал этот объект и практически гарантировал содействие федерального правительства в передаче его нам в аренду. Военные отказались от него восемь лет назад, и с тех пор здесь царит запустение.

Блейз подняла блокнот, испещренный торопливым почерком Петрова. — «Подземный командный центр Крик-Маунтин был возведен для бдительного наблюдения за небом и космосом, выискивая признаки вражеской активности. В эпоху своего расцвета он считался приоритетной целью для ядерного удара, возможно, самым укрепленным подземным комплексом в мире. Тем не менее, американские военные признают, что он не выдержал бы прямого попадания одной из их собственных ядерных ракет. Инсталляция состоит из сорока пяти стальных зданий, расположенных сеткой на площади почти в шесть гектаров внутри горы, уходящих вглубь на двадцать уровней».

Миновав пару гигантских бетонных порталов, они оказались в огромном, подобном пещере зале. Когда глаза привыкли к полумраку, они разглядели полированный бетонный пол и убогую лачугу из гофрированного железа, уютившуюся рядом с будкой охранника.

— Здесь есть скрытый лифт, — ухмыльнулся Аксель, предвкушая сюрприз. — Довольно мило, правда? Серьёзно, я не думаю, что мы могли бы желать большего. Этот осмотр будет пустой формальностью.

Блейз пожалала плечами, нахмурившись при виде убогого состояния лачуги. — Возможно, но нам предстоит основательная уборка и ремонт, прежде чем я увижу здесь то, что хочу видеть.

— Да, — согласился Аксель, нажимая кнопку вызова лифта в будке охранника. Затем он присоединился к Блейз на платформе, и мгновение спустя лифт плавно тронулся, медленно скользя вниз по шахте.

— Итак, как ты себя чувствуешь? — спросил Аксель, сменяя тему и стараясь казаться непринуждённым. — После того... «инцидента»... прошлой ночью в отеле?

Блейз судорожно сглотнула, не отрывая взгляда от цифрового табло, где мелькали цифры: 3, 4, 5... Расстояние между этажами казалось бесконечным. Она избегала его обеспокоенного взгляда. — Не очень, — призналась она наконец. — Если быть до конца честной, Аксель, эти продвинутые homo superior просто сводят меня с ума. Я действительно не знаю, как я собираюсь контролировать такую мощь. Это уже второй раз, когда со мной что-то происходит во сне, и это переносится в реальный мир. Сначала на прошлой неделе я начала что-то менять в своей голове и в итоге вышвырнула тебя из постели, что было довольно забавно. Но это... на этот раз пострадали люди. Погибли люди...

Аксель глубоко вздохнул и бережно положил руку ей на плечо.

— Это не твоя вина, Блейз. Я верю, ты быстро вернешь контроль над своими способностями. Ты уже проходила через это, и ты справишься снова.

Блейз покачала головой, её взгляд был полон муки.

— Но какой ценой, Аксель? Сорок три жизни, оборванные в том отеле. Невинные люди... Если бы я не обратила то место в пылающий ад, они были бы живы.

Аксель замолчал, не находя нужных слов. Он чувствовал, как отчаянно хочет развеять её горечь, но слова застревали в горле. После долгой паузы он произнёс:

— Синдикат виновен в произошедшем. Не ты одна несёшь ответственность за это.

Казалось, его слова тронули её.

— Возможно... Мы поговорим об этом позже.

Лифт бесшумно скользил вниз, погружая их в тишину. Цифры на табло медленно сменяли друг друга: 11, 12, 13... Казалось, шахта уходила в самое сердце горы.

Аксель нарушил молчание:

– Тебе удалось связаться с остальными?

Блейз сдавленно усмехнулась.

– Несмотря на то, что я умудрилась убить сорок три человека и превратить трёхзвёздочный отель в пепел, да, я справилась. Макс и Скейт готовы ринуться в бой по первому зову. А Адам завершает переговоры с директором ФБР о своем назначении в Firestorm. Как только он уладит все формальности, он тоже в деле.

– А наши новобранцы? – спросил Аксель, имея в виду тех сотрудников, которых Блейз наняла для рутинной работы и управления базой.

– Они ждут своего часа, – ответила она. – Как только мы найдём подходящее место для штаб-квартиры, я дам им знать. Поверь, максимум через пару дней мы сможем начать работу.

Двери лифта распахнулись, являя взору двадцатый уровень. В самом сердце подземной базы, в этом оазисе тайны и технологий, на лице Блейз впервые за долгое время промелькнула улыбка.

Она коротко кивнула Акселю. – Именно то, что нужно, – прозвучал её тихий, но уверенный голос.

72 часа спустя

Адам Хантер приглушил рык своего блестящего чёрного «Харлея», остановившись в дюйме от барьера. С первого взгляда он принял его за деревянный частокол, но приблизившись, разглядел стальную конструкцию с толстыми прутьями. Эти массивные ворота, словно челюсти, надёжно отгораживали базу от внешнего мира, гарантируя, что ни один незваный гость не проникнет сюда без тщательной проверки.

После многочасовой поездки по извилистым дорогам Скалистых гор Колорадо, он, слезая с мотоцикла, ощутил неприятное прикосновение брук, насквозь пропитанных потом, к кожаному сиденью. На заднем сиденье его скудное снаряжение ютилось в двух дешёвых чемоданах, болтающихся, словно ненадёжные корзины. "Однажды, – пообещал он себе, – я куплю себе нормальную машину".

Сбоку от ворот виднелась кнопка звонка, над которой красовалась примитивная табличка «Утилизация отходов». Адам усмехнулся, нажимая на неё. Интересно, подумал он, хоть кто-нибудь верит этой уловке? Всего пять минут назад, когда он свернул с шоссе, огромный выцветший знак кричал: «Крик-Маунтин, Особая Зона Правительства США».

Впрочем, решил он, возможно, эта маскировка всё же работает – репортёров с фотоаппаратами здесь не видно.

– Адам Хантер, – раздался голос из динамика, настолько искусно спрятанного, что он не заметил его раньше.

Холодный горный воздух пробирал до костей. Адам попытался собраться с мыслями.

— Да? — ответил он.

— Адам Хантер, — повторил голос. — Сотрудник ФБР, прибывший из Вашингтона.

Наступила долгая пауза, нарушаемая лишь завыванием ветра. Затем Адам снова вздрогнул, когда часть каменной колонны, до этого незаметная, бесшумно сдвинулась под действием скрытой гидравлики. Ещё одно движение, и из образовавшегося отверстия выдвинулся окуляр с жидкокристаллическим экраном и сканером.

Адам прижался лицом к окуляру, стараясь не моргать, предчувствуя, что сейчас произойдёт. Внезапно луч фиолетового света пронзил его сетчатку, стремительно скользя взад и вперёд. Доля секунды — и на маленьком экране появилось его удостоверение. Мгновение спустя тяжёлые ворота с лязгом отворились, пропуская его в сердце тайны.

Адам снова взобрался на мотоцикл, и тот, повинаясь, медленно вполз на территорию. Ворота сомкнулись за ним, словно челюсти гигантского зверя, отрезая от мира, запечатывая в утробе тайны, о которой никто не должен знать.

Рык мотора разорвал тишину, и Адам, послушно следуя тропе, проложенной сквозь стройные ряды деревьев, ведущей в самое сердце горы, почувствовал — так оно и есть. Здесь заканчивается известное, начинается неизведанное.

Извилистая дорога, петляя, словно змея, привела его к главному входу, во всяком случае, Адам так решил.

Снаружи — скромный провал в скале, задрапированный изумрудным бархатом листвы. Вход — это две исполинские бетонные плиты, вросшие в пасть пещеры. Аксель предупреждал: так и будет. База словно мимикрировала под ландшафт, сливаясь с ним в единое целое, невидимая для всевидящего ока спутников.

Едва Адам коснулся земли, бросив мотоцикл, двери бесшумно разверзлись, впуская его в свои каменные объятия. За порогом бетона царил мир, чуждый всему, что он видел прежде. Холодный блеск полированного бетона, отполированный до зеркального блеска мрамор, и зеркала... Множество зеркал, за которыми, Адам не сомневался, неусыпно следили камеры. Искусственная зелень, прикрывшаяся у основания стен, скрывала, вероятно, целый арсенал шпионской аппаратуры — микрофоны, датчики движения, газовые клапаны на случай изоляции или чего похуже.

В центре этого технологичного святилища возвышалась круглая платформа из матового металла, словно алтарь, венчала которую обшарпанная жестяная будка. Рядом, словно часовой у врат преисподней, застыл охранник в бесцветной униформе, непроницаемым взглядом сканируя приближающегося Адама. Ни имени, ни эмблемы — лишь серая бесформенность, напоминающая спецодежду водителя мусоровоза.

Адам натянул на лицо подобие приветливой улыбки, поднимаясь на платформу с увесистыми чемоданами в руках.

– Здравствуйте, я...

– Опаздываете, – оборвал его охранник, не дрогнув ни единым мускулом. – На двадцать минут.

Адам моргнул, и на его губах заиграла кривая усмешка.

– Ну, знаете ли, это не самое простое место для поиска, а?

В уголках губ охранника мелькнула тень улыбки, словно лёд слегка подтаял.

– Мистер Хантер, вас ждут на двадцатом уровне. Пройдите в кабину.

Адам в замешательстве уставился на него.

– Простите?

Голос охранника оставался бесстрастным, как гранит.

– В кабину, пожалуйста.

Слегка обескураженный, Адам опустил чемоданы, поднял их снова и повиновался. Под ногами ощутимо дрогнула платформа, и он понял – это лифт. Ироничная усмешка тронула его губы. Все эти секретные военные штучки, эти шпионские игры – скрытые камеры, микрофоны, лифты, словно сошедшие со страниц старых бондианов – забавляли его.

Уже в тесной железной кабине, Адам всё ещё улыбался, когда платформа пошла вниз, поглощаемая тьмой, а крышка над головой захлопнулась, очерчивая круг вспышками аварийных огней. Заглянув в мутное квадратное окошко, он едва удержался, чтобы не потерять равновесие. Оказалось, что этот лифт – лишь один из множества, скользящих вверх и вниз по гигантской, уходящей вглубь пропасти шахте. Казалось, будто он летит на тарелке в бескрайнем космосе. Лёгкий сквозняк, с привкусом металла и машинного масла, коснулся его лица. То, что он различил в полумраке и тишине, являло собой лабиринт лифтовых шахт, пронизанных исполинскими колоннами, поддерживающими всю эту конструкцию. Воистину, инженерный замысел поражал воображение. Адам зачарованно следил за пляской цифр на цифровом табло над входом в кабину, пока лифт, наконец, не замер на двадцатом уровне.

Двери распахнулись, и он ступил в просторный, залитый неоновым светом вестибюль, окутанный прохладой кондиционера. В нескольких шагах от него, облаченная в строгий деловой костюм, его уже поджидала Блейз Филдинг, озаряя всё вокруг своей лучезарной улыбкой.

– Добро пожаловать в самое сердце Firestorm, Адам! – воскликнула Блейз, стремительно приближаясь и заключая его в крепкие объятия. Адам улыбнулся в ответ, искренне радуясь встрече, и нежно коснулся её щеки губами. – Рад видеть тебя, Блейз. – Он обвёл взглядом стены и потолок, обшитые

полированным металлом, оценил обилие современной техники и кивнул, впечатлённый увиденным. – Это место просто потрясающее. Думаю, вы с Акселем проделали здесь титаническую работу.

Блейз заливисто рассмеялась. – Ну разве не чудо? Я обязательно проведу тебе экскурсию позже. А сейчас, пойдём, остальные уже ждут нас в переговорной.

Адам последовал за ней сквозь высокие стеклянные двери в атриум, где в спешке заполнил пропуск. Затем они прошли по коридору к двери с табличкой "ОПЕРАТИВНЫЙ ОТДЕЛ".

Приложив карту и набрав код на клавиатуре, Блейз жестом пригласила Адама пройти вперёд в небольшой офис открытой планировки, уставленный компьютерными терминалами. За одним из них мужчина в массивных чёрных очках, одетый в наушники, что-то увлечённо записывал. За другим женщина с вызывающей причёской в стиле панк внимательно изучала аэрофотоснимки. При появлении вошедших все приветственно подняли руки. – Мне что-нибудь пришло? – поинтересовалась Блейз.

Женщина с панковской причёской кивнула. – Пара дел. Ничего критичного. И фотографии, которые вы запрашивали, готовы. – Она протянула Блейз чёрный конверт.

– Благодарю. – Блейз повернулась к Адаму. – Переговорная прямо за этой дверью.

В переговорной не было окон, но яркое освещение с лихвой это компенсировало. Вокруг прямоугольного стола из красного дерева, отбрасывающего багряные блики, расположились знакомые лица Акселя Стоуна, Макса Хатчетта и брата Адама, Эдди "Скейта" Хантера.

– Адам! – ухмыльнулся Скейт. – Ты всё-таки добрался!

Адам, облегчённо выдохнув, шагнул вперёд. – Да, наконец-то. Без карты найти это место было непросто. Рад тебя видеть, братишка. – Он обменялся с братом дружеским приветствием, затем повернулся к остальным. – Аксель, Макс... как поживаете?

Макс кивнул. – Адам.

– У нас всё отлично, приятель, – отозвался Аксель. – Присаживайся. Пора начинать.

Адам кивнул в ответ, со скрипом отодвинул стул и тяжело опустился на него. В дальнем конце комнаты он заметил, что налажена видеосвязь с Мерфи, его партнёром из ФБР в Вашингтоне. Цифровое изображение было зернистым и прерывалось, но связь держалась.

– Здорово, Мерфи! – крикнул Адам. – Тебе бы когда-нибудь вырваться сюда, увидеть это место. Оно невероятное.

На экране Мерфи кивнул. – Когда-нибудь, Адам, когда-нибудь. Но ты знаешь, я нужен здесь, в Вашингтоне, прямо сейчас...

– Конечно.

Блейз облизнула губы. – Итак, если все готовы, предлагаю перейти к делу, – произнесла она. Её лицо мгновенно стало серьезным и деловым, как всегда, когда она обдумывала предстоящую миссию. – Взгляните на это.

Она извлекла из черного кейса две цветные фотографии и разложила их на столе, чтобы все могли видеть. На одной был изображён чисто выбритый мужчина средних лет в тёмном костюме, на другой – размытый портрет жутковатой фигуры, облаченной в некое подобие маски для БДСМ.

– Вы можете узнать этих людей, а можете и не узнать – это главари Теневого Альянса, террористической сети, выросшей на руинах Нового Синдиката. Тот, что слева – Сильвер Маклеод, человек, которого тренировал сам Леон Шива, а второй известен как Дредноут, печально известный нацистский военный преступник. Когда-то они оба были новыми советниками Синдиката; в последнее время они занимаются тем, что объединяют разрозненные банды Синдиката, устраняют лидеров соперников и захватывают их территории. Теновой Альянс крепнет с каждым днём.

– ФБР уже некоторое время ведёт наблюдение за этими субъектами, – добавил Мерфи.

– Эти ребята не дилетанты, – предупредила Блейз.

– Я и не сомневался, – пробормотал Адам.

– Дредноут, в частности, считается исключительно опасным, – подчеркнула Блейз. – Он психопат, хладнокровный убийца, и его не стоит недооценивать...

– Почему на нём эта нелепая маска? – спросил Макс, наклоняясь вперёд, чтобы лучше рассмотреть фотографию. – Кто этот тип?

– Я провёл небольшое расследование, – отозвался Мерфи. – Мне удалось нарыть кое-что интересное.

Он на мгновение исчез из кадра, а затем вернулся с папкой в руках.

– Карл Хаупштейн родился в Мюнхене в 1897 году. Музыкальный вундеркинд с ангельской внешностью и светлыми волосами, юный Карл, известный как "Дредноут", объездил европейские столицы, покоря публику своим оперным голосом.

Но с наступлением половой зрелости его голос сломался, превратившись в глубокий бас, что поставило крест на его карьере. Уже в раннем возрасте в нём проявились признаки мазохизма – он ежедневно истязал себя свежими розгами, находя извращённое удовольствие в боли.

В подростковом возрасте он возненавидел собственную неуклюжесть, и у него развилась тяжелейшая форма дисморфофобии. Одержимый идеей физического совершенства, он начал проводить над собой чудовищные эксперименты:

хирургически удалил веки, часть челюсти, пальцы рук и ног, заменив их механическими имплантатами. Он разработал плотно прилегающую маску, служившую электронным синтезатором голоса, и практически никогда её не снимал. Он верил, что слияние живой плоти и механизмов – путь к истинному совершенству...

Аксель шумно выдохнул и кивнул сам себе. – Звучит до жути знакомо...

Мерфи продолжил: – В 1930 году он впервые встретился с Адольфом Гитлером. Одержимый идеей расовой чистоты, Дредноут быстро стал самым преданным учеником фюрера. Вскоре он вступил в НСДАП и стремительно продвигался по карьерной лестнице, вступив в СС в 1933 году и дослужившись до звания оберштурмбаннфюрера. Он был награжден Железным крестом за заслуги перед Третьим Рейхом, в том числе за службу в качестве коменданта концлагеря Освенцим, где он проявил себя с особой жестокостью. Дредноут возглавил общество Туле, группу немецких аристократов, одержимых оккультизмом. Он помогал им проводить бесчеловечные эксперименты, создавая генетических уродов, которых очевидцы называли "невероятными монстрами".

Будучи мастером фехтования, он прославился своим искусством владения мечом и даже разработал собственные, уникальные клинки. Когда советские войска штурмовали Берлин в 1945 году, Дредноут лично уничтожил несколько групп советских солдат, атаковавших его базу, но был тяжело ранен танковым снарядом, повредившим позвоночник. Вскоре после этого он исчез.

После его исчезновения, в 1956 году, в Румынии была обнаружена безымянная могила. По стоматологической карте останки были идентифицированы как принадлежащие Дредноуту. Однако в 2014 году он вновь появился. Благодаря синдикату Мистера Икс ему установили механический протез – стальной стержень, заменивший сломанный позвоночник, и электронное сердце, работающее на ультрасовременном водородном элементе, имплантированном в грудную клетку. Эта технология, разработанная не кем иным, как доктором Генрихом Дамом, позволяет ему по желанию увеличивать скорость и рефлексы. Теперь, спустя десятилетия, кровь в его жилах полностью высохла, что делает его практически неуязвимым для огнестрельного оружия.

Скейт хмыкнул, не в силах сдержать нервный смешок. – Этот псих, кажется, окончательно слетел с катушек. И всё из-за утерянного голоса?

Адам сухо сглотнул, ощущая, как во рту пересохло. – Не стоит его недооценивать, Скейт, – предостерег он, не отрывая взгляда от Блейз. Затем, повернувшись к ней, спросил: – Итак, что задумал Теневой Альянс? Каков интерес Огненного Шторма в этом деле?

Блейз медленно заходила из угла в угол, словно хищник, выбирающий жертву. – Теневой Альянс недавно активизировался в Майами, штат Флорида. Они захватили территории Синдиката, после того как был устранён Арнольд Тохт, бывший главарь банды «Чёрная Вдова». Теперь они сеют хаос в городе, захлестнутом волной невиданной преступности. Я хочу, чтобы вы взглянули на эти снимки. На них запечатлены конкретные акты насилия, за которые ответственны эти отморозки и их организация, – закончила она с ледяным спокойствием.

Адам взял из её рук стопку фотографий. Увиденное повергло его в ужас. На первом снимке – искорёженный взрывом торговый центр. Среди обломков – тела, многие из которых невозможно было опознать. Обезображенные, но ещё живые жертвы корчились в агонии в месиве из крови и стекла.

На втором фото – группа юных девушек с потухшими взглядами, прислонившихся к стене здания. Их шеи были перерезаны от уха до уха, багровые потоки заливали их грудь.

Адам, с трудом подавив рвотный рефлекс, перевернул следующий снимок. Пожилая пара лежала обнажённой на обочине дороги, изувеченная до неузнаваемости. Ещё одна жуткая сцена: обезумевшая от горя женщина прижимала к себе мёртвого ребёнка, молодой человек в оцепенении смотрел на бесформенную массу плоти, костей и джинсовой ткани, которая когда-то была его ногами.

Последняя фотография – молодая женщина, лежащая на столе с отсечённой головой.

Адам с усилием собрал фотографии в пачку и, не говоря ни слова, передал их Макс. В глазах читалась лишь усталость и отвращение.

– Иногда таких людей просто необходимо остановить, – произнесла Блейз, задумчиво перебирая свои длинные каштановые волосы. – Их действия – это объявление войны, и единственные правила, которые к ним применимы, – это правила войны, – добавила она с решительным блеском в глазах.

Макс покачал головой, передавая фотографии Акселю. – Каким будет наш первый шаг, Блейз? – спросил он, отводя взгляд от ужасающих снимков.

– Итак, – прошептала она, и голос её едва нарушал тишину, – мой план был прост: напрямик в Майами, и начать прочёсывать улицы. Но Мерфи нашёл ещё кое-что.

Адам подался вперёд, в глазах – искра интереса: – Мерфи, да ты не терял времени даром, пока я отсутствовал.

Мерфи, не отрывая взгляда, кивнул: – До ушей ФБР долетела тень слуха: в канун Рождества, когда город будет объят праздничной суетой, "Теневой Альянс" планирует дерзкое ограбление Национального военного музея в самом сердце Манхэттена. Их цель – некое устройство, пережиток нацистской эпохи. Сами Дредноут и Сильвер Маклеод явятся туда, чтобы лично дирижировать этим балетом теней. Источник мой – скала, информация – чистый гранит.

На челе Макса пролегла тень сомнения: – Что им понадобилось в этой пыльной реликвии, погребённой под слоем семидесятипятилетней истории?

Аксель бросил на него предостерегающий взгляд: – Не забывай, Макс, что и в этих старых машинах войны может таиться смертоносная ярость, как и в день их создания.

Блейз, словно речь шла о погоде, произнесла: – Решено. Перехватываем их в Манхэттене. Надеюсь, мы сможем спугнуть этих крыс в самом начале и избавить себя от долгой и грязной охоты.

Адам шумно выдохнул: – Что ж, это будет... интересное начало нашей карьеры.

Блейз едва заметно кивнула: – Боюсь, это только вершина айсберга.

3

Как только дверь с тихим щелчком захлопнулась за спиной, Адам Хантер опустил неподъёмные чемоданы на ковер, утопающий в мягком полумраке. Измученный, он прислонился спиной к прохладной стене, закрыв глаза. День выжал его до последней капли, оставив лишь глухую усталость и жажду тишины.

Он открыл глаза, обводя взглядом казённую комнату, выделенную ему на базе. Просторно, но до боли безлико. Ни намёка на уют, даже телевизора не было. Впрочем, чего ещё ждать от военных? Блейз и Аксель, прибывшие сюда тремя днями раньше, явно не успели превратить этот унылый каземат в подобие дома.

Комната, однако, дышала чистотой. Кровать была застелена с армейской педантичностью, одеяла натянуты до звона. Сбоку темнела дверь в ванную, и Адам, мысленно вознес благодарность неведомому богу, устремился туда.

Освежившись, он водрузил один из чемоданов на кровать и распахнул его. Среди аккуратно сложенной одежды и прочих необходимых мелочей обнаружилась запечатанная бутылка ирландского виски и пара стаканов. Он без колебаний плеснул себе щедрую порцию и, откинув голову, молча осушил её, наслаждаясь обжигающим теплом, разливающимся по горлу.

Внезапный, оглушительный стук в дверь заставил его вздрогнуть.

Нахмурившись, Адам бросил:

– Входите!

Дверь с тихим механическим жужжанием отъехала в сторону, пропуская в комнату Тину Стоун.

Лицо Адама мгновенно озарилось радостной улыбкой.

– Эмбер! – воскликнул он, не скрывая восторга. – Вот это сюрприз! Когда ты приехала?

Тина Стоун, известная друзьям как Эмбер, прикрыла за собой дверь и, одарив его широкой улыбкой, вошла в комнату.

– Я здесь уже пару дней. Аксель пригласил меня, как стороннего наблюдателя, чтобы я посмотрела, во что вы тут все ввязались. Рада тебя видеть, Адам, столько лет прошло... Сколько, год? Два?

– Два года, – ответил Адам и шагнул навстречу, заключая её в крепкие объятия. – Ну, и что скажешь о базе Firestorm? Впечатляет, правда?

Тина усмехнулась.

– Более чем. Это просто безумное место. Такое огромное... Я тут два дня, и, кажется, видела только половину. Уверена, есть комнаты, о существовании которых Аксель даже не подозревает.

Адам кивнул.

– Поверь, большинство военных баз именно такие. Будешь виски?

Тина кивнула.

– Конечно, почему бы и нет? Итак, как жизнь, Адам? Слышала, ты теперь в ФБР?

Адам наполнил стакан и протянул его Тине.

– Да, специальный агент. Последние восемнадцать месяцев провёл в штаб-квартире в Вашингтоне.

– Но теперь ты здесь?

– Сегодня мой первый день в качестве штатного сотрудника Firestorm. Я всё ещё агент ФБР, но работаю здесь. Есть несколько правительственных агентств, проявляющих живой интерес к этой организации... ФБР – лишь одно из них.

Тина задумчиво отпила виски.

– Должно быть, приятно снова оказаться среди своих.

Адам усмехнулся, и в уголках его глаз залегли едва заметные морщинки.

– Да. И это не значит, что в Вашингтоне я был совсем одинок. Мой напарник, Роберт Мерфи – верный друг. Но ты права, перспектива снова работать с Акселем и остальными... она греет душу. С ними всегда весело. Довольно обо мне. Что у тебя нового, Эмбер? Как жизнь?

Он плеснул в их бокалы янтарной жидкости.

Она пожала плечами, словно отмахиваясь от воспоминаний.

– Да всё по-старому. Работа в Лос-Анджелесе... и тренировки с катаной не бросаю.

Адам улыбнулся, глядя вверх своего бокала.

– Ты уже, наверное, владеешь ею как самурай.

В ответ она лишь лукаво усмехнулась.

– Ты не так уж далёк от истины. Несколько недель назад участвовала в региональном чемпионате. До полуфинала дошла.

– Я рад за тебя! – искренне воскликнул Адам.

– Может, когда-нибудь и в Firestorm пригожусь! – она весело хихикнула, чувствуя, как алкоголь приятно разливается по венам. – Хотя, судя по историям о твоих прошлых подвигах, я не уверена, что потяну такую работу.

На мгновение повисла тишина, нарушаемая лишь тихим позвякиванием льда в бокалах.

– Одна? – вдруг спросил Адам, нарушив тишину.

Она вздохнула.

– Сейчас да. Недавно рассталась с одним... кхм... не самым приятным человеком. Но я не расстраиваюсь. Наслаждаюсь свободой. А ты как? Вроде Аксель говорил, что у тебя была интрижка с агентом из ФБР? Чем всё закончилось?

Адам стиснул зубы и залпом допил виски.

– Если честно, ничем хорошим. Это было мимолётно. В последнее время чаще вижу её со своей бывшей, Джоди Келли. – Он замолчал, погрузившись в свои мысли. – Она как будто преследует меня, куда бы я ни пошёл.

Он издал короткий, нервный смешок и снова приложился к бокалу.

Тина приподняла бровь в немом вопросе.

– Разве вы впервые не переспали лет пять назад?

Он ухмыльнулся.

– Да. Мы познакомились, когда я ещё служил в полиции Лос-Анджелеса. Я арестовал её за вождение в нетрезвом виде. – Он тихо рассмеялся. – С тех пор у нас... странные отношения, если честно. То вместе, то врозь.

– Ты любишь её?

Адам поморщился, словно от зубной боли.

– Не знаю, правда. Всё сложно. У неё... проблемы.

Она кивнула.

– В жизни, похоже, всё сложно. – Она глубоко вздохнула. – Ты хоть раз задумывался о том, что случилось с Акселем четыре года назад? Ну, ты знаешь... та история с Энигмой?

Он бросил на неё взгляд, в котором плескалась обида, горечь разочарования. Осушил бокал виски, словно надеясь утопить в янтарной

жидкости непрощенные воспоминания. — Иногда эта мысль преследует меня. Пытаюсь вычеркнуть, забыть, что это вообще было.

— Иногда мне кажется кощунством хранить это в тайне, — прошептала Тина. Голос дрогнул, выдавая смятение. — Иногда думаю, Аксель имеет право знать.

Адам облизнул пересохшие губы. — Возможно, ты права, — ответил он, но в глубине души надеялся, что этот секрет умрёт вместе с ними. Слишком много лет прошло, чтобы ворошить прошлое.

Она провела рукой по короткой светлой стрижке, взгляд затуманился, глаза приобрели стеклянный блеск от выпитого виски. Взгляд, полный тоски и невысказанных слов, был устремлён на него. — Поступай, как знаешь, Адам. Я умею хранить секреты.

Невозможно было понять, кто первым сломал барьер. Словно под действием невидимой силы, они бросились друг к другу, сплетаясь в объятиях. Он почувствовал, как её пальцы впиваются в волосы, губы жадно накрывают его рот. Его руки скользили по её талии, ощущая тёплый изгиб спины. Он целовал её губы, глаза, шею, волосы, и, когда она прижалась губами к его плечу, расстегнула рубашку и сбросила её с его плеч. Его пальцы нащупали бретельку лифчика, её руки лихорадочно расстегивали его рубашку. Её соски налились и затвердели.

— Так нельзя, — прошептала она, распахивая его рубашку и прижимаясь обнаженной грудью к его груди. — Боже, мы не должны..

— Да, — выдохнул он в ответ. — Ты права, абсолютно.

Её пальцы дрожали, пытаясь справиться с ремнём. — Помоги мне, — прошептала она умоляюще. — Я не могу его расстегнуть.

— Извини, немного заедает, — пробормотал он. — Подарок от Джоиди.

Они рассмеялись, и она издала приглушенный стон, когда он наклонился, расстегнул её джинсы и, прихватив под бёдра, одним движением стянул их вниз. Приподнял её, позволяя языку дразнить и ласкать её грудь.

— О, пожалуйста! — простонала она, обхватив руками его обнажённые плечи. — О, да..

Он медленно опустил её на пол, и они снова поцеловались, на этот раз медленнее, чувственнее.

Отстранившись, он пристально посмотрел на неё, изучая так, как раньше не позволяла вежливость и рамки приличий. Она казалась совершенно другой, словно он видел её впервые. И она отвечала на его взгляд с той же непоколебимой решимостью. Они стояли нагие, сбросив покровы не только с тел, но и с тайн, что клубились в воздухе, как предрассветный туман. Адам отступил на шаг, словно отшатываясь от незримой пропасти, и опустился на край кровати. Эмбер, словно хищная лиана, обвилась вокруг него, её бедра сжали его, упругие бутоны сосков опалили грудь, а влажный трепет вульвы прижался к животу, словно мольба.

— Пообещай, — прошептала она, и в голосе звучала нежность, граничащая с отчаянием, — что мой брат никогда не узнает. Что эта ночь канет в Лету, не оставив следа.

— Эмбер... — выдохнул Адам, чувствуя, как слова застревают в горле, — Он мой лучший друг.

— Поклянись, что это никогда не выйдет наружу. Никогда. Пусть это останется нашей общей тенью, погребённой под пеплом молчания. Поклянись... а потом возьми меня.

— Я никому не скажу, — прошептал Адам, поддаваясь искушению, и провёл рукой между её бедер, раздвигая пальцы. Алкоголь, словно яд, растекался по венам, притупляя разум.

Она подалась вперёд, извиваясь под его рукой, и он почувствовал, как пальцы скользнули внутрь, вызывая тихий стон, сорвавшийся с её губ. Она дышала всё чаще, глубже, отдаваясь во власть ощущений. Кровать скрипнула, нарушая тишину комнаты. Мгновение спустя Адам убрал руку, и Эмбер, словно обессилевшая птица, позволила ему войти в себя.

— Только сейчас... — выдохнула она, голос дрожал, словно натянутая струна, — Возьми меня только сейчас.

Адам знал, что рассвет принесёт с собой не только усталость, но и тягостное бремя осознания.

4

Национальный военный музей
Манхэттен, Нью-Йорк
24 декабря, 04:39

В выставочном зале воздушного боя царил полумрак. Лишь в дальнем углу, словно одинокий страж, маячил силуэт охранника, склонившегося над консолью сигнализации.

На голографическом экране всё казалось безупречным, но тревожная складка пролегла на лбу охранника — уловимое жужжание нарушало мёртвую тишину. Он высвободил луч фонарика из кобуры и скользнул им по периметру, прошупывая углы и заглядывая в тень, притаившуюся под выставочными экспонатами. Ничего. Лишь эхо шагов в пустом зале. Пожав плечами, охранник двинулся в соседнее помещение, растворяясь в темноте.

Из угла, где только что играл луч света, словно паук, расправил лапы силуэт.

Дредноут, закованный в глянцевый, словно пролитая ночь, латекс, коснулся кибернетического импланта на груди. Тонкая вибрация подтвердила: отлаженные системы работают безупречно, рождая еле слышное, зловещее гудение.

Убедившись, что охранник покинул зал, Дредноут выскользнул из тени и направился к стеклянному куполу, возвышавшемуся в центре зала, словно алтарь. Сорокафутовый колосс, почти касавшийся потолка, напоминавшего своды готического собора, сквозь прозрачный купол открывал вид на мерцающие алмазы звёзд.

Внутри, словно пленник, томилась огромная машина из железа, обезображенная нацистской свастикой. Дредноут бросил презрительный взгляд на остальное убранство зала. Подделки. Беспольный хлам из металла и пластика, искусно замаскированный под артефакты, чтобы обманывать наивных туристов.

Но главное ускользнуло от их внимания.

«Глупцы», – промелькнуло в его сознании.

Внезапно на стекле отразилось движение – Маклеод бесшумной тенью подкрался сзади.

– Начинаем, – процедил Дредноут.

Он резко отступил в сторону, освобождая пространство. Маклеод, не теряя ни секунды, оценил стекло, выбирая точку для удара. Чуть ниже и правее – там, где можно нанести максимальный урон. Выстрел из обреза разорвал тишину громом, и зал содрогнулся от мощного взрыва. Смертоносный дождь из осколков обрушился вниз.

Завыла сигнализация, и аварийные огни, расположенные вдоль потолка, вспыхнули с интервалом в два ярда, рассекая тьму зловещими всполохами.

Дредноут и Маклеод стояли неподвижно, словно каменные изваяния. Когда последний осколок упал на пол, Дредноут шагнул вперёд, рассматривая огромную нацистскую машину, а затем поднял взгляд на потолок, сотканный из полупрозрачной ткани, сквозь которую проникал призрачный свет звёзд.

– Нам нужно действовать быстро, – прохрипел он, и его электронный голос отозвался угрожающим эхом. – Времени почти не осталось.

Маклеод коротко кивнул.

– Я подам сигнал эвакуационной команде.

– Стоять! Руки вверх! – раздался резкий окрик за их спинами.

Дредноут и Маклеод обернулись. В дверях стояли охранники – шестеро, с пистолетами наизготовку и фонариками, и их лица не выражали ничего, кроме ярости от дерзкого вторжения.

Дредноут, содрогаясь всем своим колоссом в конвульсивной тряске, словно обуянный демоном, извлёк из ножен на поясе два чудовищных обоюдоострых клинка. Сталь опасно блеснула в полумраке, и он, развернувшись, встретил взглядом перепуганных стражников.

Один из охранников, не выдержав зловещего ожидания, судорожно вцепился в рукоять пистолета. Гроыхнул выстрел – бах! – и пуля, взвизгнув, впиалась в руку Дредноута.

Не вскрик боли, не шатающаяся походка – казалось, удар не затронул его. Охранник с ужасом уставился на крошечный клочок чёрной ткани, проступивший на месте раны – не разорванная плоть, не алая кровь, а мерзкая, маслянистая слизь. Животный страх парализовал волю, и он выпустил в чудовище всю обойму. Вслед за ним оглушительным залпом разразились и его паникующие товарищи.

Но Дредноут не собирался становиться мишенью. С молниеносной скоростью он рассёк воздух своими клинками, превратив их в зловещее размытое кольцо защиты. В тусклом коридоре взметнулись снопы искр, рикошетиющие пули с воем пронзали тени, три охранника рухнули на пол, поражённые собственной смертью.

Двое других, ослепленные ужасом, почти настигли его, но Дредноут, словно вихрь, обрушил на них свои клинки. Багровая волна омыла пол, смывая чёрную мерзость с его плоти.

Остался лишь один.

– Не надо, – прошептал мужчина, заклиная о пощаде. Дредноут был вне досягаемости его клинков, и охранник, дрожащей рукой, вскинул оружие... но дикий вопль сорвался с его губ, когда нечто невидимое стиснуло его запястье в железных тисках. Кость хрустнула, словно сухая ветка, затем кожа на шее вздыбилась, словно призрак обвил её невидимыми руками. Задыхаясь, он молотил руками и ногами, его подняли в воздух, словно марионетку. И лишь когда в окна ворвались красные и синие огни полицейских машин, Дредноут и Маклеод смогли разглядеть причину его мучений. То был Замза, мускулы его невероятно развитых рук вздымались и перекачивались под кожей, наливаясь силой с каждым вздохом. Молниеносный, жестокий рывок – и верхняя часть туловища несчастного охранника с глухим стуком рухнула на пол, а нижняя осталась безвольно болтаться в руках Замзы. Он бережно опустил безжизненное тело, словно сломанную куклу.

Замза повернул своё гротескное, мускулистое тело к Дредноуту.

– Всё готово, господин, – произнёс он, чеканя каждое слово.

Дредноут кивнул и, развернувшись, направился обратно к машине.

– Команда эвакуации будет на месте через час, – сообщил Маклеод, касаясь портативной рации. – Ещё несколько часов уйдет на то, чтобы разобрать потолок и поднять устройство на вертолёт.

– Очень хорошо, – отозвался Дредноут. – Тогда я, пожалуй, вас покину. Надеюсь, вы можете гарантировать нам успех здесь?

– Да, сэр, – Маклеод кивнул, и в его голосе сквозила уверенность стали. – Не стоит беспокоиться. Мы используем «стелс». И если кто-то осмелится встать у нас на пути, ему придётся познакомиться с Замзой поближе. Верно, Зи?

Замза, словно пробудившийся от дремы зверь, расправил плечи, и утробный рёв, полный предвкушения битвы, разорвал тишину.

09:10

Военный музей возвышался над площадью, мрачный колосс из серого камня, скрепленного веками цемента. Колонны, словно окаменевшие стражи, поддерживали тяжелые фронтоны, намекая на неприступность сокровищ, скрытых внутри.

Поперёк парадного входа, натянутые, как нервы, четыре проволоки удерживали огромный баннер, вспыхивающий алым и белым: «ВОЗДУШНАЯ ВОЙНА: НАЦИСТСКИЕ ЛЮФТВАФФЕ». Зловещий намёк на грядущее.

Над крышей, подобно хищной птице, кружил чёрный грузовой вертолёт без опознавательных знаков. Лопасты, словно когти, яростно вспарывали воздух, а стальные тросы лебёдки, змеями, устремлялись в чрево здания. Что-то грязное, что-то преступное творилось здесь.

Аксель Стоун наблюдал за разворачивающимся хаосом сквозь тонированное стекло грузовика. Перед ним, словно на сцене, разворачивалась сюрреалистическая картина.

Обычное утро, наполненное беспечной болтовней студентов, любопытством туристов и тихим шелестом газет в руках офисных работников, решивших посетить новую выставку в обеденный перерыв. Но вместо этого – взрыв ярости и паники.

В толпе, втянутой в безумный водоворот драки, мелькали лица полицейских, журналистов, и даже всадников конной полиции. Их было слишком много, чтобы сосчитать, а какофония криков, сирен и лязга металла проникала сквозь толстое стекло, царапая барабанные перепонки Акселя. Этот хаос имел зловещий привкус.

Десятки журналистов роптали, когда полицейские, словно стадо, оттесняли их назад, расчищая путь для вереницы чёрных, как вороново крыло, седанов. В этот момент, словно яркий луч в серой толпе, появилась светловолосая журналистка. Поднеся микрофон ко рту, она одарила оператора, замершего в ожидании, своей самой ослепительной улыбкой.

– Полиция Нью-Йорка пока хранит молчание, – произнесла она, демонстрируя безупречный жемчужный ряд зубов. – Спецназ, парамедики, полный комплект, как обычно. И... мусоровоз?

Широко распахнутые глаза дрогнули, улыбка слегка померкла, и она на мгновение отвела взгляд от камеры, на лице промелькнуло замешательство, когда она проследила за неуклюжей машиной. Аксель понял – она читает надпись на борту.

– Мусоровоз? – вопрос повис в воздухе, полный недоумения.

В кабине грузовика, Макс Хатчетт, с лицом таким же бесстрастным и неприметным, как его рабочая роба, осторожно вёл эту громадину сквозь толпу. Рядом с ним, на пассажирском сиденье, Адам Хантер, одетый в такую же безликую униформу, нервно ёрзал, пытаясь осознать происходящее.

Он мечтал о неделях, а то и месяцах, чтобы освоиться на новом месте, прежде чем его бросят в самое пекло. Мечты, мечты..

Силы безопасности сдерживали бушующую толпу журналистов, и когда люди, словно муравьи вокруг муравейника, подняли головы и увидели надвигающегося монстра, они расступились, как Красное море перед Моисеем.

Аксель различал десятки лиц сквозь тяжёлое одностороннее стекло, замаскированное под зеркальный логотип на боку грузовика. В нескольких дюймах от него конный полицейский, не подозревающий об истинной природе машины, осторожно провёл своего коня сквозь толпу и медленно проехал мимо них.

Аксель неловко поёрзал на боковой скамье, проклиная тесноту. Как всегда в этих автомобилях повышенной проходимости, даже в таких крупногабаритных, место пожирало напичканное электроникой оборудование. В конце концов, это была полностью оборудованная передвижная криминалистическая лаборатория, и Аксель делил её с несколькими коллегами, что лишь усугубляло ощущение клаустрофобии.

Блейз Филдинг, сидевшая справа от него, усмехнулась, словно предвкушая, какие сюрпризы ждут её молодую команду. Она нервничала, но в то же время ощущала волнующее предвкушение. Это была первая миссия Firestorm, и она должна была стать проверкой их сплочённости, их способности функционировать как единое целое, как полноценное детективное агентство, а не просто сборище бойцов и отставных копов.

Макс плавно завёл мусоровоз во внутренний двор, затем медленно покатил вперёд, пока тяжёлые железные ворота со скрипом открывались перед ними. Он видел, как снаружи группа агентов ФБР рассеивается, отдавая распоряжения полицейским в форме, приказывая им отойти и уступить территорию. Возмущенные взгляды местной полиции оставались без внимания.

Сразу после этого трое агентов ФБР – Куорри, Мерфи и Мосс – с грохотом захлопнули ворота и оцепили весь район.

Рация в левой руке Адама оживила хриплым голосом Мерфи: "Все зоны под контролем".

Адам вытянул шею, стараясь разглядеть крышу здания перед ними.

С самого края крыши агент Лайм подал им условный сигнал – "чисто". Адам поднёс рацию ко рту: "Закрывают двери. Firestorm прибыл".

Макс вдавил педаль тормоза в пол, и грузовик, содрогнувшись, замер. С лязгом он дернул рычаг на приборной панели.

Задний мусорный контейнер, словно повинувшись команде, развернулся на петлях и опустился, подобно подъемному мосту, являя миру Акселя, Блейз и Скейта.

Адам обернулся, окинув взглядом собравшихся.

— Итак, ребята, привязка.

Аксель, Блейз и Скейт синхронно щёлкнули переключателями на своих поясах. Макс и Адам повторили их действия. Крошечные огоньки вспыхнули в унисон, и каждый издал едва уловимый писк.

Довольный, Аксель выпрыгнул из нутра мусоровоза и решительно направился к музею. Блейз, Скейт, Адам и Макс, как тени, последовали за ним. Агент Мерфи замыкал шествие.

Внутри музей поражал своим великолепием: высокие каменные колонны, отполированные до блеска мраморные панели. Вдоль стен вестибюля тянулись витрины, но их содержимое, по всей видимости, не представляло интереса для незваных гостей. Все экспонаты были нетронуты – ни единый осколок стекла не осмелился нарушить безупречную чистоту пола.

Пара огромных баннеров, рекламирующих выставку люфтваффе, нависали над широкой мраморной лестницей, стараясь привлечь внимание посетителей, хотя невозможно было не заметить гигантский транспарант, развевающийся снаружи.

Агент Мерфи извлёк из потайного кармана комбинезона отчёт. Развернув его, он вслух зачитал сухие строки сводки:

— 04:45 – сработала сигнализация в главном выставочном зале. Взлом, проникновение, ограбление. Шесть охранников – погибли. 05:15 – взрыв пробил потолок. Около 06:00 – прибыл вертолёт.

Блейз задумчиво кивнула.

— Что именно они пытаются украсть?

Мерфи нервно облизнул губы.

— По нашим данным – некую машину для масштабного бомбометания. Если вы знакомы с принципом действия ковровых бомбардировок, то поймете масштаб угрозы.

После тягостной паузы Мерфи откашлялся и жестом предложил группе следовать за ним вглубь главного коридора. Первые лучи восходящего солнца, пробиваясь сквозь высокие арочные окна, расчертили пол причудливым узором из света и тени. В конце коридора, словно стражи, возвышались массивные медные двери, отполированные до зеркального блеска. Они были закрыты, и, хотя ничто не указывало на опасность, Блейз почувствовала, как замедляется её шаг. Инстинкты homo superior,

обостренные предчувствием беды, делали её более осторожной, чем остальных.

— Стойте, — воскликнула она, резко останавливаясь. — Я что-то чувствую..

Аксель нахмурился.

— Что такое?

Она стиснула зубы, не отрывая взгляда от двери.

— Что-то злое. Что-то.. голодное.

Адам взвел курок своей «беретты» и с трудом сглотнул.

— Мы готовы.

Аксель сделал глубокий вдох. Он взялся за дверные ручки и потянул их на себя, после чего вошёл в неожиданно возникшее мерцающее янтарное свечение огней.

5

В выставочном зале царил зловещая тьма, пронзённая лишь синими иглами аварийных ламп, заменивших павшие в бою светильники. Витрины зияли разбитыми глазницами, их содержимое — осколки стекла, изувеченные обломки металла и растерзанные останки экспонатов — валялись в хаотичном беспорядке. Кое-где, словно костры, разожженные адскими бойскаутами, потрескивали и догорали маленькие кучки того, что когда-то было гордостью выставки.

Аксель, продвигаясь вперед, различил впереди смутный силуэт огромного механизма, занимавшего центральное место в зале — очевидно, главной достопримечательности выставки и цели нападения. Стальные тросы, закреплённые по обеим сторонам, слегка покачивались, медленно, но неуклонно подтягивая многотонную махину к зияющей дыре в потолке. Враг пришёл, основательно подготовившись.

Всё вокруг тонуло в тенях, но тишины не было. Мерцающий свет заставлял тени танцевать, оживляя неодушевленные предметы: переборки "Спитфайра", пропеллеры, огромную статую Адольфа Гитлера. Аксель не раз вздрагивал, ловя краем глаза призрачное движение.

Пока что это были лишь тени, порождённые огнем. Ни засады, ни вражеского присутствия.

— Где они? — прошептал Макс, нервно озираясь, готовый к нападению в любой момент.

— Хороший вопрос, — ответил Аксель. Он нахмурился и резко остановился, жестом приказав остальным последовать его примеру. Пол вокруг был усеян

окровавленными, обглоданными ботинками охранников, кожаными ремнями со следами зубов, клочьями алой униформы и разорванными фуражками.

Блейз, взглянув на это месиво, скривилась от отвращения.

– Что за чертовщина? – выдохнула она, и её аура вспыхнула. – Что здесь творится?..

Сердце Акселя бешено колотилось в груди. Прежде чем он успел ответить, он наклонил голову набок, прислушиваясь. Неужели ему это не послышалось? Да, вот он – тошнотворный звук ломающихся костей и чавканья. Запах – густой, прогорклый смрад смерти и сырого мяса – становился все сильнее. Аксель поморщился и неохотно втянул воздух.

– Фу, – скривился Скейт. – Боже мой, как воняет..

Аксель снова принюхался, затем резко вскинул голову, поняв, что жуткий шум доносится сверху.

С потолка свисало огромное, бледное существо. Мощные, жилистые руки и задние лапы, испещрённые вздувшимися венами, огромные, острые, как бритвы, когти, торчащие из пальцев, и зловещая голова, покрытая густой, колючей шерстью. Морда чудовища почти полностью скрывалась в тени, но Аксель слышал, что происходит.

Звук медленного, смачного жевания нельзя было спутать ни с чем, и он видел лишь нижнюю часть острых челюстей, лоснящихся от крови.

– Что за чертовщина? – повторила Блейз.

Существо, казалось, повернуло голову на звук их голосов, но не собиралось прерывать трапезу. Оно просто продолжало жевать, без видимых усилий удерживаясь на потолке.

– Что это? – Адам нахмурился, облизывая губы. Он крепче сжал свою "Беретту". Его палец, словно примёрзший к спусковому крючку, трепетал в нерешительности. Малейшее отклонение от нормы, и пуля разорвёт тишину.

– Что бы это ни было, оно проглотило шестерых охранников целиком, не поперхнувшись, – прохрипел Мерфи. – Вместе с ремнями и ботинками. – Он покачал головой, словно отгоняя наваждение. – Господи помилуй..

Внезапно пространство пронзил крик, вырвавшийся откуда-то из глубины ангара. За машиной, опутанной лебёдохными тросами, кто-то надрывался: – Замза! Фас!

Услышав своё имя, Замза, словно выпущенная пружина, отпустил трос и грациозно спрыгнул на бетонный пол в нескольких футах от них. Теперь, когда чудовище стояло прямо перед Акселем, он мог рассмотреть его во всей красе, вплоть до мерзкой, открытой шеи. Смесь человека, пса и, возможно, динозавра вызывала тошнотворный спазм в его горле. Белёсо-голубая, скользкая кожа, потрескавшаяся, как старый мрамор, испещрённая сетью синих вен, казалась воплощением гнили.

Адам сжал спусковой крючок своей «беретты», но выстрел ушёл в молоко. Вторая пуля просвистела в дюйме от головы твари, взъерошив её колючую шерсть.

Замза встал на задние лапы, резко развернулся, издал пронзительный визг и отскочил в сторону.

Третий выстрел Адама прошил две колонны, прежде чем, наконец, достиг цели. Пуля пронеслась сквозь тело монстра, словно сквозь воздух, и, продолжив свой смертоносный полёт, разнесла вдребезги стоявшую позади статую и огромное окно. Замза издал вопль, пронзительный настолько, что у Макса заложило уши, и рухнул набок. Не успел Адам моргнуть, как тварь снова вскочила на ноги и с немыслимой скоростью бросилась на него, обрушив на него удар такой силы, что его отшвырнуло в сторону, словно тряпичную куклу, и он врезался в медные двери.

Толстые металлические двери содрогнулись и затрещали, а Адам почувствовал, как его лёгкие сдавило, чувства смешались в оглушительном хаосе. Не успел он подняться, как Замза снова нанёс сокрушительный, нестерпимо болезненный удар.

— Адам! — вопль Блейз пронзил воздух.

Адам отлетел в сторону, круша на своём пути стеклянные витрины, словно кегли, пока не врезался в огромное армированное окно. Какое-то подобие укрепления — он пробил его и продолжил падение.

Падение...

С высоты двух этажей, в ночную бездну, окружавшую здание, с высоты, которую могли себе позволить лишь правительственные учреждения и музей-долгожители. Он рухнул всем телом на что-то похожее на промышленный мусорный контейнер. Кровь хлынула из его рта, и, пытаясь удержаться в сознании и вытащить своё изломанное тело из металлической ловушки, он содрогался от боли. По крайней мере, одно ребро было сломано.

После того, что показалось ему вечностью агонии, он перевернулся на четвереньки, затем, напрягая все мышцы, попытался подняться. Но прежде, чем ему это удалось, пелена застлала его глаза, и земля задрожала. Когда пелена перед глазами рассеялась, Адам увидел, что Замза рухнул между ним и пистолетом, приземлившись на удивление легко.

Адам потянулся к оружию, но не успел коснуться его, как из пасти Замзы вырвался язык, раздвоенный, словно змеиное жало, и толщиной с руку взрослого мужчины. Вдоль языка пульсировали мерзкие, кремового цвета мешочки, то раздуваясь, то сжимаясь в отвратительном ритме.

Адам издал сдавленный стон и рухнул на землю, скованный болью, какой не испытывал прежде. Существо сжимало и тянуло его за руку, а там, где плоть Замзы касалась его кожи, вспыхивал нестерпимый жар. Он отчаянно пытался вырваться, но хватка чудовища лишь усиливалась, словно смертельное объятие удава, сдавливающего жертву с каждым выдохом.

Ещё несколько мучительных секунд, и Адам не смог бы сдержать крик, но он запретил себе это, не здесь, не сейчас, и уж точно не для удовольствия этой твари.

Бам! Бам! Бам!

Вспышки выстрелов разорвали тьму переулка, заглушая боль. Мерфи, словно из ниоткуда, возник рядом. Дуло его «Магнума» 44-го калибра дымилось, изрыгая смерть в мерзкое существо, терзающее Адама.

Голубая жижа – кровь Замзы – брызнула из полудюжины рваных ран на языке, и с истошным визгом чудовище разжало пасть, втягивая язык обратно в глотку.

Боль была почти невыносимой, но Адам, преодолевая её, перекатился в сторону, продолжая отчаянно ползти, пока не нашёл укрытие за грязным мусорным контейнером. Краем заплывшего кровью глаза он увидел, как Мерфи одним молниеносным движением выхватил «беретту». Затем, пригнувшись, он юркнул за контейнер, к Адаму, который пытался собраться с силами, понимая, что времени у них осталось критически мало.

– Что ты делаешь? – прохрипел Адам.

Мерфи поднял «беретту».

– Спасая твою шкуру, – отрезал он. – Я просто...

Лязг!

Мерфи вздрогнул и едва не выронил пистолет. Язык Замзы, словно раскалённый нож сквозь масло, пробил стальную стенку мусорного контейнера.

Лязг! Лязг!

Им везло – пока – каждый раз язык чудовища промахивался на волосок. Но как долго они смогут продержаться?

Взгляд Мерфи упал на руку Адама, когда он судорожно вставлял новую обойму в свой пистолет. Плоть дымилась, обнажая жуткую, кровоточащую рану, словно выжженную кислотой.

– Господи Иисусе, – прошептал он. – Всё будет хорошо. – Несмотря на зияющую рану на руке, в Адаме вновь вспыхнул огонь ярости и решимости. Он молниеносно вырвал заряженный пистолет из ослабевших пальцев Мерфи и, презрев опасность, шагнул из-за укрытия мусорного бака, навстречу чудовищному кошмару.

Мерзкий, бледный язык Замзы, словно живой хлыст, обвил дуло пистолета. Адам, не теряя ни секунды, нажал на спусковой крючок, обрушив на тварь шквал свинца.

Замза взревел, сотрясаясь от боли. Его хитиновый панцирь в нескольких местах пронзили пули, и грудь запестрела зловещими пятнами ярко-синей

слизи. Издав душераздирающий визг, он разжал хватку, неестественно выгнулся всем телом и, на мгновение зависнув в воздухе, перемахнул через высокую стену, отделяющую частную аллею музея от остального города, словно его и не было. И исчез, растворившись в ночи.

Адам шумно выдохнул, провожая взглядом исчезающую тень, и, обессиленный, рухнул на колени.

– Так тебе и надо, тварь, – прохрипел он, сквозь стиснутые зубы. – Беги... беги, пока можешь...

– Адам! – отчаянно закричала Блейз.

Не успела она опомниться, как Замза, словно выпущенный из катапульты, бросился на него с невероятной скоростью и, словно кеглю, выбил его через огромное бронированное окно. Стекло с оглушительным звоном разлетелось на тысячи осколков, и Адам исчез из виду, провалившись в зияющую пустоту.

– Нет!

Замза вздыбился, издал злобное шипение, и, не теряя ни секунды, прыгнул в образовавшийся проём, свернув свое массивное тело в подобие шара и вращаясь в воздухе, подобно смертоносной циркулярной пиле.

Мерфи, словно ужаленный, подбежал к разбитому окну, которое теперь больше напоминало зияющую дыру в стене, и с тревогой посмотрел вниз. В тусклом свете уличных фонарей он увидел тяжелораненого Адама, распростёртого на мокром асфальте частной аллеи, окружающей музей. Замза, нависший над ним, готовился нанести смертельный удар.

– Они в аллее! – крикнул Мерфи, лихорадочно соображая, и бросился обратно к массивным медным дверям. – Я пойду! Я знаю короткий путь!

Блейз кивнула, нервно облизывая пересохшие губы. Все произошло так быстро, что она едва успевала осознавать происходящее.

– Хорошо. Спаси его... Мы разберемся с Дредноутом и Маклеодом.

Едва Мерфи скрылся за дверью, как выставочный зал наполнился раскатами зловещего, леденящего душу смеха.

Аксель нахмурился и, не обращая внимания на жуткие звуки, повернулся в сторону лебедочных тросов.

– Давайте, ребята, – скомандовал он. – Сосредоточимся на нашей миссии.

Он решительно направился к гигантской нацистской машине, жестом приглашая остальных следовать за собой. Когда они почти достигли цели, из клубящейся тени словно из ниоткуда появился мужчина в безупречном костюме от Армани.

– Я уж думал, вы не покажетесь, – прозвучал холодный, как лёд, голос.

Это был Сильвер Маклеод. Его лицо было небрито, глаза скрыты за зеркальными стеклами дорогих очков, а в руке он держал пистолет, зловеще нацеленный Акселью в грудь.

– Сильвер Маклеод, – констатировал Скейт, без тени удивления.

Мужчина одарил его притворной улыбкой: – Ну, здравствуй, умник. Не в колледже ли тебе сейчас положено протирать штаны? – В голосе его прозвучала насмешка. – Хотя, положи руку на сердце, признаюсь, я предвкушал эту встречу... С тех пор, как узрел мисс Филдинг в том убогом телешоу. Терпеть не могу реалити-шоу – балаган какой-то. Но когда пронёсся слух, что команда мстителей, причастных к гибели моего наставника, Леона Шивы, удостоит нас своим присутствием... Я просто не мог упустить возможность лицезреть это своими глазами. Как вас теперь величают?... Огненный Шторм, кажется? Удивлён, что вам потребовалось столько времени, чтобы нас выследить.

Блейз прищурилась, вцепившись побелевшими пальцами в рукоять Desert Eagle, нацеленного в лоб Маклеоду.

– Бросай оружие, – процедила она. – Нас здесь больше.

Маклеод расплылся в улыбке, словно ничуть не обеспокоенный, даже слегка расслабился. – Бросить оружие? Но самое интересное ещё впереди, – ответил он, не сводя глаз с нацистской машины, почти исчезнувшей в проломе потолка.

Высоко вверху, в брюхе вертолёт, зевнули гидравлические грузовые люки, готовые принять драгоценный груз. – Ещё пара минут, и мы больше не будем вас беспокоить.

Аксель нахмурился: – Зачем такие сложности из-за этой груды металлолома?

Маклеод коротко расхохотался:

– Если бы ты хоть что-то смыслил в диффузионном двигателе Laxine, ты бы знал, что он единственный в своём роде... разработан самим Дредноутом. То, что он стар, не делает его бесполезным. Просто Дредноут хочет вернуть свою собственность. Ей здесь не место.

Блейз сглотнула. – Кстати о Дредноуте... Где он?

Маклеод ухмыльнулся. Несмотря на соотношение сил один к пяти, он держался так, словно держал в руках все козыри. – Боюсь, вы только что с ним разминулись, моя дорогая. Если бы вы потрудились прийти чуть раньше, я бы, возможно, смог вас познакомить, но, к вашему сожалению, ему пришлось уехать.

– С военным преступником разберёмся позже, – отрезал Аксель. – А теперь бросай оружие и отзывай вертолёт, или мы пристрелим тебя здесь и сейчас. Бежать некуда. Здание окружено ФБР и полицией Нью-Йорка. И как только твой вертолёт покинет Манхэттен, его собьют ВВС.

Маклеод разразился хохотом: — Я, признаться, думал, что вы умнее, но, похоже, я ошибся. Нет, думаю, вы обнаружите, что это вы в меньшинстве. И это благодаря бомбам.

Аксель нахмурился: — Что... О чём ты говоришь?

— У Теневого Альянса припрятаны несколько небольших диверсионных бомб, готовых взорваться в ключевых точках по всему Манхэттену, — просветил его Маклеод. — Если со мной что-нибудь случится, или моя миссия здесь провалится, бомбы будут приведены в действие. Миллионы погибнут. Так что на вашем месте я бы отменил приказ ВВС и позволил вертолёту, разумеется, со мной и устройством на борту, покинуть это место невредимым.

— Что такое диверсионная бомба? — растерянно спросил Скейт.

— Лаксин... — Макс погрузился в раздумья. — Я всегда считал это лишь теорией...

Маклеод вскинул брови, словно удивлённый наивности его слов. — Что ж, теперь это стало пугающей реальностью. И смею вас уверить, разрушения, которые способны сотворить эти крохотные устройства, заставят одиннадцатое сентября показаться лишь детской шалостью.

Он выдержал паузу, давая своим словам впитаться в сознание присутствующих. — Позвольте мне уйти отсюда целым и невредимым — и бомбы будут обезврежены, убраны. Судьба этого места сейчас в ваших руках.

— Чёрт! — процедил сквозь зубы Блейз. — Что нам делать, Аксель?

— Он блефует, — прорычал Скейт, его лицо исказила мрачная гримаса.

Аксель покачал головой, чувствуя, как хаос мыслей бушует в его голове. — Мы не можем рисковать, Скейт. Слишком многое поставлено на карту. — С тяжёлым вздохом он опустил оружие. — Проклятье...

— Опустите оружие, парни. Слишком высока цена ошибки, — приказал он, чувствуя горечь поражения.

— Вот и славно, — произнёс Маклеод, наблюдая, как они подчиняются. К всеобщему удивлению, он тоже ослабил хватку на своем пистолете. — Я подавлю в себе низменное желание прикончить вас сейчас. Это было бы неспортивно, учитывая вашу... любезность. Оставляю вас в живых. Но запомните: если вы ещё хоть раз попытаетесь вмешаться в дела Теневого Альянса, пощады не ждите. Вы дорого заплатите, можете не сомневаться. — Он кивком указал на разбитое окно, за которым растворились Адам и Замза. — А теперь, предлагаю вам пойти и помочь своим... друзьям.

Блейз испепелила мужчину взглядом, полным ярости и бессилия. У них не было иного выбора, кроме как позволить этому ублюдку уйти. Как бы ни было это возмутительно, они были парализованы его угрозами, которые, судя по тем зверствам, что Теновой Альянс совершал в прошлом, были далеко не пустым звуком.

Аксель, подчиняясь неизбежному, поднёс рацию ко рту и нажал кнопку передачи. — Агент Куорри? Агент Мосс, ответьте. Это Огненный Шторм. В планы внесены коррективы.

6

Штаб-квартира Огненного Шторма
Колорадо
25 декабря

Внутри лаборатории, в утробе высокотехнологичного резервуара, Адам Хантер безмятежно покоился в светящейся багровой жидкости. Светодиодные полоски, прикрепленные к прозрачным стенкам, бесстрастно следили за танцем цифр: температура, pH, уровень токсинов и метаболитов – биохимическая симфония жизни, запертой в стеклянной тюрьме.

Жидкость, колыбель Адама, была алхимической смесью – синтетическим варевом, рожденным из экзотических грибных спор и бактериальных наночастиц, искусно смешанных с амбори, искусственно созданным подобием материнской околоплодной жидкости. Это «чудо-зелье», как его окрестили в научных кругах, обещало исцеление от самых страшных ран.

Новейшее достижение медицины, едва вошедшее в практику в конце 2016-го, за последние годы заслужило репутацию «величайшего прорыва в регенеративной терапии».

Погружённые в «чудо-зелье», наночастицы проникали в тело, словно микроскопические хирурги, стимулируя невероятно быстрое восстановление тканей. Увы, перед лицом особо тяжёлых повреждений, даже они оказывались бессильны остановить безжалостное формирование рубцовой ткани.

Вокруг тела Адама, подобно кокону, обвивался биокаст – кибернетический лечебный модуль, последняя надежда на ускорение выздоровления. Раны, нанесённые Замзой, оказались чудовищнее, чем кто-либо мог предположить. Ему предстояло провести не менее двух, а то и трёх дней в искусственной утробе, прежде чем он сможет вернуться к жизни.

Аксель Стоун, примостившись на соседнем смотровом столе, вглядывался в лицо друга. Он не столько размышлял, сколько концентрировал всю свою волю. Если бы его сосредоточенность могла хоть как-то повлиять на ситуацию, он направил бы всю свою энергию на скорейшее исцеление Адама.

— Он справится, — раздался голос за спиной.

Аксель обернулся. Блейз. Она стояла там, словно сошедшая с полотна, в облегающем трикотажном платье цвета воронова крыла, с юбкой, усыпанной блёстками цвета шампанского, и чёрных босоножках с перекрёстными ремешками. Безупречный макияж подчеркивал её аристократические черты, а распущенные волосы свободно ниспадали на плечо. Маленькая родинка на подбородке, словно изящная печать, акцентировала глубину карих глаз и идеально очерченные алые губы.

Богиня. Мечта любого мужчины. Но тень печали омрачала её прекрасное лицо.

– Не так я планировала встретить Рождество, – прошептала она.

Тень на её лице сгустилась.

– И я не могу представить, что семьи тех, кого я убила, тоже сейчас веселятся.

Аксель молча кивнул, сглотнув ком в горле.

– Блейз, ты не должна винить себя за то, что произошло. Те люди в отеле не заслуживали смерти. Но и ты не заслуживаешь расплаты за чужую жестокость. Эти сверхъестественные способности... они были насильно внедрены в тебя, против твоей воли, и большую часть жизни тихо дремали. Тот факт, что они вырвались наружу все разом, не дав тебе времени разобраться... любого бы сломило, понимаешь? Ты не виновата в этих смертях. Это трагическая случайность, чистая и незамутнённая.

Она рассеянно перебирала пальцами. – Да, я знаю. Меня просто выворачивает от того, что федералы решили прикрыться легендой, вместо того чтобы сказать семьям правду. Наверное, решили, что так будет легче – сказать, что их близкие погибли при взрыве газа. И вот, у них, наверное, самое ужасное Рождество в жизни. Поверь мне, я знаю, что такое жить в неведении о смерти родных.

Аксель помедлил, затем смиренно вздохнул. – Мне жаль, Блейз. Мне правда жаль. Не думаю, что у кого-то из нас в этом году будет светлый праздник.

Она подошла к камере Aias и вперилась взглядом в неподвижного Адама, прижав ладони к холодному плексигласу. После долгой паузы прошептала: – Он выглядит таким умиротворённым... Будто ему уже всё равно.

Внезапно её лицо исказилось от горя, и слёзы хлынули потоком.

– Эй, – произнес Аксель, подходя к ней. – Иди сюда. Он бережно обнял её, прижал к своей груди. Её голова безвольно упала ему на плечо, и она зарыдала, опустив руки. Сквозь ткань рубашки она чувствовала биение его сердца – сильное и ровное.

Акселю было невыносимо видеть Блейз в таком состоянии. Он нежно коснулся её волос губами. Его голос был тихим, полным глубокой скорби.

– Ты не одна.

Блейз отстранилась, смаргивая слёзы. – Я знаю.

Аксель глубоко вздохнул, чувствуя, что сейчас подходящий момент. Он полез в задний карман, достал бархатную шкатулку и протянул ей. – Я знаю, что это немного, – сказал он, – но я не хотел, чтобы этот день прошёл совсем бесследно. Чтобы у тебя не осталось ничего... Открой.

Она выдавила слабую улыбку, открыла футляр. Внутри лежало изысканное кольцо из белого золота восемнадцати карат с подвеской из трех мерцающих камней и бриллианта в один карат, словно застывшая слеза.

Блейз задохнулась от восторга, прижав руку к груди. – О, Аксель, это восхитительно!

Аксель улыбнулся ей. – Счастливого Рождества, Блейз. – Он взял кольцо и застегнул его на её тонкой шее. Она коснулась кулона левой рукой, улыбнулась, обвила его шею руками и нежно поцеловала в губы.

– Спасибо, Аксель, – прошептала она. – Я люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, Блейз, – ответил он.

28 декабря

Порой было сложно поверить, что вся эта база скрыта под землёй. Особенно когда взгляд упирался в безликие кабинеты, бывшие обитатели государственных служащих, вереницей тянущиеся вдоль главного коридора двадцатого уровня.

Место это обманчиво напоминало обычное офисное здание. Если отвлечься от привкуса переработанного воздуха, навязчиво циркулирующего в системе жизнеобеспечения, и слегка прищуриться, можно было представить себя в современном небоскрёбе, а не в полумиле под суровой поверхностью Скалистых гор.

По меркам казённого учреждения, здесь царила неприкрытая роскошь. Обычно же взору представали унылые серые шкафы, заваленные канцелярским хламом столы и кладбище неработающей электроники, обреченной на вечное хранение ввиду своей принадлежности государству.

Блейз почти бежала по коридору, пока не оказалась в просторном центральном зале, пол которого украшал выгравированный логотип Firestorm. Вокруг, словно бдительные часовые, расположились специалисты по сбору разведанных, склонившиеся над мерцающими экранами компьютерных станций, а другие пристально следили за пляшущими огнями на тактических голографических дисплеях.

Всё здесь дышало передовыми технологиями и баснословными тратами, но Firestorm щедро финансировалась из частных источников, в первую очередь, благодаря неиссякаемому личному состоянию Макса Хатчетта, не считая её собственных средств. Поэтому они могли позволить себе любую техническую прихоть.

От центрального зала, словно лучи солнца, расходились коридоры, рассечённые прозрачными стеклянными перегородками, ведущие в офисы, операционные и бог весть куда ещё. Блейз едва успела мельком ознакомиться с базой за то короткое время, что они здесь провели, и, учитывая сложившуюся ситуацию, сомневалась, что в ближайшее время ей это удастся. Некоторые вещи оставались неизменными.

Из одного из боковых коридоров к ней приближался Адам Хантер. Свежевымытый, он облачился в тёмную рубашку и слаксы.

— С возвращением, — произнесла Блейз с мрачным выражением лица. — Как ты себя чувствуешь?

Адам кивнул, сдержанно и лаконично.

— Гораздо лучше. Практически полностью исцелился. Немного побаливает, но всё будет в порядке.

— Хорошо, — коротко ответила она. — Пойдём.

Они направились в комнату для совещаний.

Блейз активировала проекционный экран, нажав кнопку на пульте дистанционного управления. Комната мгновенно преобразилась, наполнившись мерцающим светом, исходящим от экрана. Изображение старой фотографии времён Второй мировой войны окрасило помещение в оттенок сепии, придав лицам команды, собравшейся за столом, болезненный желтоватый оттенок.

— Идея, что легла в основу лаксина, зародилась ещё в горниле Второй мировой войны, — произнесла Блейз, и в голосе её звучал отголосок давно минувших дней. — По иронии судьбы, именно Дредноут первым выносил эту концепцию, будучи тогда ещё нацистским учёным. Ему же принадлежит и сам термин — «лаксин».

Она направила луч лазерной указки на одно из лиц в пожелтевшей от времени фотографии. Там, среди группы нацистских офицеров, возвышался Дредноут в гротескной маске противогаза, сжимающий в руке знамя со свастикой.

— Это 1943 год, — продолжала Блейз. — Пока американцы лихорадочно пытались обуздать энергию урана, Дредноут в тайне работал над созданием оружия, что, теоретически, могло превзойти разрушительную силу «Мальша», сброшенного на Хиросиму, в тысячу раз. Ключом к этой чудовищной мощи была частица, существовавшая лишь в теории, ускользающая тень в лабиринтах науки. Она оставалась загадкой до 1979 года, пока Гилберт Зан случайно не наткнулся на её след.

Блейз обвела взглядом внимательно слушавших её мужчин, сложив руки на груди. Лица Макса Хатчетта в полумраке разглядеть было невозможно, но его голос, резкий, как удар хлыста, рассеял тишину: — Ты говоришь о ракушине.

Она кивнула. — По сути, Дредноут предположил, что стабильный изотоп этого элемента, с увеличенной на триста процентов атомной массой, породит элемент, не имеющий аналогов в природе, потенциально самое разрушительное вещество в известной Вселенной. Он окрестил его «лаксином».

— И что же произошло? Почему исследования заглохли? — спросил Скейт.

— Помимо того, что сам атом ракушина так и не был обнаружен, исследования Дредноута были, по сути, украдены у него в начале 1944 года неким Арнольдом Эрнстом Тохтом, нацистским солдатом, позже служившим под его началом в битве за Берлин. Дредноут, разумеется, тогда и понятия не имел,

кто похитил его работу, поэтому, полагаю, он отложил свои изыскания в долгий ящик, посчитав идею с лаксином бесперспективной. Оба они пережили войну и спустя более семидесяти лет стали влиятельными фигурами в Новом синдикате.

– Зачем Тохту было красть результаты исследований? – недоумевал Скайт. – Если они были бесполезны.

– Никто не знает наверняка, – пожала плечами Блейз. – Тщеславие, жажда славы, возможно. Я почти уверена, что Дредноут в конце концов узнал об этом, и именно по этой причине Тохт был устранён агентами Дредноута чуть более двух недель назад в Майами.

В зале повисла гнетущая тишина, пока команда переваривала услышанное, сопоставляя новую информацию с тем, что они увидели в Военном музее четырьмя днями ранее.

– Итак, теперь у него есть результаты исследований, – нарушил молчание Макс, – у него есть источник ракушина, и он превращает его в... лаксиновые бомбы.

Аксель подался вперед, жадно втягивая воздух. «Вот оно, – пронеслось в голове. – Вот как выглядит надвигающаяся катастрофа».

– Теперь, когда у них в руках ещё и этот «Механизм распространения Лаксина» можно с уверенностью предположить, что они готовят масштабную атаку. Вуд-Оук и Лондон могут повториться, а это ещё на один шаг приблизит нас к ядерному Армагеддону.

– Чёрт возьми, просто прелестно, – пробормотал Адам, глядя в пустоту.

– Нам нужно как можно скорее выйти на Теневой Альянс и, самое главное, на этого Дредноута, – твёрдо произнесла Блейз. – Мы должны остановить их... пока не случилось непоправимое. На кону миллионы, а то и миллиарды жизней.

Макс нервно сглотнул, ощущая, как в горле пересохло.

– Есть хоть какие-то соображения, с чего начать поиски?

Блейз щелкнула выключателем проектора и откашлялась.

– Вообще-то, да. – Она начала собирать бумаги, торопливо запикивая их в портфель. – Вы ведь помните, что Дредноут был возвращён к жизни в 2014 году, а его кибернетические имплантаты – дело рук доктора Генриха Дама.

– Разумеется.

– Так вот, у доктора Дама была личная причина "воскресить" Дредноута – его собственный отец, Дитрих Дам, служил под командованием Дредноута во время Второй мировой. Если кто-то и может знать, где сейчас скрывается Дредноут, то это доктор Дам.

Макс кивнул.

- Доктор Дам отбывает пожизненное заключение в тюрьме Гартлох.

- Именно, - согласилась Блейз. - В психиатрическое отделение Гартлох обычно никого не пускают, но, думаю, в этом случае они сделают исключение. Выезжаем, как только получим разрешение и необходимое оборудование.

7

Психиатрическая лечебница Элизабет Гартлох для душевнобольных преступников
В 250 милях к западу от Франции
2 января 2019 года

Эдди «Скейт» Хантер не был к такому готов. Инструктажи, фотографии, даже подробные отчёты - ничто не могло подготовить его к тому крошечному аду, которым дышала лечебница Гартлох.

Едва они переступили порог, как их оглушил хор воплей, исторгнутых из глубин этого каменного колосса, возведённого столетие назад. Кровь застыла в жилах Скейта, скованная ледяным ужасом. Такого он ещё не видел.

Да, были тюрьмы, посещения друзей, оступившихся на краже авто, ограблении винного магазина, мелких грешках. Но здесь, в цитадели, где томились самые отъявленные безумцы, каждый шаг отдавался ударом ледяного ножа в лобную долю. Скейт был потрясён до глубины души.

Охранник повёл их через главный вестибюль. Наверху, вдоль открытого балкона, тянулась вереница окон из армированного стекла. В их тусклом свете мелькали тёмные силуэты - заключённые, жадно вглядывающиеся вниз, отталкивая друг друга в зверином стремлении увидеть хоть что-то новое. Служба безопасности напряжённо следила за порядком.

- Не обращайтесь внимания, - бросил охранник, не сбавляя шага. - Просто любопытство. У нас тут не часто бывают гости. Вы первые за последние десять лет.

Скейт невольно содрогнулся. Он видел, как некоторые заключённые прижимались ладонями к стеклу, царапали его пальцами, раскачивались в припадке нездорового возбуждения.

- Удивлён, что вы позволяете им так себя вести, - заметил он.

Охранник махнул рукой с пренебрежением.

- Да они не опасны. Просто сумасшедшие. Настоящие отморозки сидят в одиночках, в корпусе G.

- Это место ворошит старые раны, - прошептала Блейз, потупив взгляд. Едва слышно добавила: - Пахнет Эджмонтом...

Скейт промолчал. Он не знал Блейз до её работы в полиции Лос-Анджелеса, но слышал немало историй о её непростом прошлом. Не представлял, что её может так зацепить.

У контрольно-пропускного пункта другой охранник сверил их имена со списком, затем пропустил внутрь, где у стойки регистрации их ждала доктор Марш. Здесь воздух был пропитан запахом лекарств и машинного масла, а на лицах медсестёр и санитаров застыл испуг. Они шарахались от каждого шороха, вздрагивали от малейшего звука.

– Корпус G, второй этаж, – произнесла Марш и повела их по коридору. Седовласая женщина бросила на них оценивающий взгляд. – В восьмидесятых мы укрепили этот этаж металлом. Могу с гордостью сказать, что отсюда ещё никто не сбегал.

– О... – только и смог выдавить Скейт.

После долгих блужданий по лабиринту коридоров доктор остановилась перед парой запертых дверей, словно глазницы, прорезанных узкими окошками, укреплёнными решеткой из проволоки. Он едва заметно кивнул двум охранникам, чьи фигуры маячили по ту сторону.

Раздался резкий, словно скрежет зубов, сигнал, и замок неохотно отворился. Скейт, Блейз, Аксель, Адам и Макс, словно тени, скользнули за доктором. Она подвела их ко второму окну из пяти, выстроившихся в ряд, и Скейт, заглянув внутрь, понял, что стекло – одностороннее зеркало, холодное и отстранённое.

Комната за стеклом казалась стерильным холстом, выкрашенным в ослепительно-белый цвет, лишь серебристый глаз камеры, примостившийся высоко в углу, нарушал эту монохромную симфонию.

Миновав пост охраны, увешанный мониторами, стало ясно, что именно этот бездушный объектив транслирует каждый миг, происходящий в камере.

– Он в таком состоянии с момента поступления, – сухо констатировала доктор Марш.

Все взгляды, словно прикованные магнитом, устремились на Генриха Дама. Его лицо, испещрённое морщинами, словно карта пережитых бурь, было искажено гримасой шока и напряжения.

– Один из наших самых... беспокойных пациентов. Яркое выраженное биполярное расстройство. В мгновение ока от полного спокойствия до буйства и неистовых попыток вырваться из смиренной рубашки. Утверждает, что совершенно здоров.

Она бросила на них сомневающийся взгляд, словно оценивая их решимость.

– Вы уверены, что хотите войти?

Блейз и Аксель одновременно кивнули, не дрогнув.

Доктор Марш едва заметно кивнула охраннику у двери, и тот, очевидно, нажал скрытую кнопку. Мгновение спустя дверь в камеру Дама с лязгом отворилась, словно пасть механического зверя.

Аксель проскользнул внутрь первым, и, убедившись, что все последовали за ним, закрыл дверь, пока не услышал щелчок замка, словно ставя точку в их решении.

Генрих Дам, закованный в смирительную рубашку, сидел на стуле с толстой обивкой, словно окаменевший, и смотрел в пустоту, его одежда была покрыта влажными пятнами от запёкшейся слюны. Он, казалось, не заметил их вторжения, даже не моргнул, когда Блейз Филдинг опустилась перед ним на колени.

– Доктор Дам?

Вместо ответа Дам намеренно отвернулся, словно захлопнул перед ними дверь в свой внутренний мир.

Блейз восприняла это как своеобразный ответ. Любая реакция, кроме кататонического ступора, была бы лучше.

– Доктор Дам, – повторила она. Она сделала паузу, словно собираясь с мыслями, затем произнесла то, что он, вероятно, и так знал. – Мы здесь, потому что нам нужна ваша помощь.

Тишина, густая и давящая, словно физическое бремя.

– Генрих, – сказала она, затем замолчала, отчаянно пытаясь найти слова, способные растопить лёд его отчуждения. Она решила ответить на невысказанный вопрос. – Можно я буду называть вас Генрих? Это прекрасное имя.

Дам издал тихий вздох, и в его голосе проскользнула нотка уставшего раздражения. – Не нужно со мной сюсюкать, мисс Филдинг, – проговорил он. – Я не слабоумный, знаете ли. – Он медленно повернул голову, чтобы встретиться с её взглядом. – И, если уж на то пошло, я не сумасшедший. Единственная причина, по которой я гнию в этой дыре, – это то, что вы меня сюда упрятали.

Аксель позволил себе едва заметную улыбку. Он предвидел подобный поворот событий. Вслух он произнёс:

– Вы не считаете, что заслуживаете быть здесь? После всего, что вы сделали? А проект "У"?

Дам задумчиво уставился на свои запястья, словно видел на них призрачные следы цепей. – Часть меня, ничтожно малая, ещё цепляется за эту веру. Но нет... Нет, нет, нет! Это чудовищная несправедливость. Революция должна была победить... Правительства мира должны были пасть. Мистер Икс должен был стать нашим владыкой... – С каждым словом его голос нарастал, превращаясь в хриплый рык. Он жадно облизал пересохшие губы и осёкся,

словно захлопнул клетку с безумным зверем. – Но это ещё не конец. Уверю вас... это далеко не конец.

Блейз устало покачала головой. – Простите, док, но это конец. Мистер Икс и Шива мертвы. Ваша революция захлебнулась в крови. От Синдиката осталась лишь кучка крыс, грызущихся за власть. Нет больше единого центра, нет общей цели. И мы методично уничтожаем их, банду за бандой..

– Как мило, – скривился Дам, в его глазах мелькнул безумный огонёк. Он ухмыльнулся, словно обладал тайным знанием, недоступным этим смертным, и отвернулся. – Итак, вы пришли ко мне за информацией. И с чего вы взяли, что я стану сотрудничать?

Глаза Адама сузились, превратившись в щелки, и он шагнул вперёд, нависая над безумцем. – Как насчёт того, чтобы провести остаток дней в камере сенсорной депривации? Полная тьма. Абсолютная тишина. Навсегда.

– Вы не можете этого сделать, – выплюнул Дам, в его голосе прорезалась паника. – У меня есть права человека!

– Мы можем, – заверил его Аксель, его голос был холоден, как арктический ветер. – И ваши права, полагаю, вот-вот претерпят некоторые изменения. Декларация ООН о правах человека прямо сейчас переписывается. Мир стоит на пороге чудовищных перемен. Видите ли, благодаря действиям вашего драгоценного Синдиката, готовится новая глобальная демократическая конституция. Через два года будет создано единое мировое правительство, и старая ООН станет не нужна. Так что, в некотором смысле, ваши мечты о революции, пока мы говорим, дают обратный эффект. Революция произошла, но это полная противоположность тому, чего хотел мистер Икс.

Дам презрительно фыркнул. – Бред собачий! Глобальная конституция – это утопия. Вы никогда не объедините Запад с Ближним Востоком. Это столкновение цивилизаций..

– Многое изменилось с тех пор, как вы оказались здесь, – невозмутимо перебил его Аксель. – Ядерный пепел Лондона стал катализатором глобальной трансформации. Примите это как факт. И да, на данный момент организовать для вас уютное местечко в камере временного содержания не составит труда. У нас уже есть ордер, подписанный лично президентом. Если, конечно, вы откажетесь сотрудничать.

– Если вы ещё не считаете себя безумцем, – добавил Адам, приближаясь к нему вплотную, – подождите, пока не проведёте там год, может, два. Тогда безумие станет вашим единственным другом.

Дам замолчал, его извращённый разум переваривал эту новую информацию. Его лицо исказилось в гримасе, он медленно покачал головой, словно пробуждаясь от наваждения, и процедил: – Очень хорошо.

Блейз с тихим вздохом облегчения отступила на пару шагов, высвобождаясь из плена напряжения.

– Четыре года назад вы вернули к жизни печально известного нацистского палача, Дредноута, – её слова прозвучали как обвинение. – Разве не так?

В глазах Дама мелькнула нервозность, выдаваемая натянутой улыбкой.

– Да, это правда, – признал он, словно выплёвывая слова.

– Должно быть, это имело для вас огромное значение, – голос Блейз сочился скрытым пониманием. – Узнать больше об отце, которого вы никогда не знали...

– Ты ничего не знаешь о моём отце! – прошипел Дам, челюсти его свело от ярости. – Я бы предпочёл, чтобы мы оставили эти личные вопросы за бортом. Вы ведете себя как чёртов психоаналитик.

– Хорошо, перейдём к делу, – отрезала Блейз. Её слова, казалось, попали в больное место. Тема отца была болезненной, это было очевидно.

– Нам нужно знать, где искать Дредноута. Вы знаете, где его вероятная база операций?

Дам шумно вздохнул. Его взгляд, как загнанный зверь, метался между ними, прежде чем снова сфокусироваться на Блейз.

– Он причиняет вам неприятности, не так ли? – в его голосе зазвучала зловещая усмешка. – Этот человек... отвратителен. Хотя я использую слово «человек» весьма условно. Сейчас он скорее машина, нежели человек. Он – связующее звено между технологиями Проекта X и Проекта Y. И вряд ли его можно назвать живым. Сердце в его груди перестало биться много лет назад.

Он стлотнул, погрузившись в раздумья.

– Гений, безусловно, – продолжил он, словно неохотно признавая достоинства Дредноута. – Насколько я знаю, он не уехал бы слишком далеко от родной Германии. Ему нравится работать в тени, как и во времена войны. Тогда он владел генетической лабораторией, где проводил чудовищные эксперименты на тысячах людей. Насколько мне известно, это место так и не было обнаружено, так что, вероятно, он до сих пор его использует. Но подозреваю, что он посещает его только по особым случаям. Лучше всего прочесать канализационные системы Берлина. Там множество старых туннелей, оставшихся со времен войны, о которых давно забыли.

Адам торопливо вносил пометки в свой планшет.

– Вы можете рассказать нам что-нибудь ещё?

Дам отрицательно покачал головой.

– Это всё, что я могу вам сказать. Если только вы не хотите, чтобы я утомил вас техническими деталями его кибернетических имплантатов.

– В этом нет необходимости, – отрезал Аксель.

Дам кивнул.

— Прекрасно. А теперь убирайтесь с глаз долой, кретины. Мое терпение лопнуло.

Блейз подала знак охраннику, и дверь с лязгом отворилась. Она обернулась к Даму и ледяным тоном произнесла:

— Я надеюсь, ради вашего же блага, что эта информация соответствует действительности.

Дам опустил взгляд, и на его лице заиграла злая, безумная усмешка. Наблюдая, как они покидают комнату, он пробормотал себе под нос:

— Мы ещё увидимся, очень скоро.

8

Берлин, Германия
3 января

Шум и свет проезжающего поезда метро обрушился на слух и зрение, словно взрыв. Стальной зверь с воем пронесся по туннелю, ослепив вспышкой прожекторов, а затем исчез, оставив после себя давящую пустоту, звенящую в ушах, словно осколки разбитого стекла.

Внезапно мрак отступил, и взгляду предстали стены, изъеденные плесенью, и проржавевшие стальные колонны, с которых сочилась влага, оставляя причудливые разводы. По грязным дорожкам, заваленным мусором, сновали крысы, их когтистые лапы оставляли отпечатки в слое пыли и отбросов.

Адам Хантер водил лучом фонарика, отгоняя наглых грызунов пинками. Макс и Скейт шли следом, держа оружие наготове, их тени танцевали на стенах.

Аксель и Блейз молча разглядывали эти зловещие декорации, явно не предназначенные для туристических буклетов.

Менее девяти часов потребовалось им, чтобы добраться сюда из лечебницы Гартлох, что само по себе было подвигом, учитывая скудность информации. Сведения, полученные от доктора, были расплывчаты, но, к счастью, у Макса был свой человек в Берлине, знавший о «затерянных туннелях» и обязанный Максусу услугой.

Блейз шла, изо всех сил стараясь совладать с жаром – странным ощущением, вызванным разбушевавшейся аурой. После инцидента в отеле она пыталась обуздать её с помощью техники медитации, которой научил её Джо Мусаси несколько месяцев назад. Но после стирания памяти это оказалось сложнее. Глубокий вдох – и она решительно настроилась взять эту силу под контроль, овладеть ею во благо Огненного Шторма, во имя их миссии. Больше никто не пострадает.

Вскоре главный туннель метро сменился узким боковым ответвлением, где едва могли разойтись два человека. Через двадцать футов проход расширился, образовав небольшую нишу, в конце которой виднелись

покосившиеся двустворчатые металлические двери, висящие на изъеденных ржавчиной петлях. Адам с силой распахнул их пинком и, посветив внутрь, жестом пригласил остальных войти.

Они оказались в подобии кладовой, забитой до отказа брошенными картотечными шкафами, старомодными пишущими машинками и заляпанными письменными столами, испещрёнными тысячами имен и цифр, вырезанных на влажном дереве. Стены, такие же сырые, как и в туннелях, хранили остатки фрески, созданной, должно быть, лет восемьдесят назад. Она тянулась вдоль всей боковой стены, изображая нацистских солдат, совершающих благородные поступки: один помогал старушке донести продукты, другой снимал кошку с дерева, третий завязывал шнурок ребенку, едва достававшему ему до пояса. Над этим благолепием возвышалась огромная, выцветшая свастика. Под сценами располагались надписи на немецком: «Ein Deutschland. Ein Volk. Mein Führer», чей смысл был понятен без перевода.

Макс достал карту, предоставленную его берлинским знакомым, и осветил её фонариком.

– Мы находимся в подвале старого офисного здания, принадлежавшего когда-то нацистской партии, – пояснил он, указывая на место на карте. – Его забросили после переноса канализации в 1941 году. – Он сложил карту и убрал её; шуршание бумаги неприятно резануло по слуху, усиленное высоким потолком и сквозняками из туннелей. Длинные лучи фонариков скользили по стенам, выхватывая из темноты углы и тёмные провалы под грудями обветшалой мебели.

Блейз, стоявшая плечом к плечу с Акселем, на миг погрузилась в тишину, прислушиваясь к отголоскам своей ауры. Лёгкий наклон головы, едва заметный кивок.

– Мы на верном пути, – голос её звучал приглушённо. – Я чувствую эту... тьму... Тот же холодок, что и в музее. Здесь, внизу, нам нужно быть предельно осторожными.

Она вскинула руку, и в её глазах вспыхнули искры предостережения.

– Туда. Там скрыт проход.

Лучи прожекторов команды мгновенно скрестились в указанном направлении.

– Итак, парни, – скомандовал Аксель. – Вы слышали леди...

Макс и Адам, переглянувшись, ринулись вперед, пытаясь сдвинуть с места два массивных шкафа, забитых документами. Но за ними обнаружилась лишь монолитная, грязная бетонная стена, неотличимая от остального склепа.

– Дальше не пройти, – констатировал Макс.

Адам согласно кивнул, поворачиваясь к остальным.

– Нужно вернуться и спросить разрешения...

БАМ!

Адам отшатнулся, едва успев увернуться от сокрушительного удара кулака Макса Хатчетта, обрушившегося на стену у него за спиной. По бетону расплзлась паутина трещин, и маленький осколок, окрашенный кровью, отлетел в сторону.

— Макс, что ты творишь... — не успел возмутиться Адам, как Макс снова обрушил кулак на стену. И снова. И снова, набирая скорость, пока его рука не превратилась в размытое пятно, а стена просто не выдержала натиска.

Тихое жужжание машин вокруг успокаивало. Ровный, умиротворяющий, неизменный ритм — именно то, что ему нужно, чтобы расслабиться.

Дредноут, склонившись над столом в машинном зале нижнего уровня, методично чинил свою кибернетическую руку, придерживаясь техник, которым его когда-то обучил доктор Дам. Обычно рука работала без нареканий, но влажность и грязь подземелья проникли в пару шестерёнок, заклинив суставы двух пальцев. Он хотел, чтобы она работала так же, как и десятки машин вокруг — стабильно, надёжно, без сбоев.

Это было хорошее место, уединённое, где он мог заниматься своими личными делами, не опасаясь разоблачения. Здесь, для разнообразия, он мог снять кожаную маску, скрывавшую его лицо, и не бояться взглядов посторонних. Маклеод и Замза привыкли к этому, им было всё равно, но иногда ему приходилось общаться с другими; мало кто мог выдержать вид его влажных глаз, выпученных и лишённых век, грубого, лишённого щёк лица, обтянутого натянутой кожей, рта, вечно приоткрытого — ни губ, ни челюстной кости. Обычному человеку он казался чудовищем. Но здесь, внизу, царил иной мир. Здесь не было ни сплетен, ни осуждения — только машины, благодаря которым четыре года назад доктор Генрих Дам вернул его к жизни.

По крайней мере, так казалось. В 1950-х он был уверен в своей смерти. Но каким-то непостижимым образом он продолжал существовать на этой земле, обнажённый и в совершенно незнакомом месте. Воспоминания клубились, как зловещая тень в глубине сознания: огонь, чудовищные существа, бродящие по пепельному вулканическому аду. Боль... бесконечная боль и страдания, скрежет зубов... странное, непостижимое место. А потом — провал. Провал, из которого он вынырнул здесь, под землёй, в окружении этих машин.

Казалось, он вернулся в реальность, к доктору Даму, склонившемуся над ним в 2014-м.

И теперь, благодаря кибернетическим имплантам, его тело достигло физического и технического совершенства. Он был быстрее, сильнее, умнее, чем когда-либо прежде. Скоро его выстраданные мечты воплотятся в реальность, и мир будет молить о пощаде у его ног... Вдруг он услышал, как что-то пробивалось сквозь толщу бетона, отделяющую его от основных туннелей.

Дредноут поморщился, отложив работу над рукой, и напряжённо вслушался в глухой стук молота. Он доносился издалека, но здесь, под землёй, акустика обманчива: звук мог быть приглушён массивными стенами или отражаться

эхом, словно раздавался прямо над головой. Но в этот раз он ощущал его физически – кибернетическая рука, лежащая на столе, вибрировала при каждом ударе.

Пришло время...

Дредноут вернул руку на место, торопливо надел маску и поднялся. Паучьей ловкостью он извлёк папку с документами и открыл её. Внутри – заметки, наспех набросанные от руки на пожелтевших листах. Он вынул их, аккуратно положил один лист на стол, а другой спрятал в сумку на поясе.

Бросив последний, полный сложной гаммы чувств, взгляд на машины доктора Дама, Дредноут резко повернулся и поспешно вышел из комнаты.

В воздухе висела такая густая завеса бетонной пыли, что лошадь задохнулась бы, но Макс лишь отмахнулся и указал на рваную дыру в стене, достаточную, чтобы пролез человек. – Вы идёте или нет? – бросил он остальным.

Адам нерешительно посмотрел на него, наблюдая, как Макс протискивается в проём, задевая массивными плечами шершавые края. Наконец, Адам последовал за ним, обернувшись, чтобы жестом показать Скейту, Акселью и Блейзу, что путь свободен.

Протиснувшись в узкий проём, они оказались в заброшенном подобии душевой комнаты. Стены, некогда облицованные белым кафелем, теперь зияли трещинами и пятнами въевшейся плесени, храня печальные свидетельства долгих лет сырости. Ржавые трубы, оплетавшие круг душевых кабин, источали редкие струйки воды, словно оплакивая ушедшую эпоху. Пол, с уклоном к центру, венчала массивная металлическая решётка, заглянув под которую, Блейз попыталась уловить вибрации этого места. Наконец, кивнув Максу, она дала знак. Мощным рывком, сопровождаемым утробным «Хмммпфф!», Макс вырвал решётку из пазов. С грохотом обрушившись на стену, она ещё долго покачивалась, словно протестуя против вторжения.

В ту же секунду, из открывшейся бездны хлынул живой поток тараканов, спасающихся от незваных гостей. Адам поморщился, наблюдая, как мерзкие насекомые расползаются в поисках новых укрытий.

– Прелестно, – процедил он с сарказмом. – Блейз, ты уверена, что мы на верном пути?

Блейз не ответила. Она была всецело поглощена зияющей чернотой провала, пытаясь разглядеть сквозь мрак и уловить малейшие колебания ауры. Что бы ни таилось в этом проклятом месте, оно становилось ближе, и зловоние его присутствия ощущалось всё острее. Блейз нахмурилась – внезапная судорога сдавила ей живот.

– Стойте, – произнесла она, – что-то не так...

– Что именно? – Аксель с тревогой взглянул на неё.

Макс уже открыл было рот, чтобы отпустить очередную саркастическую реплику о женской интуиции, когда краем глаза заметил движение. Вскинув фонарик, он высветил соседний туннель.

В свете дрожащего луча, словно жертва ночной аварии, застыла тощая фигура Дредноута.

— Сукин сын! — заорал Макс, но тень Дредноута уже метнулась вглубь коридора. Выхватив из кобуры свой «Магнум», Макс ринулся в погоню.

— Макс, стой! — отчаянно крикнула Блейз.

Сквозь пелену адреналина Макс едва расслышал её слова, но останавливаться не собирался.

— Он движется! Аксель, прикрой его! — уже более властно и сдержанно прозвучал голос Блейз. Не раздумывая, Аксель рванул за Максом, который уже прибавил ходу, одержимый желанием настичь этого тощего, словно восставшего мертвеца, нациста. Макс надеялся, что в лабиринте туннелей Аксель не потеряет из виду пляшущий луч фонарика, когда он достигнет пересечения. Эхо голоса бывшего полицейского терялось где-то в глубине этих проклятых, заброшенных катакомб..

В душевой, словно поражённый немотой, Адам обернулся к брату, на чьём лице застыла маска неподдельного ужаса.

— Что теперь, Блейз? — прохрипел Скейт.

В ответ — лишь тишина.

Адам моргнул и повернулся к Блейз. Она тяжело дышала, лицо покрывал обильный пот.. напряжена до предела, как всегда, когда её аура, словно дикий зверь в клетке, рвалась на свободу. Вдруг, на голову ему упала капля слюны.

Страхнув мерзкую жидкость, Адам вскинул взгляд к потолку. Там, прильнув к ржавой трубе вентиляции, словно гигантская пиявка, затаился Замза, готовый к смертельному броску.

— Вот дерьмо! — выдохнул Адам, осознав неминуемое.

Ответом стал стремительный прыжок Замзы. Но Адам был готов. Он встретил чудовище в воздухе, перенося вес тела в сторону и направляя падающую массу к зияющей дыре шахты, в нескольких футах от него. Замза взвыла, переваливаясь через край, и Адам уже почти почувствовал вкус победы.

Почти...

Если бы не проклятые когти Замзы.

Он почувствовал, как когтистая лапа впилась в ткань штанины, когда чудовище камнем полетело вниз. Не успев освободиться, Адам рухнул вслед за ним в крошечную бездну.

— Нет! — истошный вопль Адама растворился в зловещей темноте.

— Адам! — закричал Скейт, бросаясь к краю шахты. Но было уже слишком поздно.

— Чёрт!

И тут его оглушил крик Блейз. Её тело окутало зловещее голубое пламя, вырвавшееся из глубин её ауры. В следующее мгновение она рухнула на землю, потеряв сознание. Лицом вниз, на покрытую плесенью плитку.

Ошарашенный Скейт обернулся, чтобы проверить её состояние. Перевернув Блейз на спину, он с ужасом обнаружил, что она не дышит. Пульс едва прощупывался, отрывистый и слабый.

— О Господи... — прошептал он, замирая от ужаса. — Этого не может быть! Блейз!

Отчаянно пытаясь вернуть её к жизни, Скейт почувствовал, как в сердце закрадывается леденящий душу страх: выберутся ли они все из этого проклятого места живыми?

9

Это было падение в бездну, бесконечное и мучительное.

Каждое мгновение отзывалось болью. Адам и Замза, словно обнявшись в смертельной схватке, нежели сражаясь, продирались сквозь лабиринт проводов, спотыкались о рёбра вентиляционных шахт и врезались в гулкие трубы.

Сквозь пелену боли Адам уловил проблеск света, обманчивую надежду на конец этого кошмара. Но падение не прекращалось. Они скользили ещё несколько бесконечных футов, пока не рухнули в очередной зев, уводящий вглубь.

Вокруг сочились водопроводные трубы, словно кровоточащие раны, а стальные двутавровые балки, острые, как лезвия, пронзали воздух. Их бросало из стороны в сторону, от удара к удару, пока они, наконец, не обрушились на хрупкую поверхность из изоляционной сетки, натянутой над какой-то пропастью. Сетка, не выдержав их веса, мгновенно провалилась.

Они рухнули в адский котёл — прямо на станцию метро, кишашую людьми.

Падая, сражаясь, они обрушились на крышу кассы. Сталь взревела, стекло разлетелось осколками, а монеты градом посыпались на головы испуганных пассажиров.

Среди воплей ужаса и панического бегства, один отчаянный смельчак, обуреваемый жадой наживы, бросился собирать рассыпавшиеся деньги.

В наступившей тишине, когда пыль начала оседать, толпа замерла в изумлении. На полу платформы, словно два разъярённых зверя, клубились две фигуры. Замза отпрянул и обрушил на Адама всю свою чудовищную массу, отправив его в полёт к турникету. Раздался хруст сломанных костей, крик боли пронзил воздух, и изо рта Адама брызнула кровь.

Замза прыгнул на него, выпуская когти на правой руке. Адам увернулся от смертельного удара, но когти с хрустом вонзились в пол. Замза попытался снова, снова промахнулся, но на этот раз когти глубоко впились в бетонную колонну.

Адам поднялся, проклиная адскую боль, но прежде чем он успел броситься в атаку, Замза оскалил зубы и с яростью дернул колонну. Раздался скрежет металла, и часть офисного мезонина над ними обрушилась вниз.

Люди в панике бросились врассыпную, пытаясь укрыться от смертоносного дождя – кусков бетона, стальных тросов, развороченной офисной мебели, бумажных завалов. Крики ужаса наполнили станцию, когда Замза стряхнул остатки бетона со своих когтей и двинулся к группе людей, отрезанных от выхода. Он раскинул свои покрытые венами руки и издал утробный рык, готовясь к кровавой бойне.

Бах! Бах! Бах!

Замза дернулся, содрогаясь от боли, когда пули «Магнума» вонзились ему в спину.

Адам стоял, покрытый пылью, с лицом, искаженным яростью, в руках дымился пистолет. Внезапно он бросился вперёд и нанёс сокрушительный удар ногой с разворота по голове чудовища.

– Уииииииииииии! – взревел Адам и обрушил на Замзу град ударов. Он бил его кулаками, вкладывая в каждый удар всю свою ненависть. Он замахнулся снова, но Замза был готов; он блокировал удар и увернулся. Адам попытался отступить, но был недостаточно быстр, чтобы избежать удара Замзы. Удар обрушился на него с такой силой, что Адам взмыл в воздух, проломив зеркальную гладь окна мезонина, нависшего над ним. Стоящие у окна люди, замороженно наблюдавшие за улицей, шарахнулись назад, в их глазах застыл ужас осознания – опасность витала в воздухе.

Адам, оставляя за собой багряный след, пронёсся мимо ошеломлённых офисных работников, пока не врезался в яркий щит рекламы метро.

Звон разбитого стекла эхом пронёсся по залу. Адам закашлялся кровью, багряные брызги обагрили осколки.

– Чёрт!

Едва оправившись от падения, Адам увидел Замзу, уже карабкающегося к нему на антресоли. Превозмогая боль, игнорируя кровь, струящуюся изо рта, и осколки стекла, впивающиеся в спину, Адам поднялся на ноги.

Замза, совершив нелепый, вращающийся выпад, ринулся в атаку. Адам успел отскочить в сторону, прежде чем когти Замзы обратили в пыль то место, где

он только что лежал. Зверь взревел, и новая атака обрушилась на Адама с такой яростью, что нескольких зазевавшихся прохожих отбросило в стороны, словно тряпичных кукол. Адам ответил градом ударов, но его атаки, казалось, лишь раздражали бесчувственное чудовище, одержимое лишь одним – его уничтожением.

Секунды тянулись мучительно долго, силы покидали его.

Адам понял – эта тварь слишком сильна. Если он хочет выжить, ему придется использовать не только кулаки, но и свой разум..

– Там! Окно!

Крик сорвался с его губ, полный отчаяния и боли. Собрав всю волю в кулак, Адам, движимый скорее ужасом, чем надеждой, толкнул Замзу вперёд, швырнув его в хрупкую преграду между мезонином и зияющей пропастью путей метро. Стекло с треском рассыпалось, выпуская чудовище в бездну. Адам рухнул на пол, обессиленный.

– Да!

Вопреки всему, цепляясь за слабую надежду, что его безумный план сработает, он, хрипя от боли, пополз к зияющей дыре в стене. Пот, смешиваясь с кровью, стекающей со лба, носа и рассечённых щёк, щипал глаза.

И вот, как он и предвидел, свершилось. Поезд метро, вырвавшийся из темноты туннеля, с оглушительным грохотом врезался в беззащитное тело Замзы, пронесаясь мимо, словно карающий меч. Кровь брызнула во все стороны, окрашивая стены в багряный цвет.

Мгновение спустя изуродованное тело Замзы распростёрлось на обочине путей.. за исключением тех ошмётков, что навечно прилипли к стальному носу поезда. Остальное, медленно и отвратительно, сползло по стенам туннеля, оставляя за собой мокрый, кровавый след.

– Надеюсь, тебе было больно, – проворчал Адам, сплевывая кровь.

Всё из-за его безумной, наивной надежды на то, что Аксель, ведомый хоть искрой здравого смысла, сумеет выследить его. И вот – расплата.

Макс замер, крутнувшись волчком, силясь понять, где он. Полная дезориентация. Дредноут потерялся где-то в хитросплетениях этих пустых, бессмысленных туннелей. Все коридоры – как братья-близнецы: грязные, мрачные, поросшие плесенью и заваленные ветошью. Подземная гробница, где тишину нарушает лишь редкое чавканье капель из проржавевших труб и робкий писк неведомой живности.

Визуальный поиск был бесполезен. Макс задрал голову, втягивая воздух, и уловил слабый, едва различимый запах... чего-то. Нечто неопределённое, но безоговорочно отвратительное. Повернув направо, следуя за этим обонятельным кошмаром, он оказался перед очередным зияющим провалом

портала. Шагнув внутрь, он будто попал в мрачную кладовую концлагеря, порождённую лихорадкой больного разума.

Воздуховоды, словно сплетение зловещих вен, пересекали пространство под потолком, отбрасывая косые, пляшущие тени на хаотичное нагромождение металла и труб. Потолок терялся в невообразимой вышине. Но что больше всего резало глаз – это металлические ванны, доверху забитые противогАЗами и жуткими кожаными масками. Старые и новые, они лежали вперемешку, словно останки забытых жертв. А повсюду, на стенах, на крючках, висели десятки фотографий. Самым страшным были старые, пожелтевшие детские снимки, прикреплённые прямо под масками. Маленькие, невинные лица смотрели на Макса затравленными, полными ужаса глазами, пронзая холодом до костей.

– Что за чертовщина... – выдохнул он, подавленный.

Осторожно ступая, Макс продвигался вглубь комнаты, обходя обломки мебели и сторонясь зияющей шахты лифта, пока не добрался до покосившегося столика в центре. На нём виднелась табличка. Направив луч фонарика, Макс с трудом разобрал выгравированные готическим шрифтом слова: "Полковнику Дредноуту – за заслуги перед Третьим Рейхом".

Он пробормотал себе под нос: – Где ты, извращённый сукин сын?

Аксель был в бешенстве от собственной растерянности.

Он повернулся в кромешной тьме, водя лучом фонарика по стенам. Рука потянулась к поясу с локатором, но тут же замерла. Неужели он действительно готов признать, что нажал тревожную кнопку только потому, что заблудился? Потерял след Макса? Как же он, элитный агент "Отненного шторма", будет выглядеть в таком свете? Конец карьере.

Нет, лучше молчать и выбираться самому. Но, чёрт возьми, когда они вернутся в штаб-квартиру Firestorm, он устроит Максиму настоящую взбучку. Макс знал, что не должен был просто так срываться с места, особенно в таком месте, как этот лабиринт. Они могли быть в квартале друг от друга, а может – в миле. Разобраться было невозможно. А двусторонняя связь? Здесь, под землёй, она не работала. Мало того, что их разделяли бетонные стены, так ещё и металлическая арматура, вмонтированная в них, создавала глушилку для всех сигналов.

– Где я... – прошептал Аксель, отчаяние сжимало горло. Его голос дрогнул и потонул в сырой утробе туннеля, не получив ответа. Вздохнув, он бесполезно скользнул лучом фонарика по темным стенам. Туннель разветвлялся, словно корни гигантского дерева, предлагая пять путей в неизвестность. Аксель обречённо покачал головой и, ткнув пальцем наугад, выбрал один из тёмных проходов.

Внезапно тишину разорвал треск динамика. Искажённый голос Скейта прорвался сквозь помехи.

– Кто там? Аксель? Ответьте, кто-нибудь! Блейз нужна помощь!

Услышав в голосе Скейта животный страх, Аксель, повинувшись инстинкту, поднёс рацию к губам. "Блейз в опасности? Если с ней что-то случится... я себе этого не прощу."

- Я здесь. Что случилось, Скейт? Приём.

Поглощённый голосом Скейта, Аксель не заметил, как Дредноут бесшумно отцепился от трубы над головой и приземлился за его спиной. Тихий щелчок вырвал его из транса. Дредноут обнажил короткий клинок, словно сотканный из теней, который всегда прятал в своем жилистом теле.

Звук был еле слышен, но что-то в подсознании Акселя забило тревогу. Он резко выхватил пистолет, развернулся и выстрелил в тот же миг, когда Дредноут прыгнул вперёд, вытянув руку с клинком. Вспышка выстрела на мгновение высветила серебристую бритву лезвия, за мгновение до того, как оно вонзилось в плоть Акселя. Время словно замедлилось. Казалось, Дредноуту потребовалась вечность, чтобы вытащить окровавленный клинок.

Рация снова оживила, на этот раз громче. Скейт, очевидно, слышал выстрел. Аксель успел выпустить ещё три пули, но Дредноут, словно призрак, устоял на ногах. Он отступил на пару шагов, унося с собой этот проклятый меч.

Что-то тёплое и влажное потекло по лицу. Аксель машинально коснулся под носом и отдернул руку. Она была тяжёлой, словно окованная свинцом, и её трудно было поднять. Пальцы, коснувшиеся ямочки между губой и носом, оказались густо испачканы кровью.

- О... Боже... Боже...

Аксель не почувствовал, как упал. Дредноут, склонив голову набок, равнодушно наблюдал за падением мстителя. Светловолосый мужчина рухнул у его ног, издав сдавленный стон, и потерял сознание. Кровь быстро сочилась из раны, расплываясь по полу туннеля багровой лужей.

- Ты меня разочаровываешь, - прохрипел Дредноут. Металлический отзвук его голоса зловеще отразился от стен туннеля, усиливая и без того жуткий эффект. - Я ожидал большего от Firestorm... этой печально известной группы, ответственной за крах Синдиката, смерть Мистера Икс и Леона Шивы.. Ваша репутация опережает вас. Я ждал встречи с командой могущественных воинов... а увидел лишь кучку бестолковых дураков.

Аксель издал хриплый стон, бессильный что-либо предпринять, лишь едва повернул голову. Он попытался вымолвить хоть слово, но вместо речи из горла вырвалось лишь бульканье крови.

Дредноут презрительно покачал головой, готовя свой окровавленный клинок к последнему, смертельному удару. Он извлёк второй меч, с изяществом раскрутил его в другой руке и, не спеша, направил оба клинка на Акселя, предвкушая момент триумфа.

- Как трогательно, - прошипел он. - И подумать только, что в какой-то момент я действительно видел в "Огненном шторме" угрозу моей операции.

Если все ваши агенты такие же слабые и ничтожные, как ты, у вас нет ни малейшего шанса сорвать мою кампанию уничтожения.

Затем он разразился зловещим смехом, предвкушая успех отвлекающей тактики, той самой приманки, на которую уже клюнули другие участники "Огненного шторма".

— Первый этап кампании уже в самом разгаре. Благодаря глупости твоей команды, диффузионный двигатель Laxine, который мы без труда изъяли из музея в Нью-Йорке, готов к первому применению. И пока мы здесь беседуем, мой заместитель, Сильвер Маклеод, принимает партию оружия класса "Ракушин" от наших друзей из "Харакири Индастриз". Всё идет по плану. Всего через несколько дней у нас будут десятки боеголовок с летучим токсином, готовых к отправке в Соединенные Штаты.

Усмешка исказила его лицо, и тон голоса стал угрожающе мрачным. — Мы превратим в пепел один из ваших драгоценных штатов. Соединённые Штаты падут один за другим. И ни ты, ни кто-либо другой не сможет этому помешать.

Он поднял мечи...

— Я бы не был так уверен! — Голос Макса Хатчетта, прозвучавший из кромешной тьмы, заставил Дредноута вздрогнуть. Он резко обернулся, его маска, скрывающая лицо, напоминая череп, дернулась в попытке определить источник звука в узком туннеле. И вот, в конце коридора, всего в шести метрах, он увидел мускулистого мужчину, покрытого испариной, с поднятым оружием, готового открыть огонь.

— Оставь Аксея в покое, нацистская мразь! — прорычал Макс.

В неуловимом движении Дредноут бесшумно и с невероятной скоростью ринулся на Макса. Макс дёрнулся от свиста рассекающих воздух клинков. Он попытался увернуться, но не успел; дикий крик вырвался из его груди, когда один из коротких мечей Дредноута глубоко вонзился в его руку.

Макс отшатнулся, заливаясь кровью, и машинально схватился за рану, слишком потрясённый, чтобы попытаться отразить следующий удар. Скелетоподобный убийца замахнулся, готовясь нанести смертельный удар —

Но Макс, собрав последние силы, обрушил здоровый кулак прямо в горло Дредноута, выбив меч из его костлявых пальцев. Искры, словно рой разъярённых светлячков, плясали от клинка, когда он с визгом оцарапал стену туннеля. Макс напирал, сжимая кулаки до побелевших костяшек, вынуждая Дредноута пятиться. Непроницаемая маска скрывала мысли и чувства нацистского зомби, но отчаяние, наконец, заставило его отбросить в сторону короткие мечи и обнажить более длинный, зловеще поблескивающий клинок, что покоился у него на поясе.

— Да чтоб тебя! — прорычал Макс. Дредноут оказался проворнее, чем он ожидал, но недостаточно. Прежде чем тот успел убрать меч, Макс молниеносно выхватил оружие из его руки. Зарывав, как раненый зверь, Макс поднял клинок и, напрягая все свои мышцы, согнул его, пока металл не затрещал и не сломался. Осколки с презрением полетели в сторону. Дредноут

отпрянул, и Макс обрушил на него сокрушительный удар, пришедшийся точно в центр маски из кожи и стали. Металл жалобно заскрежетал, а линзы, закрывавшие глаза Дредноута, рассыпались дождём острых осколков. Ещё один удар – и остатки маски, словно сорванные порывом ветра, обнажили лицо, покрытое чудовищными шрамами, сплетавшимися в отвратительный узор.

– Господи Всемогущий... – прошептал Макс, отшатнувшись в ужасе.

Вопреки всякой логике, Дредноут разразился смехом. Это была сухая, хриплая трель, похожая на серию астматических приступов – короткая, резкая и совершенно неожиданная. Затем, словно пружина, он подался вперёд и нанёс подлый удар прямо в живот Максиму. Боль была бы терпимой, если бы не ряд зазубренных, ржавых шипов, вбитых в подошвы его ботинок.

Макс взревел от нестерпимой боли и согнулся пополам. Ему потребовалась лишь секунда, чтобы восстановить дыхание, но этой секунды хватило Дредноуту, чтобы, извиваясь всем своим паукообразным телом, скрыться в туннеле, а его безумный смех эхом отдавался в тёмном, давящем пространстве.

– Чёрт! – пронеслось в голове у Макса. – Этот ублюдок двигается, как таракан!

Мгновение он смотрел вслед убегающему монстру, стиснув зубы и кипя от ярости, затем моргнул и увидел Акселя, лежащего в луже крови. Разборки с Дредноутом придётся отложить – Акселю нужна срочная помощь, и чем скорее, тем лучше.

Глубоко вздохнув, Макс наклонился и поднял безжизненное тело Акселя на свои могучие руки, надеясь, вопреки всему, что раны его друга не так серьёзны, как кажутся. Он судорожно сглотнул и двинулся назад, туда, где, как он надеялся, его всё ещё ждали остальные...

– Дыши, чёрт возьми!

Эдди "Скейт" Хантер облизнул пересохшие губы и вытер пот со лба тыльной стороной правой руки. Его сердце бешено колотилось, но он изо всех сил старался сохранять самообладание и невозмутимость, когда снова начал отчаянную попытку вернуть Влейз к жизни.

– Давай же, Влейз! Дыши!

Обеими руками он с силой надавил ей на грудь, выталкивая воздух из лёгких, затем наклонился ближе, запрокидывая ей голову и зажимая ноздри, вдывая как можно больше воздуха в её открытый рот.

В отчаянии он приложил ухо к её губам, пытаясь уловить хоть малейший признак дыхания. Ничего...

Крик отчаяния сорвался с его губ, солёные ручьи бороздили лицо.

Как ни старался Скейт, Блейз упорно отказывалась дышать самостоятельно, скользила в зыбкое, предсмертное забытьё. Почти пятнадцать минут прошло с тех пор, как её дыхание прервалось, и каждое повторение «поцелуй жизни» высасывало из него последние силы, терзало душу. Но он не сдавался. Не сейчас. Он не позволит ей умереть, ни за что на свете. Будет бороться до последнего вздоха.

"Где же они?" – отчаянная мысль пронзила сознание, он жаждал помощи. Попытка связаться с Акселем по радиации обернулась хаосом: в ответ лишь треск помех и глухие удары выстрелов, а затем – тишина. Адам и Макс не отвечали вовсе. Скейт не помнил себя настолько одиноким.

– Давай же, – прошептал он, – дыши!

Снова его руки легли на её грудь. Глубокий вдох, и он снова стал выталкивать воздух из её лёгких, наклоняясь к её безжизненным губам, дыша за неё...

Внезапно веки Блейз распахнулись, и она судорожно, со свистом, вдохнула воздух, словно её лёгкие только что обрели жизнь. Она ахнула и уставилась на Скейта диким, незнающим взглядом.

– Эй... – Скейт вздрогнул от облегчения, слабая улыбка тронула его губы, но в следующее мгновение его швырнуло назад, словно отброшенного невидимой, чудовищной силой. Спиной он врезался в дальнюю стену, и от удара осыпалась заплесневелая плитка. Но вместо того, чтобы рухнуть на пол, он ощутил, как его прижали к стене, сдавливая горло невидимыми руками, лишая воздуха. Всё произошло за долю секунды. Дезориентированный, он судорожно пытался сорвать с горла невидимую хватку, отбиться от нежданного врага.

После нескольких хриплых, мучительных вдохов, Скейт осознал правду: напала Блейз. Он перевёл взгляд на неё, стоящую внизу, уверенно держащуюся на ногах, с вызывающим жестом поднятую руку. И тогда он увидел её глаза, полыхающие неестественным светом. Аура, та самая странная, подавленная сущность *homo superior*, которую она отчаянно пыталась держать под контролем после инцидента в отеле, теперь полностью захватила её.

– Блейз! – прохрипел Скейт, его разум разрывался от противоречивых чувств. Радость от того, что она жива, смешивалась с негодованием от этой внезапной, неспровоцированной атаки.

Что он сделал не так? И где-то глубоко внутри, зарождаясь сквозь хаос, росла новая мысль – как она достигла такого мастерства в психокинезе? Способность управлять гравитацией, изменять реальность силой мысли... Как это возможно?..

Блейз судорожно сжала пальцы, вцепившись в горло Скейта. Он, задыхаясь, повис в воздухе, и в этой нелепой ситуации, словно по злой иронии судьбы, осознал, что поменялся с ней ролями: теперь лишь он задыхался, лишённый воздуха.

Но ситуация была куда глубже. Что за дьявол заставил её это сделать?

– Это я! Скейт! – прохрипел он, его лицо исказилось в мучительной гримасе и налилось багровым от напряжения.

Но Блейз была непреклонна – в её глазах горел такой нечеловеческий огонь, что все доводы разума казались бессильными.

Когда он уже готовился встретить неминуемый конец, из клубящейся тени раздался знакомый голос: – Блейз! Какого чёрта, по-твоему, ты творишь?

Блейз разжала пальцы, и Скейт, словно мешок с картошкой, тяжело рухнул на землю, приземлившись на копчик, но в целом – относительно невредимый. Она резко повернула голову и увидела Макса Хэтчетта, на плечах которого безвольно висело окровавленное тело Акселя Стоуна.

– Блейз! – повторил Макс с нажимом. – Что здесь происходит? Акселю нужна больница, и как можно скорее – он угасает прямо на глазах.

Что-то в голосе Макса, должно быть, заставило её очнуться, потому что она часто-часто заморгала, и нечеловеческий блеск медленно покинул её глаза, уступив место обычному, кареглазому выражению. Она судорожно вздохнула и, пошатнувшись, схватилась за голову.

– Ох... – простионала она. – Что, чёрт возьми, случилось? – Затем её взгляд метнулся к Макс и Акселю...

– Аксель! – вскрикнула она и бросилась к распростёртому телу мужчины. Он был весь в крови, бледный как полотно и дрожал всем телом. – Он... умирает? – Скейт, потирая ушибленную спину, саркастически пробормотал: – Я в порядке, спасибо. – У него ужасно болела спина и раскальвалась голова, но в остальном он был цел. Больше всего его сейчас терзало недоумение и раздражение из-за этой необъяснимой вспышки ярости Блейз. Неужели она хоть осознаёт, что натворила?

– Акселю срочно нужно в больницу, – отрезал Макс. – У нас будет предостаточно времени для вопросов позже. Нужна немедленная эвакуация.

Он бросил взгляд на Скейта.

– Где Адам? – спросил он.

Скейт с трудом сглотнул. Он понятия не имел. – Эта тварь... Замза... заташил его в эту дыру больше четверти часа назад. Я не знаю, где он сейчас. С тех пор я ничего о нём не слышал, и он не отвечает по рации.

Макс, нахмурившись, кивнул. – Вероятно, ему нужна наша помощь. Чёрт возьми, это полный провал. Блейз, ты в порядке? Мне показалось, что ты впала в какой-то странный транс...

Она отрицательно покачала головой. По её щеке скатилась одинокая слеза. – Я не знаю. Я... я на какое-то время потеряла контроль над собой. Я... – Она посмотрела на Скейта и залилась краской. – Прости меня, Эдди. Я не хотела...

Он поморщился, отмахнувшись от её благодарности. — Забудь. Просто рад, что ты цела. Вышло так, что я прикрыл тебя там. — В голосе сквозило не то смущение, не то досада.

Макс развернулся к зияющей дыре в стене, проделанной им же, торопясь доставить истекающего кровью Акселя в безопасное место.

— Сейчас важна только жизнь Акселя. У нас мало времени, он потерял слишком много крови. И будьте начеку, этот выродок, Дредноут, всё ещё где-то рядом.

Блейз следовала за Максом, словно во сне. Она не задавала вопросов, да и не могла. Калейдоскоп событий, обрушившийся на неё за последние часы, оставил её измученной, дезориентированной, словно выбитой из колеи. И ранение Акселя лишь усугубляло это состояние. Она цеплялась за решительность Макса, за его уверенность в происходящем, за его инициативу. Он казался единственной нитью, связывающей её с реальностью. Она доверяла ему.

— Нам срочно нужно связаться с командой, — говорил Макс, не сбавляя шага. — У меня есть новая информация, критически важные разведданные для нашей миссии.

— А как же Адам? — встревоженно спросил Скейт. — Мы не можем его бросить. Что, если ему нужна помощь?

Макс обернулся, нахмутив брови. — Ты прав. Но мы понятия не имеем, где он. Нам нужно перегруппироваться. Я отправлю команду Мерфи на его поиски, хоть днём, хоть ночью. Адам — не мальчик, он сам за себя постоит. Уверен, с ним всё в порядке.

Скейт скептически покачал головой. Хватит ли у Файршторма сил и ресурсов заниматься подобными вещами каждый день? Вопрос повис в воздухе, не требуя ответа.

Он молча последовал за Максом, с тяжёлым сердцем.

10

4 января

В 07:30 следующего дня зашифрованный звонок городского телефона связал Макса Хатчетта с агентом Мерфи. До судьбоносного брифинга, где присутствие Макса и его группы усиления было обязательным, оставался час.

Холодный, свинцовый рассвет сковал Берлин в январские объятия. Роберт Мерфи, рассекая утренний туман по Курфюрстендамм, ощущал звенящее предчувствие надвигающихся событий.

Вчерашний вызов Хатчетта прозвучал как набат. Аксель Стоун тяжело ранен Дредноутом, Огненный Шторм обездвижен. Макс возложил на Мерфи и его отряд миссию найти Адама Хантера, пока основные силы эвакуируются.

Всего два часа напряженных поисков, и Кэндис Редд, одна из лучших протеже Мерфи, наткнулась на Адама в лабиринте глубокой станции метро. Он был изранен, но жив – трофей, добытый в жестокой схватке с чудовищным мутантом, прозванным Замзой. Чудом выжив, он нуждался в срочной медицинской помощи.

Теперь и Адам, и Аксель прикованы к больничным койкам, выбыли из игры. Мерфи и его разношерстной команде – сплаву агентов ФБР и Интерпола – предстояло подхватить знамя Firestorm и повести операцию в Германии дальше.

Время Акселя и Адама истекало, им оставалось лишь зализывать раны. Судя по обрывочным словам Хатчетта, у команды не было ни единой минуты, чтобы дожидаться выздоровления товарищей. Досадно, но для Мерфи это означало скорое возвращение в гущу событий, к адреналиновой гонке на передовой.

На конспиративной квартире, неприметном бунгало, затерянном в одном из самых уважаемых районов города, уже вовсю кипела жизнь.

Скейт, брат Адама, оживленно жестикулировал в беседе с Кэндис Редд. Блейз Филдинг, с тенью тревоги на лице, познакомился с новобранцами из группы Мерфи: Куорри, Моссом, Дэвисоном, Макинтошем и людьми из Интерпола, с которыми Мерфи едва был знаком. Для многих это была первая серьёзная операция, и времени на знакомство, после их отбора Интерполом, практически не было. И уж точно никто не ожидал, что их бросят в бой так скоро.

Изначально группа усиления, призванная прикрывать Firestorm огнём тяжёлого вооружения, теперь, из-за ранений Акселя Стоуна и Адама Хантера, вынуждена была вступить в игру раньше срока, жертвуя личным ради успеха миссии.

Бросив быстрый приветственный жест, Мерфи погрузился в свой iPad, просматривая входящие. Штаб-квартира ФБР прислала список проверенных берлинских контактов и поставщиков, а дальше – лишь безмолвная пустота почтового ящика.

Макс Хатчетт появился спустя десять минут, буркнул невнятное приветствие и, словно тень, проскользнул в соседнюю комнату вместе с Блейзом. Его лицо выдавало усталость, напряжение и полное отсутствие терпимости к глупостям.

– Я только что из больницы, – глухо произнёс Макс. – С Акселем и Адамом всё будет в порядке. Пара-тройка дней, и они снова вернутся в строй.

Блейз коротко кивнула. – Хорошие новости. Жаль, у нас нет столько времени. Ты готов к брифингу?

– Я готов, – ответил Макс. – А ты? Сможешь ли ты продолжать после случившегося?

Она пожала плечами, и в этом жесте сквозила усталость. – Не знаю. Наверное...

– Тогда начнём, – твёрдо сказал он. – Время – наш злейший враг.

Макс вошёл в главный зал и жестом пригласил собравшихся следовать за ним в соседнюю комнату. Они двигались медленно, словно тени, у многих в руках были пластиковые стаканчики с обжигающим чаем или кофе – слабые маячки тепла в надвигающейся тьме. В дальнем конце комнаты, на потрепанной временем подставке, возвышался большой панорамный телевизор/DVD-плеер, опутанный паутиной проводов.

Макс поднял руки, призывая к тишине, и бормочущий ропот стих, оставив после себя лишь гнетущую тишину. – Всем доброе утро. Надеюсь, я не прервал слишком много завтраков.

В ответ – лишь тишина и несколько натянутых, как струны, улыбок.

Он вставил DVD в проигрыватель. – Мне нужна полная изоляция. Ни звонков, ни посетителей, никаких помех. Блейз, когда последний раз проверяли это помещение на наличие "жучков"?

– Час назад, – ответила Блейз, её взгляд был острым и настороженным. – Чисто.

Макс кивнул, наблюдая, как она с глухим щелчком закрыла звуконепроницаемую дверь, отрезая их от внешнего мира.

– Перейду сразу к делу, – голос Макса звучал резко и деловито. – Как вы знаете, вчера "Огненный шторм" столкнулся лицом к лицу с Дредноутом. Похоже, информация доктора Дама подтвердилась. Старые туннели оказались... личным убежищем этого военного преступника. Мне удалось извлечь с места происшествия несколько... интересных артефактов, в том числе вот этот рукописный документ, предположительно авторства самого Дредноута, в котором подробно описывается следующий шаг Теневого Альянса...

Он нажал кнопку на пульте дистанционного управления, и на экране телевизора появилось отсканированное изображение документа.

5 января 2019 года. 03:00.

Производственный комплекс "Харакири Индастриз" – Австро-германская граница – река Дунай, основная партия ракушина – Сильвер Маклеод назначен для сбора.

Макс с трудом сглотнул, чувствуя, как во рту пересохло. – «Харакири Индастриз» – один из крупнейших в мире независимых производителей материалов для ядерной энергетики. В их распоряжении огромные ресурсы, и они были связаны с операциями Синдиката во время инцидента с Проектом Y. Если они снабжают Теневой Альянс ракушином, это может создать нам серьёзные проблемы, – констатировал Макс.

Кэндис нахмурилась: — Я думала, обогащение Ракушина — незаконно?

Макс кивнул: — Так и есть. Но это их не остановит, поверьте.

Кэндис покачала головой.

— Взгляните на это. — Макс нажал на пульт, и на экране появилось цветное фото. В центре внимания — Леон Шива, держащий канapé, рядом с темноволосой женщиной в чёрном платье. Вокруг них, люди в чёрных костюмах с золотой отделкой, держали бокалы с шампанским.

— Фотография сделана восемь лет назад, — пояснил Макс. — Отель "Де Пари", Монте-Карло. А теперь, обратите внимание на этого человека. — Он взял лазерную указку и направил луч на экран.

Крошечная красная точка указала на улыбающегося японца в чёрном смокинге, с чёрным галстуком и декоративным самурайским головным убором. Он стоял в группе позади Шивы. Кэндис прикинула, что ему около сорока пяти. Загорелый, с аккуратной стрижкой, он излучал уверенность и успех.

— Это Кадзуюки Харакири, — представил его Макс. — Влиятельный игрок в мире термоядерной энергетики. Владелец и основатель мегакорпорации "Харакири Индастриз". Родился в Гонконге в 1964 году.

На экране быстро сменялись фотографии, в основном чёрно-белые шпионские снимки, на которых Харакири был запечатлён в компании известных боссов Синдиката.

— У нас осталось меньше суток до того, как Маклеод получит эту крупную партию Ракушина, — продолжил Макс. —И, судя по словам Дредноута, Теневой Альянс намерен использовать ракушин для создания оружия, направленного против Соединённых Штатов. Наша задача — перехватить Маклеода, перекрыть каналы поставки и положить конец этой операции.

Мерфи облизнул губы. — Я могу обеспечить необходимое оборудование. У ФБР есть связи в Европе. Немецкие власти уже согласились предоставить нам два вертолёта для переброски команды через Дунай.

— Мы говорим о полномасштабном наступлении или о скрытной операции? — спросил Скейт.

— Нам нужна скрытность, по крайней мере, на первых этапах, — ответил Макс. — У "Харакири Индастриз" есть собственная частная армия, и я считаю, что ненужного кровопролития следует избегать. Мы войдём, сделаем то, что нужно, и уйдём.

Скейт кивнул и тяжело вздохнул: — Что-то мне подсказывает, это будет непросто.

Макс выключил экран и сложил руки на груди. — Последние приготовления начинаются немедленно. Берём только самое необходимое: приборы ночного видения, оружие, связь, еду, боеприпасы, средства наблюдения — в количестве, достаточном для выполнения миссии и выживания в течение нескольких дней, если потребуется. В полночь мы пересечём реку Дунай и

окажемся у подножия горы рядом с объектом. После подготовки мы организуем засаду на Сильвера Маклеода. Пора действовать, друзья. Время не ждёт.

11

Австро-германская граница
5 января, 02:13

Два вертолётa Sikorsky S-76T, заправленные на авиабазе ООН в Мюнхене, бесшумно взмыли в ночное небо, взяв курс на Австрию. Они летели, избегая радаров, словно тени, скользкие по полотну ночи.

Меньше часа понадобилось им, чтобы пересечь Германию и зависнуть над Дунаем, чьи тёмные воды змеились внизу. Полёт проходил ровно, без единой заминки, но напряжение в кабине нарастало с каждой минутой.

В головном вертолётe, на узких металлических сиденьях, лицом друг к другу, сидели бойцы из "Огненного шторма": Блейз, зажатая между Максом и Скейтом, и Мерфи, напротив, рядом с Кэндис, Куорри и Макинтошем. Остальные члены группы подкрепления летели во втором вертолётe. Оборудование, надёжно закреплённое ремнями, было равномерно распределено между обеими машинами, занимая пространство между рядами сидений.

В кабине пилотов, куда вел узкий люк и несколько ступенек, царил оглушительный шум. Даже с закрытой дверью гул винтов проникал в каждую клеточку тела.

"Контроль... Ты должна научиться контролировать себя", – мысленно твердила Блейз, закрывая глаза и пытаясь сосредоточиться. Она чувствовала, как её аура нарастает, становится сильнее с каждой секундой, подпитываемая растущим беспокойством о предстоящей миссии.

Без поддержки и опыта Акселя и Адама она чувствовала себя уязвимой, несмотря на то, что ее окружали лучшие агенты ФБР и Интерпола. Это был её первый выход на задание без жениха и его напарника, и это ощущение опасности давило на неё. Иррационально, но она чувствовала себя одинокой.

Уверенность в себе, в своих способностях, пошатнулась за последние дни. В подземных туннелях Берлина она потеряла контроль над своей аурой, потеряла сознание от её воздействия, а затем, в беспомощности, напала на Скейта, когда тот пытался привести её в чувство. Она чуть не убила его, и, вероятно, убила бы, если бы Макс не вмешался в последний момент. Она до сих пор не понимала, что произошло; аура словно обрела собственный разум, управляла её действиями, как злой дух, как "тёмный замысел".

Эта мысль пугала Блейз.

Может ли это повториться?

Блейз отчаянно надеялась, что сможет обуздать свою ауру, прежде чем это станет серьёзной проблемой. Но после процедуры "стирания памяти" казалось, что битва проиграна. Она всё больше ощущала себя лишь сосудом

для этой силы, и это ощущение становилось настолько всепоглощающим, что даже медитативные техники Джо Мусаси оказывались бесполезными.

"Вспомни, что произошло в отеле... Десятки потерянных жизней..."

Она с трудом сплотнула, чувствуя, как аура поднимается волной. Она ощутила странное свечение, мерцающий, пульсирующий свет, который окутывал ее.

"Нет", – подумала она. "Пожалуйста, только не это снова. Нет, нет, нет..."

Жар проступил на коже, заставляя её обильно потеть. Блейз отчаянно пыталась сосредоточиться, убеждая себя, что контролирует ситуацию, что её состояние никак не повлияет на миссию и безопасность команды.

"Ради всего святого, только бы не..." – мысленно взмолилась она.

Но тело не слушалось. Физические ощущения нарастали с каждой секундой: электрические покалывания, дрожь, охватившая всё тело, и бешено колотящееся сердце. В панике она вдруг почувствовала, как её конечности начинают просачиваться сквозь металлическое сиденье вертолёт.

"Чёрт! Я же могу нас погубить!"

Внезапно её пронзила мощная вспышка энергии, а над головой раздался оглушительный хлопок.

Вертолёт содрогнулся от чудовищного удара. По фюзеляжу прокатилась волна тяжёлых толчков, словно его терзала невидимая сила, порождённая Блейз. В тот же миг машина потеряла скорость и резко накренилась в сторону моря.

– Чёрт! – вырвалось у Блейз.

– Что за хрень?! – донёсся крик Скейта.

Кабина заваливалась набок. Блейз вцепилась в ремни безопасности, вжавшись в кресло и поджав ноги, готовясь к неминуемому падению. Вертолёт на мгновение замер, и ей показалось, что он выравнивается. Но в следующее мгновение фюзеляж камнем рухнул вниз, так быстро, что Блейз почувствовала, как её отрывает от сиденья.

– Что происходит?! – взревел Мерфи.

Вертолёт с оглушительным грохотом врезался в Дунай, перевернувшись на правый бок. В следующее мгновение Блейз осознала, что висит вниз головой, удерживаемая только ремнями. Вода хлынула в кабину, мгновенно накрыв их с головой.

"Это моя вина! Моя вина!.." – лихорадочно билось в её голове.

Она знала, что сейчас важна каждая секунда. Вертолёты, упавшие в воду, всегда ведут себя одинаково: двигатели сверху, поэтому они переворачиваются и идут ко дну, как кирпичи. Единственный шанс – выбраться как можно быстрее.

Вода обжигала холодом, пронизывая до костей. Блейз отчаянно барахталась, пытаясь сориентироваться. Всего за несколько секунд она, по сути, сбילה их одной случайной мыслью. Как она и боялась, она поставила под угрозу миссию и команду. Теперь выживание стало приоритетом. Они все могли погибнуть от переохлаждения, если не утонут, как крысы, запертые в тонущем корпусе.

Тяжёлый груз давил на её руки и ноги, прижимая к сиденью. Один из пакетов с оборудованием, должно быть, перевернулся при падении. Она металась в темноте, пытаясь освободиться и оттолкнуть его. Пропитанный водой, он весил тонну, и на мгновение ей показалось, что его невозможно сдвинуть с места.

Она вырвалась на поверхность, отчаянно пытаясь сориентироваться. Всё вокруг казалось перевернутым, и лишь слабый свет аварийных ламп указывал направление. Ориентация была почти невозможна, а воздух безжалостно заканчивался.

Каждое движение давалось с трудом. Мокрая одежда тянула ко дну, превращая тело в неповоротливую гирю. Она намеренно не надела спасательный жилет, зная, что он может прижать её к полу, лишив шанса добраться до выхода.

Боль пронзила грудь, от лёгких к вискам. Она отгоняла её, сосредотачиваясь на тусклом свете, единственном ориентире в этом хаосе.

Вокруг барахтались другие члены команды. В памяти всплывали обрывки лекций по выживанию под водой, которые читали в полицейской академии Лос-Анджелеса. Как же она жалела, что не слушала внимательнее! Подкрадывающаяся темнота – верный признак кислородного голодания – грозила поглотить её. Без кислорода сердце начнёт сбиваться с ритма, а затем остановится. Этого нельзя допустить. Если она сможет выбраться, не позволив четырём тоннам тонущего металла утащить её на дно, у неё ещё есть шанс.

Она боролась с туманом, застилающим сознание, и продолжала двигаться, чувствуя, как давление в ушах нарастает с каждым метром погружения фюзеляжа.

Минута в темноте, без воздуха, казалась вечностью. И, вероятно, так и было, прежде чем ее руки нащупали край выхода. К этому моменту она потеряла всякое представление о том, где верх, где низ. Вертолёт мог тонуть на спине, мог зарываться носом в ил.

В первую же секунду, когда она попыталась выбраться, ее ударили ногой в лицо. Кто-то другой, опередив её, рвался к поверхности. Как ни странно, это придало ей сил. Если он смог, то и она сможет. Она впадала в странное, отрешенное состояние, словно принимая свою судьбу. Где-то в глубине души она понимала, что это ещё один симптом гипоксии, но это уже не имело значения. Она протиснулась в проём и увидела полоску света над головой. Вспомнив о спасательном жилете, она дёрнула за шнур и позволила ему вытолкнуть себя вверх. Больше никакой борьбы. Только свет.

Рывок. Она замерла. Что-то тянуло её назад, удерживало на месте. Нога! Левый ботинок зацепился за задвижку двери. Отчаянные рывки не помогали. Силы покидали её. Она попыталась высвободить ногу, но шнурки были затянуты слишком туго.

"Глупо", пронеслось в голове. "Глупо умирать из-за этого проклятого ботинка... Если это смерть, то она не такая страшная, как я представляла". Оставалось только сдаться, позволить этому случиться.

Это оказалось на удивление просто. И как раз в тот момент, когда она почти отпустила себя, чья-то рука схватила её за ногу. Кто-то нырнул следом, поняв, что произошло. Макс. Его рука, пробившись сквозь толщу воды, обхватила её лодыжку, резко развернула, и она почувствовала, как её тело потянуло вверх. Спасательный жилет заработал, выталкивая её к свету.

Внезапно её голова вынырнула, и вместе с глотком воздуха вернулся инстинкт самосохранения.

Она жадно вдохнула. Никогда в жизни ей не было так хорошо. Тьма, окутывавшая разум, рассеялась.

Вдалеке виднелся берег. Казалось, до него не меньше полумили, но, возможно, это были всего несколько сотен ярдов. Вода бушевала, но жилет уверенно держал её на плаву. Она огляделась, ища остальных, особенно Макса, который вытащил её из этой ледяной могилы. Вокруг покачивались головы, но в темноте невозможно было различить лица.

Она волновалась за Макса и Скейта, но тут же одернула себя. Они справятся. Она так привыкла считать их неуязвимыми.

Над головой раздался оглушительный рокот, и луч прожектора пронзил ночь, ослепив её. Второй вертолёт! Он развернулся и завис над ними, вытаскивая из реки барахтающихся людей. Лебёдки, должно быть, не заметил её в волнах, потому что луч скользнул дальше, упал в воду в дюжине ярдов от неё и вернулся с мокрой, дрожащей фигурой.

Блейз подтянула колени к груди, пытаясь сохранить остатки тепла, и проверила, горит ли маячок на жилете. Ей не хотелось привлекать к себе внимание.

К тому времени, когда подошла её очередь, она окоченела настолько, что едва соображала. Её подняли на лебёдке в вертолёт, и кто-то тут же закутал в термоодеяло. Только когда они приземлились на другом берегу, Блейз начала приходить в себя.

Она увидела Макса и Скейта, склонившихся над ней с тревогой в глазах. Они сказали, что потеряли двоих. Им повезло, что хвостовое оперение вертолёта отломилось при ударе, освободив тех, кто сидел сзади. Причину крушения они не знали. Двое погибших, видимо, не смогли выбраться самостоятельно. Один из них был пилотом, другой – агент Куорри.

Услышав эти слова, Блейз почувствовала, как сердце проваливается в пропасть.

На моей совести больше смертей...

Больше крови на моих руках...

Когда это закончится?

Она молчала. Если она сейчас скажет, что авария произошла по её вине, кто-нибудь сойдёт с ума. Она решила сохранить это в тайне, по крайней мере, пока. Она просто кивнула, избегая их взглядов.

Перегруппировавшись и вооружившись тем, что уцелело после крушения, команда собралась на поросшем травой поле. Макс Хатчетт, встав перед ними, произнёс короткую речь. Начало было скомканным, но суть оставалась неизменной: миссия должна продолжаться. Отступление исключено, но любой желающий мог покинуть группу. Никто не двинулся с места.

Блейз поймала взгляд Макса, непроницаемый, как камень. Она чувствовала: он знает. Знает, что авария – её вина, что она убила тех двоих. Но он молчит. Он понимает, что это был несчастный случай, трагическая случайность. И, несмотря ни на что, он будет заботиться о ней. Упрямый, преданный друг.

– Поехали, – коротко бросил он.

Блейз не могла отделаться от мыслей об агенте Куорри, о пилоте, о горе, которое она принесла их семьям.

12

Макс достиг своей огневой позиции – небольшого возвышения под сенью елей – в 2:54 ночи, спустя двенадцать минут после отделения от группы.

Понимая, что местность может просматриваться приборами ночного видения, он осторожно занял позицию, тщательно замаскировавшись под раскидистыми ветвями. Камуфляжная сетка, дополненная листвой, делала его практически невидимым.

Насколько позволяла ситуация, Макс устроился поудобнее. Его снайперская винтовка «Heskler & Koch 53» была надежно установлена на сошках и готова к бою. В магазине находилось десять бронебойных патронов калибра 7,62.

Ночной прицел НК, настроенный на дистанцию 120 ярдов, издавал едва слышный, характерный свист миниатюрного генератора.

Несмотря на пронизывающий холод и изморозь, сковавшую землю, Макс не чувствовал ни того, ни другого. Адреналин, бурливший в его крови, притупил чувствительность. Всё его внимание было сосредоточено на цели.

В окуляре прибора ночного видения он различал лишь тёмные силуэты. В ста двадцати метрах высилось безликое производственное здание со стальной

крышей. Сквозь окна пробивался зеленоватый свет, очерчивая их контуры. Таким же светом мерцала щель под главной дверью, ведущей к лестничному пролёту и вымощенному камнем двору.

Внезапно во двор проскользнула лиса. Осторожно обнюхав мусорные баки, она вскарабкалась на ближайшую стену и огляделась. Затем, развернувшись, скрылась между двумя перерабатывающими заводами.

"Удачи тебе, брат," – мысленно пожелал Макс.

По горловому микрофону и наушнику он поддерживал связь с остальными членами группы, которые сейчас, затаившись, готовились к стрельбе. Как исполняющий обязанности командира, Макс занял позицию, прикрывающую наиболее вероятную зону поражения. Остальные снайперы, невидимые, словно тени, расположились вокруг, обеспечивая прикрытие. Как и он, они были переполнены адреналином. Как и он, они не чувствовали холода и воспринимали ночь как зелёный день.

Он надеялся лишь на одно: чтобы Блейз Филдинг хоть ненадолго обуздала свои проблемы и дала им шанс выполнить миссию. Её слабости быстро превращали её в обузу.

Макс подумал, что этой ночью кто-то умрёт. И никогда прежде он не чувствовал себя настолько живым.

Вскоре он услышал приближающийся звук мотора. И увидел машину. Грязный хэтчбек "Тойота" крался по дороге, освещая путь лишь тусклыми боковыми фарами.

– Машина приближается, – прошептал Макс в микрофон.

На мгновение автомобиль скрылся за колючим кустарником, а затем внезапно вынырнул во двор, ослепляя призрачно-зелёный пейзаж двумя яркими полосами света. "Тойота" резко затормозила и замерла. Водитель остался за рулём, а из машины выскочила фигура в тяжёлом плаще, напоминающем военный трофей. Макс узнал её.

– Цель покидает транспорт. Сильвер Маклеод.

Фигура в плаще торопливо направилась к главному входу. Достигнув двери, она достала телефон, быстро набрала номер и, казалось, беззвучно произнесла одно слово. Дверь распахнулась, озарившись вспышкой зелёно-белого света, и фигура исчезла внутри.

"Приготовься к смерти, ублюдок," – подумал Макс, чувствуя, как бешено колотится сердце. "Приготовься к смерти."

– Цель вошла на завод. Главный вход.

Десять минут тянулись мучительно долго. Водитель закурил, выкурил сигарету до фильтра, выбросил дымящийся окурок и продолжал ждать. Наконец, дверь открылась, и из неё вышла фигура в плаще, плечи сторблены от холода, изо рта вырывался пар. В руках она держала большой чемодан с опасными материалами.

— Цель видна. У него ракушин.

Макс медленно выдохнул, совместив перевернутую чёрную букву "V" прицела с плечами Маклеода.

Нажал на спусковой крючок. Вдох. Перевернутая "V" встретила с перекладиной прямо перед ухом цели.

Выдохнуть и замереть. Плавно нажать. Вспышка из дула.

Нижняя часть бледного лица взорвалась фонтаном чёрной крови. Грохот выстрела разорвал тишину ночи, отдача ударила прикладом НК по плечу и щеке Макса. Мишень рухнула на землю, словно выброшенный мусор.

— Попадание. Цель уничтожена.

Макс замер на полпути к упавшему человеку. Добравшись, он вскинул автомат, намереваясь добить, но в последний момент застыл. Объект был жив, хотя от его лица осталась лишь кровавая маска — ни челюсти, ни рта, ни даже намёка на нижнюю половину. Но глаза... глаза были живы. И в них плескался детский, испуганный вопрос. С леденящим ужасом Макс понял: это не Сильвер Маклеод.

В то время как Макс был парализован ужасом, Скейт с расстояния в полтораста ярдов поставил точку. Идеальный выстрел. Обезглавленное тело дернулось в последней конвульсии, когда нервная система сдалась.

Скейт и Блейз бежали сквозь темноту к Максиму. Не успели они добежать, как он развернул свой НК в сторону машины. Руки, скользкие от мозговой жидкости, едва удерживали оружие. Водитель тянулся к M16 со стороны пассажира. Короткая очередь — и ветровое стекло разлетелось в пыль, а водитель рухнул на руль, мёртвый.

Двор наполнился топотом сапог. Мерфи и его команда приближались.

— Это не Маклеод, — пробормотал Блейз, глядя на изуродованное тело. Земля вокруг была залита кровью, перемешанной с обломками костей и зубов.

— Нет, — подтвердил Макс. — Но очень похож. Нас провели.

— Что тут происходит? — запыхавшись, спросил Мерфи. Его команда окружила их, с любопытством разглядывая место бойни.

Скейт опустился на колени и поднял из окровавленных рук убитого большой контейнер.

— И этот контейнер для опасных материалов — фальшивка, — констатировал он. — Пластик. И почти ничего не весит.

Блейз сглотнула.

— Что же там внутри? Она выхватила контейнер и быстро осмотрела его, опасаясь худшего. Открыв, она обнаружила не ожидаемые капсулы "ракушина",

а старый антикварный магнитофон с вставленной кассетой. Сбоку была приклеена записка, написанная от руки: "Включи меня".

— Чёрт, — выдохнул Макс. — Нас подставили.

Блейз облизнула пересохшие губы и нажала кнопку "Play". После короткой паузы раздался голос Дредноута — громкий, отчётливый, скрипучий, электронный, злобный и одновременно торжествующий.

— Привет, Огненный Шторм. Если вы это слышите, значит, вы ещё глупее, чем я предполагал. Мой план сработал. Вы заглотили наживку, которую я так предусмотрительно оставил в своем подземном убежище. Неужели вы думали, что я действительно оставляю такие важные планы где попало? Прошу прощения за обман, но это было необходимо, чтобы защитить мои замыслы. Благодаря вашей непроходимой тупости, Сильвер Маклеод теперь получит настоящие запасы "ракушина" без риска вмешательства ваших назойливых сил. Будьте уверены, к тому моменту, когда вы услышите это сообщение, настоящая поставка уже будет произведена, а груз благополучно доставлен в нашу секретную штаб-квартиру, переведён на Лаксин, готов к нашему первому воздушному бою. Вы не успеете меня остановить. Прощайте, Огненный шторм. Хочу сказать, что это доставило мне удовольствие. — Долгий, гортанный смех затих.

— Ублюдок! — Скейт взревел, сжимая кулаки. — Значит, мы потратили время впустую?

Блейз была потрясена. — Все эти люди в вертолёте... они погибли ни за что?

На лице Макса отразилась мрачная решимость. Он открыл рот, чтобы ответить, но его прервал звук, которого он боялся больше всего.

— Боевые вертолёты! — заорал он. — Всем на землю! Это ловушка! — Он рывком повалил Блейз и Скейта на землю, прикрывая их собой.

— О, отлично... — пробормотал Скейт, чувствуя, как земля дрожит под ним.

Рёв двигателей "Апачей" нарастал, приближаясь с каждой секундой. Стало ясно: их ждали. Им придётся сражаться. Тяжёлое вооружение осталось в сбитом вертолёте, но у них ещё было личное оружие. Перекатившись, Макс вскинул пистолет.

Над головой пронеслась автоматная очередь. Пули засвистели, вгрызаясь в землю вокруг них. С флангов ударили новые залпы. Огонь вёлся со всех сторон. Из-за крыш зданий и из-за укрытий по обе стороны дороги, бойцы в шлемах вели прицельный огонь из крупнокалиберного оружия.

— Это частная армия Харакири! — прокричал Мерфи, но его голос утонул в шквале огня.

Макс быстро оценил ситуацию: рота пехоты, вооружённая лёгким автоматическим оружием, ведёт огонь с расстояния от пятидесяти до ста метров. Вертолёты, словно хищные птицы, кружили над ними, готовясь к атаке. Пулемёт, установленный в боковом люке головного "Апача", зловеще

подмигнул красным огоньком, и новая порция пуль обрушилась на землю. Их ждали. Они вызвали авиацию, как только поняли, что запись найдена. Они попали в идеально спланированную засаду.

— Отступаем! — скомандовал Макс, но прежде чем они успели сдвинуться с места, рёв дизельных двигателей донёсся со стороны дороги. Из-за укрытий вырвались боевые машины пехоты, нацелив свои орудия на охваченную паникой группу. В любой момент в воздухе могли разорваться 30-миллиметровые снаряды. Зажигательные пули прошили заросли дрока, поджигая их. Команда была прижата к земле, окружена и атакована с воздуха и с земли.

Кэндис Редд крепко держала в руках противотанковую ракетную установку, способную поразить основной боевой танк с полукилометра. 94-миллиметровая ракета, заряженная в установку, обещала уничтожить цель одним точным выстрелом.

Не обращая внимания на свистящие вокруг пули, Кэндис решительно скинула установку с плеча, выдвинула телескопическую трубу и навела прицел на ближайшую боевую машину пехоты. С оглушительным свистом из задней части трубы вырвался столб дыма, возвещая о запуске ракеты.

Оставляя за собой яркий огненный след, ракета стремительно понеслась к цели. С грохотом, эхом разнесшимся по поляне, она врезалась в переднюю часть гусеницы. Боевая машина резко развернулась и замерла, покачиваясь на поврежденных гусеницах. Из моторного отсека повалил густой чёрный дым.

Башни двух других машин злобно огрызнулись. Снаряды, взрываясь фонтанами грязи, разрывали землю вокруг Кэндис и её товарищей. Кто-то упал. Над головой с яростным свистом пронеслись стальные осколки, а воздух пропитался едким запахом пороха.

— Отличный выстрел! — прокричала Блейз, пытаясь перекричать грохот боя. Но в тот же миг раздался зловещий двойной удар и свист падающих 81-миллиметровых миномётных мин. Взрывы множилось, обрушивая на склон холма шквал бомб и снарядов.

Команда Макса успела выпустить лишь одну ракету, и теперь они оказались беззащитны перед превосходящими силами противника. Враг мог безнаказанно уничтожать их, методично разрывая на куски. Ни Макс, ни кто-либо другой из команды не могли ничего противопоставить этой смертоносной атаке. Всё было кончено.

Они попали в ловушку.

13

Тишина обрушилась внезапно, словно кто-то выключил звук.

Из громкоговорителя, прорезая повисшую тишину, прогремел мужской голос:

– Прекратить огонь! Оружие на землю, руки вверх! Любая попытка бегства будет пресечена огнём на поражение!

Команда, застыв, смотрела на Макса, ожидая решения.

– К чёрту! – прорычал Скейт, его глаза горели безумием. – Надо валить!

Макс окинул взглядом поле боя. Команда рассыпалась, кто куда. Один из агентов Интерпола лежал неподвижно, его голова разворочена взрывом. Несколько других, раненые, корчились на земле, дрожа от боли и страха. Остальные, казалось, отделались лёгким испугом.

Бронемашина замерла поперек дороги, из неё высыпали солдаты, готовые окружить их с тыла. Над головой, словно хищные птицы, кружили вертолёты.

– Нет, – твёрдо сказал Макс, глядя Скейту в глаза. – Прости, но это конец.

– К чёрту все это! – взревел Скейт, его голос дрожал от ярости. – Мы победили Новый Синдикат, чтобы сдаться какому-то Теневому Альянсу?!

Он вскочил, сжимая в руке пистолет С-5. В тот же миг, с бронемшины, словно извергаясь из пасти дракона, вырвалась очередь трассирующих пуль.

Сначала медленно, потом с нарастающей скоростью, огненные змеи неслись к Скейту.

Поток металла обрушился на него, и с ужасным звуком он рухнул на землю. Лежал, казалось, оглушенный.

– Скейт! – крикнул Макс и, пригнувшись, пополз к нему, пока над головой, словно рой разъярённых ос, свистели пули.

Лицо и руки Скейта были в крови, но в этой суматохе Макс не мог понять, насколько серьёзны раны. Он распахнул куртку парня, ища ранения на груди, но к своему удивлению не нашел ничего. Рядом лежал его пистолет, разорванный пополам. Похоже, основной удар пришелся именно на оружие.

Голос из громкоговорителя продолжал вещать о бессмысленности сопротивления.

Макс был с ним согласен.

Блейз подползла к ним, когда Скейт застонал и попытался пошевелиться.

– Как он?

– Кажется, ему повезло, – ответил Макс.

– Ему очень повезло. Эти ребята церемониться не будут. Если мы доставим им проблем, они нам их не простят. Похоже, мы влипли.

– Именно, – согласился Макс. – Скажи остальным, чтобы делали, что говорят. Не хочу, чтобы кто-то ещё пострадал.

Говоря это, Макс вскрывал аптечку Скейта. Раны оказались лишь царапинами и осколочными ранениями, вызванными разлетевшимся на куски пистолетом. Как и сказал Макс, ему невероятно повезло. Ещё дюйм, и пуля прошла бы его насквозь.

Скейт застонал и перевернулся на бок, потирая голову.

— Чёрт... — он закашлялся. — Я ранен?

— Не так сильно, как могло бы быть, — ответил Макс. — В следующий раз держись подальше от линии огня, глупец.

Убедившись, что с парнем всё в порядке, Макс внезапно ощутил прилив дружеских чувств. Несмотря на молодость, упрямство и порой сложный характер Скейта, они прошли через многое вместе.

— Они здесь, Макс! — позвала Блейз.

— Бросайте оружие и показывайте руки!

Макс поднял голову и увидел страх в глазах Блейз. В голове промелькнула мысль: задание провалено, команда захвачена. Опустошение захлестнуло его. Хуже всего было то, что из-за крушения вертолёта они не могли связаться со штабом "Огненного шторма" или с кем-либо ещё. Теперь не было никакой возможности предупредить их, что вся эта операция была лишь хорошо спланированной ловушкой, подстроенной самим Дредноутом.

Солдаты частной армии Харакири уже приближались, держа оружие наготове, готовые принять их капитуляцию. Они грубо повалили команду на землю, раздвинули им ноги и заставили заложить руки за шею. Начался обыск. У Блейз отобрали пистолет и боевой нож. Затем, одного за другим, их заставили раздеться до жилетов, тщательно проверяя одежду на предмет скрытого оружия. Ожерелье Блейз, рождественский подарок от Акселя, было грубо сорвано с шеи. Солдаты были в состоянии крайнего возбуждения, кричали, смеялись и спорили из-за трофеев. Они явно считали, что одержали важную победу, и каждый хотел получить сувенир.

— Огненный шторм? — глумились они. — Огненный шторм? Ха! — Они явно знали, кто они такие, и были вне себя от радости, что им удалось их захватить. Их было около восьмидесяти или девяноста человек, что означало десятикратное численное превосходство.

Эта мысль, пусть и ненадолго, немного приободрила Макса.

После обыска им связали руки за спиной пластиковыми стяжками и положили лицом вниз на землю. Началось долгое ожидание, длившееся час или больше. Из обрывков разговоров на немецком Макс понял, что солдаты ждут прибытия своего босса.

Наконец, с дороги съехал чёрный автомобиль, и из него вышел Кадзуюки Харакири, одетый в армейские штаны и самурайский доспех. Несмотря на странный выбор одежды, было очевидно, что с этим человеком лучше не связываться. Он был огромен.

Харакири отдал приказ на немецком, и двое солдат грубо подняли Блейз на ноги и поволокли к нему. Поставив её перед ним, они отступили. Блейз старалась сохранять невозмутимость, но предательская дрожь в ноге выдавала её страх. Предчувствие надвигающейся угрозы роилось в её голове.

Харакири не спешил, словно упиваясь её ужасом. Смуглая кожа, ослепительно белые зубы, широкие плечи и шрам, пересекающий лоб, делали его облик внушительным. Он обратился к команде на английском, с ледяной вежливостью объясняя, что их прибытие сюда – роковая ошибка.

– Дредноут предупредил о вашем визите, – произнёс он с хищной улыбкой. – И вот вы здесь, выстроились, словно овцы, ожидающие заклятия. Неужели вы всерьёз полагали, что сможете сорвать наши планы? Должен признать, для команды, одолевшей самого Джорджа Ксетеуса, вы оказались на удивление слабы.

Он замолчал, закуривая сигарету и обхватывая её своими большими пальцами. – Интересно, – продолжил он, выпустив струюку дыма, – кто-нибудь из вас когда-нибудь наблюдал за допросом женщины?

В ответ раздался похотливый смех – его люди предвкушали жестокое зрелище.

Блейз смотрела прямо перед собой, лицо – маска, лишь дрожащая нога выдавала её внутреннее состояние. Харакири сделал глубокую затяжку и кивнул двум солдатам за спиной Блейз. Они мгновенно схватили её за руки.

Блейз напряглась, но не сопротивлялась. Казалось, её покинули все эмоции. Макс мог лишь гадать, что творится в её душе.

Харакири резким движением расстегнул и сорвал с Блейз топ, обнажив её плечи и грудь. Он медленно приблизился, касаясь её тела с нарочитой непристойностью, демонстрируя свою власть. – Я могу делать с ней всё, что захочу, – сказал он своим людям. Затем, схватив её за шею, он грубо намотал длинные волосы на руку, лишая её возможности двигаться.

Макс видел, как в глазах Блейз появились слёзы, когда Харакири дернул её за волосы.

– Не двигайся, – приказал он, затягиваясь сигаретой до ярко-красного тлеющего кончика. – Не сопротивляйся. Одно прикосновение этой искры к твоему глазу – и ты ослепнешь.

Он сильнее сжал её волосы. Когда раскалённый окурок приблизился к её лицу, Блейз попыталась отвернуться, но его хватка была железной. Он был невероятно силен, а солдаты по бокам не давали ей вырваться. Харакири поднёс сигарету ещё ближе. Блейз судорожно вздохнула, её тело напряглось до предела, но крика не последовало.

Мгновение, показавшееся Харакири вечностью, и он отступил. На коже, в уголке левого глаза Блейз, всего в сантиметре от глазного яблока, алел уродливый ожог.

Он нахмурился. – Никакой реакции? Может, мне воткнуть следующую сигарету прямо в глаз?

Внутри Блейз бушевал шторм. Ярость клокотала, грозя вырваться наружу с каждой секундой, подпитываемая действиями Харакири. Она не знала, как долго сможет сдерживать эту силу, как долго сможет сопротивляться желанию обрушить её на этого ублюдка.

Её захлестывал гнев. Тёмные помыслы, дремавшие внутри, пробуждались, стремясь поглотить её. Разум отчаянно твердил о необходимости сдержаться, но Харакири и его армию нужно было остановить любой ценой.

Макс понимал, что для Харакири причинение боли женщине – извращённое удовольствие. Он собирался мучить Блейз, независимо от её реакции. А после неё он переключится на остальных, скорее всего, начнет с Макса. Но что они могли сделать? Их подавляли числом и огневой мощью.

Харакири пожал плечами, словно разыгрывал скучную сцену. Достав золотую зажигалку, он нарочито медленно выудил из пачки сигарету.

– Представь, – промурлыкал он, поднимая сигарету. – Этот красный огонёк – последнее, что ты увидишь в своей жизни.

Он снова грубо схватил Блейз за волосы, дергая её голову из стороны в сторону, словно куклу. Засмеявшись, он ткнул горячей сигаретой несколько раз в её лицо.

Макс едва сдержал рвотный позыв. Этот человек был болен, и они ничего не могли сделать. Блейз, скорее всего, лишится глаза. Вопрос лишь в том, как долго Харакири собирается растягивать пытку.

– Готовы, мисс Филдинг? – прошипел он с мерзкой ухмылкой, словно обращался к давней знакомой.

"Я... Номо Superior. Первая".

Внезапно Блейз дёрнулась, словно очнувшись от кошмара. Вспыхнул ослепительный синий свет, и Харакири отшатнулся, поражённый огненным шаром, вырвавшимся из груди Блейз. Пламя прожгло его нагрудник, опалив плоть под ним.

– Что?! – взревел Харакири, ошеломленный, и уставился на Блейз с недоверчивым ужасом в глазах. Блейз протянула руку к Харакири. В тот же миг её словно пронзила невидимая молния.

– Пожалуйста... – прошептал он, голос дрожал от слёз и напряжения. – Пожалуйста...

Из её ладони вырвался ослепительный столб бело-голубого пламени, пронзивший голову Харакири насквозь. Тело дернулось и обмякло. Одним резким движением Блейз рассекла ему горло, и голова с обугленным мозгом глухо шлёпнулась на пол.

– Вот это да... – пробормотал потрясённый Макс.

Мир вокруг взорвался хаосом. Солдаты, опомнившись, ринулись в атаку, паля на ходу. Но Блейз уже была в плену танца смерти, окутанная энергией своей ауры, забыв обо всем. Мощным прыжком она взмыла в воздух, и огненные шары сорвались с её рук еще до приземления. Один из солдат бросился на неё, выпуская обойму, но Блейз, подняв руку, сотворила стену из чистой энергии, твёрдую, как гранит. Оттолкнувшись от неё, она отправила солдата в смертельный полет на тридцать метров, пробив стену цеха.

Блейз неслась вперёд, словно вихрь, уклоняясь и нанося удары. Огненные шары, словно рой светлячков, металась вокруг неё, каждый взрыв отправлял вражеских солдат в агонию кататься по земле. Каждое её движение сеяло смерть и разрушение в рядах частной армии. Кровь брызгала во все стороны.

Вскоре никто не мог ей противостоять. Охваченные ужасом, солдаты пытались бежать, но Блейз не собиралась их отпускать.

Она заметила, как группа людей в панике забежала в ближайший цех и попыталась прорваться к большому валуну вдалеке. Она призвала его, и камень, взревев, сорвался с места, пролетел над травой, сбил с ног одного из беглецов и обрушился на крышу цеха, пробив её насквозь. Конструкция затрещала и рухнула, из пролома вырвались клубы дыма и пыли.

Затем она бросилась в погоню, её шаги усиливались энергией ауры, настигая жалких беглецов и уничтожая их одного за другим. Она чувствовала прилив небывалой силы, ощущала себя единой с аурой, наполненной мощью и жизнью.

Но внезапно всё закончилось. Блейз, тяжело дыша, застыла посреди поля трупов. На мгновение её глаза закатились, и она без сознания рухнула на землю.

Макс едва успел осознать произошедшее. В хаосе перестрелки он чудом откатился в сторону, избежав пуль. Увидев, как Блейз в одиночку расправилась со всей армией Харакири, он невольно выдохнул от изумления и облегчения.

Скейт первым пришёл в себя. Он подбежал к Блейз, проверяя, жива ли она. Она застонала, моргая и хмурясь.

— Ты в порядке? — спросил Скейт, накидывая свою куртку на её обнажённый торс.

— Мне нужно выпить, — простонала она.

Макс подошёл. Мерфи и Кэндис уже были рядом. — Уходим отсюда, — сказал Макс, осматривая местность. — Подкрепление скоро прибудет.

Мерфи кивнул. План был таков: развалины старого медного рудника, две мили к северо-востоку, у железной дороги. Место встречи, согласованное с немецкими властями на случай разделения. Каждые два часа — проверка вертолётами. Лучший вариант сейчас.

— За мной! — скомандовал он.

Так много вопросов...
Так много дел...
Так мало времени...

Макс помог Блейз подняться. Молча, команда двинулась на север, вдоль реки.

14

Блейз спала, и ей снился сон.

Перед ней разворачивалась спокойная, до боли знакомая картина. Жизнь, о которой она всегда мечтала: семья и друзья, именно такие, какими она их представляла. Единственной, кого она узнавала, была её любимая мама.

"Я люблю тебя, Лейз", — произнесла мать.

Так и должно быть. Тепло и любовь, смех и тихие моменты. Именно так она всегда мечтала, именно об этом молилась.

Тёплые улыбки. Приятные разговоры. Нежные объятия и дружеские похлопывания по плечу.

Но больше всего её радовала улыбка матери, такой счастливой, такой живой. В её взгляде Блейз видела всё: гордость, радость за её жизнь.

Никаких следов вторжения орочи, никаких убийств, никакого Синдиката... ничего плохого.

Мать стояла перед ней, лицо сияло. Она протянула руку, чтобы нежно коснуться её щеки. Улыбка становилась всё ярче, всё шире.

Слишком сильно. На мгновение Блейз подумала, что это преувеличение, проявление безграничной любви. Но улыбка продолжала расти, лицо матери неестественно растягивалось и искажалось.

Всё вокруг двигалось как в замедленной съёмке. Все замедлили шаг, словно их конечности налились свинцом.

Нет, не свинцом, поняла Блейз, и тепло в её душе мгновенно превратилось в обжигающий жар. Друзья и мать стали жёсткими, бесчувственными, словно превратились во что-то меньшее, чем живые люди. Она снова посмотрела на эту карикатурную улыбку, на перекошенное лицо, и увидела за этим боль, кристальную агонию.

Она попыталась окликнуть мать, спросить, что случилось, чем она может помочь.

Лицо матери исказилось ещё сильнее, из глаз потекла кровь. Кожа покрылась кристаллами, стала почти прозрачной, словно стекло.

Стекло! Она была из стекла! Свет отражался от хрустальных граней, кровь быстро стекала по гладкой поверхности. И выражение её лица, полное смирения и извинения, взгляд, говорящий о том, что она подвела малышку Лейз, что они подвели друг друга, вонзился острым клинком в её сердце.

"Мама!"

Она отчаянно тянулась к ней, пытаясь спасти. Но из её собственных рук вырвался сноп голубого пламени.

На стекле поползла паутина трещин. Хруст нарастал, превращаясь в угрожающий грохот.

Блейз несколько раз вскрикнула, в безумной попытке дотянуться до матери. Но её собственная аура, словно невидимая стена, преграждала путь. Тёмная, извращённая воля, поселившаяся внутри, парализовала её. Собрав всю свою силу воли, она закрыла глаза и сосредоточилась, направляя мысли вглубь себя, пытаясь обуздать эту чужую ауру, прорваться сквозь неё, дотянуться до матери, во что бы то ни стало.

Но было слишком поздно. Её мать рассыпалась в прах, словно хрупкий кристалл, разбитый вдребезги.

Блейз Филдинг вскрикнула и резко села на больничной койке. Глаза широко распахнуты, лоб покрыт испариной, дыхание – рваное и частое.

"Сон! Это был всего лишь сон!" Она повторяла это как мантру, пытаясь успокоиться, снова лечь. Всего лишь сон...

Но что он значил?

Она моргнула, осматриваясь. Послеоперационное отделение клиники Гроссхадерн, одного из крупнейших больничных комплексов Мюнхена. Просторная палата, стерильная чистота, современное оборудование.

Глубокий вдох, попытка собрать разбегающиеся мысли. Она вспомнила австрийскую границу... схватку с частной армией Харакири, лихорадочное возвращение в Германию. Она знала, что должна отбросить этот кошмар, сосредоточиться на настоящем, на том, что Огненному Шторму предстоит сделать, чтобы остановить Теневой Альянс. Но слова оставались словами. В памяти снова всплывал образ матери, застывшей, словно в ледяном плену, а затем – рассыпавшейся на миллион сверкающих осколков...

– Блейз! – Знакомый голос Акселя Стоуна раздался из другого конца палаты.
– Ты очнулась!

Ещё один глубокий вдох, сухое сплатывание. Она повернулась к Акселю. Он приближался, в простых джинсах и футболке, с букетом свежих цветов в руках. Он протянул их ей с нежностью.

– О, Аксель, какие они красивые! – Она улыбнулась, наблюдая, как он разворачивает цветы и бережно ставит их в пустую вазу у её кровати. Он

наполнил вазу водой из кувшина, стоявшего рядом, и торопливо расправил лепестки, чтобы она могла лучше их видеть. Розовые розы. Её любимые. – Тебе не стоило беспокоиться.

Аксель улыбнулся и легко коснулся её щеки губами. – Макс рассказал мне, что произошло. Я подумал, что тебе нужно немного радости.

Она опустила взгляд, погружаясь в свои мысли, и промолчала. Аксель придвинул пластиковый стул и сел напротив Блейз.

– Как ты себя чувствуешь? Я понимаю, контроль ауры по-прежнему даётся тебе тяжело.

Она кивнула, поднимая на него взгляд, полный отчаяния.

– Становится хуже, Аксель. Сначала отель... потом Скейт ... а теперь этот вертолёт. Я чуть не сорвала миссию, чуть не убила всю команду. – Она покачала головой, и в голосе прозвучала горечь. – Я чувствую себя обузой. И хуже всего, эта аура... она будто захватывает мой разум, мои действия. Я всё глубже погружаюсь во тьму, и боюсь, что выхода уже нет.

Аксель нахмурился, его взгляд смягчился. Он взял её руку в свою.

– Мы справимся, Блейз. Я уверен, что есть способ обуздать эту силу, эту «ауру». Не забывай, Синдикат запрограммировал тебя на эти способности. Они хотели, чтобы ты их контролировала. Им бы не понравилось, если бы ты полностью вышла из-под контроля. Это не в интересах мистера Икс.

Она усмехнулась, в её глазах мелькнула боль.

– Синдикат хотел стереть мои воспоминания, превратить меня в марионетку. Им было плевать на контроль.

Слёзы навернулись на её глаза.

– Аксель, я больше не чувствую, что могу приносить пользу команде. Я... скомпрометирована. Я хочу, чтобы меня отстранили от заданий. Я стала опасной для себя и для остальных. Никто не говорит этого вслух, но я вижу это в их глазах. Я больше не подхожу для этой работы.

Аксель покачал головой, сжимая её руку сильнее.

– Не говори так, Блейз. Ты основала Firestorm. Ты – сердце этой команды. И не забывай, ты в одиночку справились с целой армией солдат. То, что ты называешь "отсутствием контроля" – это просто временная неудача. Мы не бросим тебя, когда тебе хуже всего. Мы разберёмся с этим вместе. Мы найдём способ помочь. Не принимай поспешных решений.

– Но какой ценой? – спросила она, и голос её дрогнул. – Ты не понимаешь, что это делает со мной... психологически. Это невыносимо. Больше нет никаких границ. Всё, что у меня есть общего с неконтролируемыми, безумными... порочными и коварными... весь этот хаос, который я причинила – он постоянен, он ужасен, и я не верю, что есть хоть какая-то надежда на спасение. И даже после того, как я это признаю, легче не становится. Я

изо всех сил пыталась это контролировать, но ничего не выходит. Я боюсь, что скоро аура поглотит меня навсегда. Возможно, у меня осталось не так уж много времени. Я погружаюсь во тьму, я чувствую это.

Слёзы ручьями текли по её щекам, плечи поникли под бременем отчаяния.

Он сжал её руку ещё крепче.

– Не говори так. Не сдавайся, Блейз. Пожалуйста. Я люблю тебя. Больше, чем ты думаешь. И я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось. Я обещаю. Позволь мне помочь тебе.

На её губах появилась слабая, печальная улыбка. Она кивнула.

– Я знаю, Аксель. Я тоже люблю тебя. Я.. я ценю то, что ты говоришь. Это... тяжело.. Но я не сдамся. Пока нет.

– Девочка моя, иди сюда, – позвал Аксель, его голос звучал тепло и ободряюще.

Она бросилась в его объятия. Несколько мгновений они просто стояли, крепко прижавшись друг к другу, словно искали утешение и силу в этом простом жесте.

Когда они наконец отстранились, Блейз шмыгнула носом, на её губах появилась слабая, но искренняя усмешка. Она вытерла слёзы с лица.

– Ну, хватит обо мне, – сказала она, стараясь звучать бодро. – Как ты, Аксель? Должна признать, ты выглядишь на удивление хорошо для человека, которого всего три дня назад пронзили мечом.

Он кивнул, в его глазах мелькнула тень боли.

– Мне повезло. Клинок Дредноута, к счастью, не задел жизненно важные органы. Повреждения оказались не настолько серьёзными, чтобы их нельзя было исправить в камере Aias.

– А Адам? – спросила она с тревогой. – Он здесь?

Аксель снова кивнул.

– Да, с ним всё в порядке. Он уже уехал, возвращается в Колорадо, чтобы присоединиться к остальным. А вот о Замзе такого не скажешь. Адам хорошо с ним поработал.

Блейз удивленно подняла брови.

– Что ж, тем лучше. Итак, что дальше? Какой у нас план?

– Пока не знаем, – ответил Аксель. – Мерфи и его команда разведчиков сейчас над этим работают. Нам нужно перегруппироваться на базе и обсудить все варианты. Но времени у нас катастрофически мало. Нужно срочно что-то придумать, пока мы не столкнулись с ядерной катастрофой.

Сильвер Маклеод моргнул, пытаясь привыкнуть к яркому свету. После кромешной тьмы ночи, царившей снаружи, свет ламп накаливания казался ослепительным.

Ангар был огромен, его истинные размеры снаружи было трудно оценить.

Они с Дредноутом стояли в юго-восточном углу, и отсюда огромное пространство простиралось перед ними, напоминая Хьюстонский аэродром. Внутренние стены были выкрашены в чёрный или, возможно, тёмно-зелёный цвет – Маклеод не мог точно сказать. С потолка, расположенные по всей площади, свисали не менее двухсот огромных дуговых ламп. Их ослепительный свет отражался от гладкого бетонного пола, а тепло, исходящее от отражателей, было настолько сильным, что казалось, будто смотришь на солнце.

Ангар был огромен, но даже он мерк перед величием самолёта. Маклеод и раньше видел гигантские грузовые самолёты, даже летал на американском Lockheed C-9 Galaxy. Но впервые он лицезрел подобную махину внутри здания.

Огромный хвост, увенчанный высоким Т-образным килем, смотрел прямо на них, едва не касаясь фонарных решеток. Опущенная задняя рампа открывала вход в темную, зияющую, словно железнодорожный туннель, утробу самолёта.

Крылья, вырастающие из задней части фюзеляжа, поддерживали колоссальный корпус и четыре гигантских двигателя. Всё это излучало грубую мощь, но в то же время поражало изяществом линий: углом наклона стреловидных крыльев и хвостового оперения, изгибом законцовок крыльев, устремлённых ввысь.

– Узрите же... – прошептал Дредноут за спиной Маклеода. – "Гаргантюа"... разрушитель миров.

Это прозвище, придуманное самим Дредноутом, казалось, идеально отражало чудовищную мощь и возможности машины. По сути, это был "Глобмастер-7", грузовой транспортёр нового поколения, разработанный для Командования мобильности ВВС США. Некоторое время назад его украли агенты Теневого Альянса и переоборудовали для своих целей.

Маклеод знал, что внутри достаточно места для установки двигателя с диффузией Лаксина и ещё кое-чего посерьёзнее.

– Самолёт был переоборудован в соответствии с моими требованиями, – с гордостью заявил Дредноут. – Теперь он использует технологию "стелс" и оснащён ядерной ракетной системой залпового огня. Он станет крупнейшим воздушным бомбардировщиком с ядерным зарядом, известным человечеству.

– Когда мы сможем начать? – спросил Маклеод.

– Всего через несколько часов, – ответил Дредноут. – Двигатель рассеивания Лаксина уже установлен, и сейчас идёт загрузка пятидесяти пяти боеголовок с... соответствующим содержанием.

Маклеод кивнул. – Вижу, вы не теряли времени.

Где-то заурчал мощный электродвигатель, и в поле зрения появилась тележка, везущая ядерную боеголовку. Другие боеголовки уже стояли у погрузочного отсека и рядом с крыльями. Около двух дюжин людей в белых комбинезонах сустились вокруг самолёта. Одни обслуживали двигатели, другие, орудуя щётками на длинных ручках, протирали алюминиевую обшивку. Третьи проводили финальную проверку модернизированных систем. Они оживлённо переговаривались, гремели инструментами, создавая какофонию звуков, заглушавшую яростный стук дождя по крыше и завывание ветра снаружи.

– Я не из тех, кто тратит время впустую, – сказал Дредноут. – И вы это знаете.

Маклеод кивнул и некоторое время пристально смотрел на него. Человек в маске не шутил. Слишком серьёзным было все происходящее. Он перевёл взгляд на "Гаргантюа", сверкающего в свете прожекторов, на экипажи, копошащиеся вокруг него. Невероятно, но через несколько часов начнется бомбардировка. Месяцы планирования, наконец, принесут плоды. Мир так и не узнает о том, что на него надвигается. Дредноут долгие годы ждал этого момента.

– Теперь нам ничто не помешает...

15

Побережье Майами
6 января

"Гаргантюа", смертоносный бомбардировщик, нёс на борту пятьдесят пять 500-мегатонных боеголовок. Его целью была Флорида, штат с восемнадцатью миллионами жителей, обречённых на ядерное уничтожение. За штурвалом сидели Скарабей и Айс, наёмники из банды "Сигнал", предавшие своих бывших союзников ради щедрого контракта с Теневым Альянсом.

Миссия была самоубийственной. С момента вылета из Германии они летели в режиме максимальной скрытности, и до сих пор им удавалось обманывать радары ПВО США. Пока что всё шло по плану. Но по мере приближения к американскому побережью, огромные размеры "Гаргантюа" становились проблемой. Технология "стелс" теряла свою эффективность – самолёт становился виден невооружённым глазом. Чтобы проникнуть вглубь страны, им предстояло пройти над крупной военно-морской базой, летя на предельно малой высоте. Скарабей понимал: остаться незамеченными не получится. Неизбежно, им придётся столкнуться с атакой флота. "Не беспокойтесь об их обороне," – уверял их Дредноут. "Гаргантюа" оснащён самой передовой системой защиты, разработанной доктором Дамом и его командой. Ничто не сможет пробить эту броню..."

Несмотря на заверения, Скарабей не мог избавиться от тревоги. В иллюминатор он видел зенитные орудия с радарным наведением и пусковые установки самых современных ракет, включая смертоносные "Си Дарт",

размещённые на эсминцах типа 42, охранявших вход на базу. "Си Дарт" – пятнадцатифутовая ракета, весом в полтонны. При запуске, твердотопливный ускоритель разгонял её до двойной скорости звука всего за три секунды, позволяя сбивать любые обычные самолёты на высоте до сорока миль. Во время теракта в Майами несколько лет назад, "Си Дарт" уничтожили три атакующих самолёта. Скарабей и Айс прекрасно понимали, какой риск их ждёт, несмотря на оптимистичные прогнозы Дредноута.

– Пристегнись, – пробормотал Скарабей, сжимая рычаги управления.

– Не паникуй, – ответил Айс. – "Си Дарт" разрабатывался для борьбы с российским флотом в открытом море. Против цели, летящей на низкой высоте, на фоне помех от земли, он будет гораздо менее эффективен.

Скарабей промолчал, крепче сжав рычаги и с трудом сплотнув.

Впереди показались невысокие холмы и изрезанная береговая линия Соединённых Штатов. "Гаргантюа" снизился до трёхсот футов и начал свой смертельный полёт к побережью. Скарабей выписывал сложные фигуры, петляя между долинами. Приборы в кабине начали улавливать сигналы вражеских сенсоров, пытающихся выделить самолёт из хаотичного эха, отражающегося от склонов.

Айс напрягся. Они летели прямо в сердце военно-морской базы.

"Внимание! Воздушная атака!" – взревел динамик флагманского корабля, пронзая тишину.

Паника мгновенно охватила экипаж. В ту же секунду заговорили двадцатимиллиметровые орудия, выплёвывая в небо огненные плевки: Бам! Бам! Бам! Бам!

Со всех сторон – с кораблей и с берега – обрушился шквал огня. Воздух наполнился едким дымом взрывов, но "Гаргантюа" продолжал неумолимо двигаться вперёд, словно не замечая опасности.

Он шёл так низко над водой, что реактивные струи вздымали за собой буруны пены. Зенитный огонь достиг апогея. Невероятный грохот разрывал барабанные перепонки: к басовитому рокоту 4,5-дюймовых орудий присоединился треск пулемётов и пронзительный визг гранатомётов. Но все выстрелы, казалось, бессильно рассыпались в воздухе, не достигая цели.

Скарабей, наблюдавший за этим хаосом из кабины "Гаргантюа", не мог поверить своим глазам. Как самолёт мог выжить, прорвавшись сквозь этот адский зенитный огонь? Даже с передовыми технологиями защиты это казалось невозможным.

– Да пошли они все к чёрту! – заорал Айс, с маниакальным блеском в глазах, и резко щёлкнул переключателем. Бомба с Лаксином отделилась от фюзеляжа, устремляясь к флотилии внизу, а "Гаргантюа" с воем пронёсся над головами ошеломлённых моряков.

Бомба с оглушительным всплеском рухнула в воду, всего в двадцати ярдах от ближайшего военного корабля.

— Что ты делаешь?! Ты промахнулся! — взвизгнул Скарабей, но тут же осёкся. Он знал, что у этих бомб есть задержка — крыльчатка в хвостовой части, которая должна совершить определенное количество оборотов после сброса, чтобы активировать механизм. Всё было рассчитано до секунды, чтобы дать самолёту время уйти на безопасное расстояние.

Это была последняя связная мысль Скарабея. Мир вокруг него взорвался, ослепив кабину "Гаргантюа" чудовищным светом, словно миллион солнц вспыхнули одновременно. На мгновение всё замерло в неестественной тишине. Момент абсолютной нереальности, ощущение выхода из тела. Не было слышно ни звука. Затем раздался чудовищный, утробный гул, похожий на рёв миллиона сабвуфферов, когда вакуум схлопнулся, и позади них развернулась ядерная реакция такой силы, что "Гаргантюа" резко бросило в сторону.

— Господи Иисусе! — выдохнул Айс, но на его лице не было ни тени страха — лишь безумное ликование. Он отчаянно боролся с управлением, пытаясь удержать самолёт после сокрушительного ЭМИ-взрыва.

Неудивительно, что зенитный огонь прекратился. Всё, что видел Скарабей, — это бушующее ядерное пламя вокруг них, пока они мчались прочь. Небо почернело...

— Невероятно, — выдохнул он, и в голосе прозвучало облегчение. Осознание того, что они только что пережили ядерный взрыв практически без последствий, словно сняло с плеч груз. — Какова следующая цель?

Айс облизнул пересохшие губы, чувствуя, как адреналин бурлит в крови. Он нажал на кнопку.

— Следующая — центр Майами, — произнёс он, чётко выговаривая каждое слово. — Затем Таллахасси, потом Джексонвилл. После этого у нас карт-бланш. Будем разбрасывать это дерьмо куда захотим, главное — использовать полный комплект боеголовок.

Скарабей кивнул, глубоко вздохнув. Дредноут был прав. Ничто не могло их остановить.

Глухой, непрекращающийся рёв Гаргантюа эхом отдавался в голове.

Некоторое время спустя по всем радио- и телеканалам страны транслировалось экстренное сообщение из Вашингтона:

"Мы прерываем нашу трансляцию. В эфире экстренный выпуск новостей CNN из Вашингтона, округ Колумбия. С вами Роланд Берфорд. Дамы и господа, без лишних слов, Президент Соединённых Штатов Америки".

На экране появился президент, лицо которого было бледным и осунувшимся.

"— Мои дорогие американцы, с глубочайшим сожалением я должен сообщить вам о том, что иностранные агенты нанесли серию ядерных ударов по территории Соединённых Штатов. Менее двух часов назад, по предварительным оценкам, около пятидесяти ядерных взрывов полностью опустошили земли Флориды, унеся жизни миллионов мужчин, женщин и детей. Не только американских граждан, но и иностранных подданных, туристов со всего мира. Это событие... эта ужасающая трагедия — самый страшный террористический акт, который когда-либо видел мир. Я выражаю глубочайшие соболезнования каждому из вас в этот наш самый мрачный час."

Его голос дрожал.

"— Мои советники сообщают, что шансы на выживание в пострадавшем регионе крайне малы. Всем, кто направляется во Флориду, предписано немедленно повернуть назад и держаться подальше от этой зоны. Пока никто не взял на себя ответственность за это чудовищное злодеяние, за это массовое лишение жизни, но есть основания полагать, что нападение было совершено с территории Европейского союза, возможно, из Германии. Я пытался связаться с президентом ЕС по телефону из Белого дома, чтобы прояснить обстоятельства этой чудовищной трагедии, но он отрицает какую-либо причастность к нападению."

Президент сделал паузу, глубоко вздохнув.

"— Будьте уверены, правительство Соединённых Штатов не потерпит геноцида своего гражданского населения в таких грубых и массовых масштабах. Наше возмездие будет быстрым и решительным. Благодарю вас."

"Дамы и господа, президент Джон Хейс только что объявил о трагическом событии: штат Флорида подвергся террористической атаке, ответственность за которую, по предварительным данным, несут европейские террористы. Мы выражаем глубочайшие соболезнования всем, кто потерял своих близких. А сейчас мы обратимся к нашему международному корреспонденту, Джонатану Хьюсону, за комментарием о текущей политической ситуации. Джонатан?"

"Спасибо, Роланд. Этот трагический инцидент может стать искрой, разжигающей ядерную войну между Соединёнными Штатами Америки и Европейским Союзом? После прошлогоднего ядерного удара по Лондону, три мировые сверхдержавы — США, ЕС и недавно сформированная Восточная коалиция — вели переговоры о создании так называемого "Нового мирового порядка", подразумевающего формирование мирового правительства, призванного предотвратить будущие войны. Но эта чудовищная атака может похоронить эти надежды. Неужели, чуть больше чем через столетие после окончания Первой мировой войны, мы стоим на пороге нового глобального конфликта? Отсутствие официальной реакции со стороны ЕС на атаку во Флориде вызывает серьёзные опасения..."

Блейз Филдинг выключила телевизор.

— Меня сейчас вырвет, — пробормотала она, качая головой. — Это кошмар. Не могу поверить, что это происходит. Снова...

Аксель сидел неподвижно, моргая. Его мысли метались. Сначала Вуд-Оук-Сити, потом Лондон, а теперь... Флорида?

— Это, вне всяких сомнений, работа Дредноута, — пробормотал он. — Чёрт! Мы должны были остановить его кампанию по применению Лаксина. Мы опоздали. Проклятье!

Макс кивнул. — Похоже, он намерен разрушить Новый мировой порядок ещё до его создания, — сказал он. — И при этом уничтожить нашу страну..

Блейз покачала головой. — Мы не можем позволить ему уйти безнаказанным. Должен быть выход. Нам нужно ускорить реализацию нашего плана, чтобы спасти миллиарды жизней. — Она стиснула зубы, приняв решение. — Брифинг через час. Будьте готовы.

Адам Хантер глубоко вздохнул и кивнул. — Я позвоню Мерфи.

16

Штаб-квартира Огненного Шторма
Колорадо

После безрадостного обеда в кафетерии базы Макс Хатчетт последовал за Блейз Филдинг в охраняемую комнату для совещаний. Остальные уже ждали.

Аппетит у Макса пропал. Он голодным взглядом смотрел на свою нетронутую еду, терзаемый сожалением и раскаянием. После трагедии во Флориде команда словно онемела. Между ними, особенно между Максом и Блейз, повисла густая пелена тревоги и недосказанности.

Макс чувствовал себя отчасти виноватым. Он понимал, что это иррационально, но сейчас любые слова утешения казались пустыми. Оставалось лишь сосредоточиться на предстоящей опасной миссии и надеяться на лучшее, что бы ни приготовила им судьба.

Замок повышенной безопасности щёлкнул, когда они вошли в комнату для совещаний. Охранник, стоявший на посту, коротко кивнул и посторонился.

Аксель сидел за столом, склонившись над планшетом. Он пытался расшифровать сообщение, только что пришедшее из штаб-квартиры Интерпола по защищённой линии. Заголовок кричал: «ТОЛЬКО ДЛЯ ГЛАЗ FIRESTORM».

Макс заметил, как изменилось лицо Акселя, когда тот просматривал текст.

— Прочти это, Блейз, — сказал Аксель, протягивая ей планшет.

Блейз пробежала глазами по сообщению. Макс увидел, как у неё сжались челюсти. Без единого слова она вернула планшет ему.

— Они отменяют нашу миссию? — спросил Макс, чувствуя нарастающее беспокойство.

— Читай дальше, — ответила Блейз, её голос был напряжённым.

Макс впился взглядом в текст. Миссия Огненного Шторма была немедленно отменена. Им приказано вернуться в Вашингтон, где Аксель Стоун должен быть взят под стражу для допроса. Полиция Лос-Анджелеса и ФБР выдали ордер на его арест. Затем оставшиеся члены команды должны были тайно провести разведку в здании парламента ЕС в Брюсселе, чтобы оценить военные приготовления Евросоюза.

— Господи Иисусе, — пробормотал Макс. — Они что, всерьёз? Они действительно думают, что будет война?

Блейз пожала плечами, её вздох был полон усталости:

— Неважно, что думаем мы. Взаимное недоверие — вот что нужно для начала войны.

— Президент Хейс не настолько глуп, чтобы..

— Белый дом не хочет рисковать, — перебил Макс. — Что ты об этом думаешь, Аксель?

Настала очередь Акселя пожимать плечами:

— Я просто в шоке от этого ордера на арест. Я не понимаю. Я ничего не сделал.

Блейз покачала головой:

— Что-то здесь не так. У меня плохое предчувствие.

— Что мы будем делать? — спросил Макс, чувствуя, как адреналин начинает циркулировать в крови.

Их мысли работали на пределе, они обдумывали варианты и строили планы. На базе у них было всё необходимое для длительной операции. Оружие можно было достать на местных складах. Запасов на складе хватило бы для полномасштабной войны, если бы до этого дошло.

Блейз глубоко вздохнула, в её глазах горел решительный огонь.

— Мы продолжим миссию, с одобрения Интерпола или без него. К чёрту их всех! Мы знаем, что поступаем правильно. Начинаем брифинг.

Когда Адам, Скейт и ещё несколько сотрудников собрались вокруг, Блейз ввела их в курс дела. Адам тем временем установил защищённую видеосвязь с Мерфи в Вашингтоне.

— Они что, серьёзно? — вырвалось у Скейта.

— Более чем, — ответила Блейз. — Судя по всему, в Белом доме считают Третью мировую войну неизбежной.

— Это правда, — подтвердил Мерфи, его голос слегка искажался из-за цифровой передачи. — Здесь, в Вашингтоне, царит такая паника и недоверие, что это просто невысказано.

— Мерфи, почему меня хотят допросить? — нахмурился Аксель.

Мерфи покачал головой.

— Я пока не знаю, Аксель. Мне ничего не говорят. Это произошло в самый неподходящий момент. Что бы это ни было, я уверен, ты невиновен. Они ищут не того человека.

— Хуже того, Интерпол отстранил нас от миссии по Теневому Альянсу, — добавила Блейз. — Но, думаю, вы все согласитесь со мной: к чёрту их приказы.

В ответ раздались мрачные кивки.

— К сожалению, поскольку миссия официально отменена, мне запрещено работать с вами или даже контактировать, — пробормотал Мерфи.

Адам ухмыльнулся.

— Но ты всё равно нам поможешь.

Мерфи кивнул с улыбкой.

— Конечно, Адам. Вы мои друзья. И я знаю правду. Мы единственные, кто может остановить Дредноута сейчас. У нас мало времени.

— Итак, решено, — заключила Блейз. — Мы берём дело в свои руки. Возвращаемся в Германию, чтобы остановить Дредноута и покончить со всем этим раз и навсегда.

— Подождите, — запротестовал Скейт. — А кто-нибудь подумал о том, что мы грубо нарушаем приказы? Нас могут привлечь к суду по возвращении! У них будут все основания нас арестовать!

— Если... если мы вернёмся, — мрачно добавил Аксель.

— Скейт, если мы этого не сделаем, то то, что произошло во Флориде, повторится повсюду, — возразил Адам. — Вся страна может быть уничтожена. Мы все умрём!

— Но как мы собираемся остановить ядерную войну?

— Эй, мы справимся, — заверила его Блейз. — Как мы остановили Новый синдикат после взрыва в Лондоне.

Мерфи кивнул, его глаза горели решимостью. — Мы можем это сделать. Хирургический удар — оптимальный вариант. Я провёл небольшое исследование и нашёл кое-что интересное. — Он нажал несколько кнопок, и на экране за его спиной вспыхнули изображения.

Блейз повернулась к нему. — Что у тебя есть, Мерфи?

— Я разработал программу, которая отследила траекторию самолёта, сбросившего бомбы на Флориду. Он взлетел с небольшой, заброшенной военной базы под Дюссельдорфом, в Германии. Никто и не подозревал, что она используется с конца Второй мировой войны.

Аксель шумно выдохнул и кивнул. — Оттуда Дредноут и управляет всем. Штаб-квартира Теневого Альянса.

Мерфи подтвердил: — Именно. Но это ещё не всё. Во время войны база служила генетической лабораторией, где Дредноут проводил чудовищные эксперименты над еврейскими подпольщиками по заказу Общества Туле Гимmlера. Один из подопытных — молодой человек по имени Джон Саузер. Похоже, этот Саузер и есть тот монстр Замза, с которым мы столкнулись.

Адам отшатнулся, потрясённый. — Боже мой... Я даже не представлял.

Макс стиснул зубы. — Это отвратительно. Кто знает, что мы найдём там, под землёй.

Мерфи моргнул. — Действительно. Нам нужно быть предельно осторожными. Информации мало, но судя по спутниковым снимкам и способности Теневого Альянса быстро производить ядерное оружие, нас ждёт настоящая война, чтобы уничтожить этих ублюдков.

Блейз приняла решение мгновенно. — Вылетаем немедленно. Воспользуемся... особым самолётом.

Макс нахмурился. — Но самолёт еще не прошёл все испытания!

— У нас нет выбора, — отрезала Блейз. — Больше нет времени на разговоры и проверки. Пора действовать. Мерфи, сможешь встретиться с нами в Дюссельдорфе?

— Да, без проблем. И я возьму с собой Кэндис Редд. Она моя протеже, и я ей доверяю. У меня предчувствие, что её помощь нам понадобится.

— Отлично. — Блейз повернулась к Скейту. — Скейт, это не обязательно. Ты можешь остаться, если не хочешь идти.

Скейт кивнул в ответ. — Я понимаю тебя, Блейз, — сказал он. — Я с вами.

Она улыбнулась и кивнула. — Я знала, что могу на тебя рассчитывать.

Он слегка коснулся её руки. — Мы команда, Блейз. Мы будем вместе до конца.

— До конца, — повторила она. — А теперь пора идти.

В 47 милях от Дюссельдорфа, Германия
7 января

В предрассветной тьме, за пять минут до посадки, салон частного самолёта наполнился напряжением.

Элегантная машина коснулась земли, взметнув в воздух клубы снежной пыли. Аксель первым прыгнул на землю, за ним последовали Блейз, Адам, Макс, Скейт, Мерфи и Кэндис. словно тени, они рассредоточились вокруг самолёта, занимая позиции с оружием наготове.

Макс, в очках ночного видения, обвёл самолёт взглядом. — Чисто, — коротко доложил он.

Они находились в центре неглубокой долины, зажатой между крутыми, заснеженными холмами. Ни деревьев, лишь редкие кочки и колючий кустарник. Холод пронизывал до костей после тёплого салона самолёта. Блейз с облегчением вдохнула морозный воздух, чувствуя, как отступает тошнота.

Слаженно и быстро они приступили к разгрузке снаряжения. Индивидуально спроектированный самолёт был оснащён устройством статической маскировки, но время было критично. Чем быстрее они разгрузятся, тем меньше риск быть обнаруженными.

После напряженного полета, ощущение твёрдой земли под ногами и необходимость действовать возвращали им уверенность. Всё шло по плану, и Блейз начала верить в успех операции.

Прежде чем двинуться к вражеской базе, Мерфи достал из кармана развёрнутую карту. В свете тусклого фонарика они склонились над ней.

— Мы вошли сюда, — Мерфи указал на точку. — Сейчас мы на северной стороне аэродрома. — Он постучал пальцем по карте. — Весь периметр защищён высоким проволочным забором. Военный и научный секторы базы разделены взлётно-посадочной полосой.

Дополнительное внутреннее ограждение, увенчанное колючей проволокой, отрезало доступ к военной зоне с ангарами. Пространство между ограждениями патрулировалось вооружённой охраной.

Блейз была впечатлена. Мерфи проделал колоссальную работу. Карта была детальной и чёткой. — Насколько это точно?

— Настолько, насколько это возможно, — ответил Мерфи. — Информация основана на спутниковых снимках Landsat и сводках от моих местных контактов. Надеюсь, выбранный маршрут окажется безопасным.

— Ты не идёшь с нами на этот раз? — спросил Аксель.

Мерфи покачал головой. — Вместо меня пойдёт Кэндис. Я провожу вас до внутреннего ограждения и останусь здесь. Буду следить за вашей операцией с борта самолёта. После выполнения задания, я буду ждать вас в точке эвакуации, готовый к быстрому отступлению.

Они согласовали протокол связи. Мерфи передал Акселю защищённый спутниковый телефон для экстренных случаев. Договорились использовать кодовые слова на испанском языке.

— Рекомендую крайнюю осторожность, — предупредил Мерфи. — Ограничьте связь только срочными сообщениями. Предполагаю, что все передачи в этом районе отслеживаются. Враг может обнаружить вас в считанные секунды.

Наконец, готовые, они покинули замаскированный самолёт, взвалив на плечи оружие и снаряжение. На них были белые зимние камуфляжные комбинезоны и брюки. Одна сторона — полностью белая для арктической местности, другая — с чередующейся гаммой белых и чёрных полос, предназначенная для маскировки на границе леса. Сейчас все были одеты в белое, сливаясь со снегом. Мерфи, безоружный, нёс с собой внушительный набор болторезов с длинными ручками. "Для ворот," — мрачно пояснил он, словно предвкусывая неизбежное.

Они двинулись в путь. Макс и Мерфи шли впереди, прибор ночного видения Макса пронзал пелену снегопада, выхватывая из темноты очертания местности. Каждый шаг был выверен, каждый звук — проанализирован. Они настороженно всматривались в ночь, опасаясь преследования или скрытого наблюдения.

Напряжение не спадало, но никаких тревожных признаков не было. Примерно через час они поднялись на невысокий холм, и сквозь падающий снег проступили мерцающие огни аэродрома. Ещё через несколько минут впереди показалось внешнее проволочное ограждение. Грунтовая дорога, идущая вдоль него, явно использовалась регулярно.

— Как часто они патрулируют периметр? — спросил Макс, не отрывая взгляда от ограждения.

— Внешний периметр проверяют на рассвете и в сумерках. Внутренний патрулируется круглосуточно, каждые два часа. Джип с водителем и наблюдателем. Ищут в основном дыры в заборе, — ответил Мерфи, его голос звучал приглушённо.

Макс взглянул на часы, быстро прикинув время. До рассвета оставалось три с половиной часа. Падающий снег надёжно скроет их следы задолго до следующего патруля.

Дорожка вела вниз, к двойным воротам, запертым на массивный висячий замок. Мерфи поднёс болторезы к засову, и вместе с Максом они напрягли все силы, чтобы сжать рукоятки. С хрустом, словно ломались кости, закалённая сталь поддалась. Мерфи снял замок и приоткрыл ворота ровно настолько, чтобы пропустить их внутрь.

— Дальше я не иду, — сказал он, его голос звучал твёрдо. — Теперь вы сами по себе. Будьте осторожны и помните о патрулях. С первыми лучами солнца я буду на месте встречи и свяжусь с вами по спутниковому телефону.

Аксель кивнул. — Спасибо, Мерфи.

– Уничтожьте этот ядерный бомбардировщик, – настаивал Мерфи, в его голосе звучала неприкрытая ненависть. – И уничтожьте Дредноута. Не дайте этому ублюдку снова уйти.

Адам дружески похлопал его по плечу. – Мы скоро увидимся, приятель.

Мерфи закрыл за ними ворота и запер их на новый замок. Он протянул Акселью запасной латунный ключ с пластиковой биркой. – Этим выходом редко пользуются. Любой, кто попытается пройти, решит, что перепутал ключи.

Аксель положил ключ в карман и кивнул. – Ещё раз спасибо. Я позвоню тебе.

И Мерфи, словно призрак, растворился в метели.

Аксель обернулся, оценивая обстановку. Два забора разделяло около ста метров. Вглядываясь в темноту, он различал всё больше деталей аэродрома. Согласно карте, его протяжённость составляла около двух миль, а ширина – примерно одну.

Ограждение тянулось параллельно главной взлётно-посадочной полосе, ориентированной с востока на запад. Военный сектор, где они находились, располагался к северу от полосы, а научная часть – к югу.

Военная зона делилась на две части. Диспетчерская вышка и столовая, казавшиеся отдельными зданиями, находились почти напротив их позиции. Чуть дальше, ближе к краю лётного поля, темнели силуэты авиационных ограждений и ангаров.

Мерфи отлично справился с задачей, доставив их сюда.

По другую сторону внутреннего ограждения проходила дорога, вероятно, используемая для патрулирования периметра. У них не было возможности предугадать, когда появится следующий патруль.

Оставалось надеяться, что в такую погоду проверка будет формальной.

– Ладно, подберёмся ближе к внутреннему ограждению, – скомандовал Аксель и, пригнувшись, пополз в темноту. Остальные последовали его примеру.

Порывы ветра поднимали снежную пыль, временами полностью лишая видимости. Иногда Аксель различал лишь отблески фар, скользившие между зданиями – возможно, это были патрульные машины.

На площадке перед вышкой стояло несколько самолётов. Макс, рассматривая их в прибор ночного видения, определил учебные реактивные самолёты и штурмовики. Вероятно, бомбардировщик с ядерным боезапасом был надёжно укрыт в ангаре, ожидая следующего вылета.

– Огни взлётно-посадочной полосы не горят, – заметил Блейз.

Это было правдой. Огни захода на посадку тоже были выключены. Очевидно, в ближайшее время не планировалось никаких полётов. Впрочем, учитывая

секретность базы, кто знает, включали ли их вообще? На вышке, похоже, дежурил персонал, но это было обычной практикой в любое время.

В траве послышался шорох, и появилась Кэндис Редд.

— Я нашла неплохой способ перебраться через внутреннее ограждение, — сообщила она. — От базы отходит что-то вроде дренажного канала. Думаю, он достаточно широкий, чтобы использовать его как лаз.

— Покажи, — приказал Аксель.

Она двинулась вдоль внутренней стороны забора, а остальные члены команды последовали за ней. Они крались, прижимаясь к промерзшей земле, надеясь, что белые маскхалаты растворят их в заснеженном подлеске. Холод пронизывал до костей, но отступить было некуда.

За годы трава под проволокой разрослась, образовав узкую траншею между зарослями. Если ползти достаточно низко, можно было остаться незамеченными. Место, выбранное Кэндис, соответствовало описанию: бетонный туннель высотой не более полуметра, в двадцати пяти метрах от внутреннего периметра, скрытый вереском и дроком.

— Я первый, — Аксель срезал ножом колючие ветви, преграждавшие вход. Расчистив проход, он нырнул в скользкий, влажный туннель под забором. Когда остальные подтянулись, он обернулся и прошептал: — Все в сборе?

В ответ он увидел лишь кивки.

Блейз нахмурилась, оценивая расположение ангаров.

— До самолётов отсюда далеко, — с тревогой произнесла она. — Больше семисот метров. Что, если нас засекут патрули? Это слишком рискованно.

Аксель покачал головой.

— Придётся прорываться с боем. Другого выхода нет.

— погоди, — Блейз потянула его за рукав. — А что, если взять грузовик? Вон те снегоуборщики? — Она указала на группу машин техобслуживания, припаркованных неподалёку.

Аксель засомневался. Идея казалась безумной, но в ней был смысл.

— Даже если нас увидят, не факт, что заподозрят неладное, — продолжала Блейз. — Подумают, что это плановое обслуживание взлётно-посадочной полосы.

Она была права. Движущаяся техника привлечёт гораздо меньше внимания, особенно снегоуборочная машина.

Аксель кивнул в сторону Макса.

— Макс, сможешь завести одну из этих махин? Что-нибудь большое и тяжёлое, чтобы можно было таранить ворота ангара, если понадобится.

— Без проблем, Аксель, — ухмыльнулся Макс.

— Только не привлекай внимания, — пробормотал Аксель. — Чем незаметнее, тем лучше.

— Не волнуйся, — ответил Макс. — Скоро вернусь на колёсах. — Он побрёл к машинам, ссутулившись от пронизывающего ветра, словно его насильно выгнали на улицу в такую погоду. Подойдя к группе снегоуборщиков, он начал осматривать их одну за другой. За ним наблюдали, затаив дыхание. Наконец он подошёл к одной из машин. Тишина повисла в морозном воздухе.

— Думаешь, ему нужна помощь? — спросил Адам.

Аксель покачал головой. — Нет. Если Макс не сможет завести машину, то её вообще никто не заведёт.

Адам усмехнулся, вспоминая юность, задолго до службы в полиции Лос-Анджелеса. Он познакомился с Максом на подпольных рестлинг-сценах города. Макс тогда был одержим гонками, и главным удовольствием для него было не уходить от полицейской погони, а покорять мощные спортивные автомобили. Казалось, не существовало механизма, способного долго сопротивляться его умелым рукам.

Внезапно фары одной из машин вспыхнули, а затем раздался утробный гул дизеля. Макс завёл мотор. Машина, взревев, тронулась с места и, развернувшись, направилась к ним. Это был огромный жёлтый грузовик, оснащённый массивным бульдозерным отвалом.

— Всем немедленно в машину! — скомандовал Аксель.

Грузовик был чудовищно велик, построен как танк и почти такой же громоздкий. Они вскарабкались в задний отсек. Аксель занял место рядом с Максом в кабине, а Адам и Скейт, расположившись у задней двери, приготовили автоматы к бою. Блейз и Кэндис с благодарностью устроились на сиденьях, рассчитанных на двоих.

Убедившись, что все в безопасности, Аксель кивнул Макс. — Чисто.

— На взлётную полосу, — скомандовал он, — а потом налево.

С лязгом передач грузовик тронулся с места. Снег продолжал валить густыми хлопьями. Макс, склонившись над рулем, напряжённо вглядывался в темноту. Он не мог поверить, что им так долго удавалось оставаться незамеченными.

— Там! Склад горючего! — Аксель указал пальцем. — Ангары сразу за ним. Видишь?

Макс всматривался в клубящуюся мглу, различая лишь смутные очертания гигантских ангаров. Они почти добрались.

И в этот момент ночь пронзил яркий луч прожектора, ослепив их. Одновременно со всех сторон по ним открыли шквальный огонь трассирующих пуль.

Слишком легко. Они угодили в ловушку. Враг ждал их всё это время.

18

Ослеплённый светом прожекторов, Макс Хатчетт действовал инстинктивно. Он вдавил педаль газа, и огромный грузовик рванулся вперёд, прокладывая себе путь по перрону к ангару. Со всех сторон раздались выстрелы, пули градом обрушились на стальные борта, отскакивая с оглушительным звоном.

Трассирующие пули, словно разноцветные бусины, рассыпались искрами, ударяясь о лезвие снегоочистителя. Аксель опустил боковое стекло и, высунувшись, тщательно прицелился из гранатомёта 203-го калибра, закреплённого за его спиной. Он нажал на спусковой крючок, и ослепительная вспышка осветила переднюю часть джипа, когда граната разорвалась прямо на его крыше.

Пушка замолчала. Впереди разгорелся огненный шторм..

Пространство пронзил звук, похожий на разрыв ткани, за которым последовал оглушительный хлопок. Бронированная машина, появившаяся из ниоткуда, обстреливала их снарядами полного калибра. Судя по звуку, 105-миллиметровые снаряды могли превратить их грузовик в груды искорёженного металла. Раздался второй выстрел, но на этот раз снаряд разорвался в пятистах метрах позади них. Макс резко сменил курс, пытаясь сбить наводчиков с прицела. Артиллеристы вели беспорядочный огонь, вероятно, реагируя на вспышки их собственных выстрелов. В ночном бою, с возбуждёнными солдатами, хаос был неизбежен, если офицеры не держали ситуацию под контролем.

Вокруг них свистели трассирующие пули и грохотали пушечные выстрелы. Из кузова грузовика донёсся яростный стук – Адам открыл огонь из крупнокалиберного пулемёта Браунинга. Пули со стальным сердечником, словно небольшие пушечные ядра, пробивали легкую броню. Аксель выпустил ещё пару гранат в сторону мелькнувших впереди вспышек пехотного оружия. По интенсивности огня он определил, что стреляет не меньше половины роты, возможно, около пятидесяти человек.

Остальная часть команды – Скейт, Блейз и Кэндис Редд – вели огонь из задней части грузовика из более мелкого оружия. Аксель знал, что может положиться на их меткость, а не на бессмысленное расходование боеприпасов, как это, похоже, делали солдаты Теневого Альянса.

Внезапно что-то с силой ударило по крыше кабины, словно молот, и грузовик содрогнулся от удара. Почти одновременно ветровое стекло покрылось сетью трещин, пробитых двумя пулями. Аксель на мгновение откинулся назад, чтобы сменить магазин.

Он слышал, как Макс, вцепившись в руль, что-то кричал во всё горло, но грохот выстрелов заглушал его слова. Они неслись прямо к ангару, который теперь был всего в сотне метров и нависал над ними огромной стеной.

Сквозь дым сражения он смутно различил рядом с собой лицо Блейз, которая что-то отчаянно кричала ему.

– Что?.. – Аксель зарычал, нахмурившись.

– Это Кэндис! – в ужасе закричала Блейз. – Она выпала!

Она указала на заднюю часть грузовика. – Её выбросило от удара!

Аксель в ужасе посмотрел на неё, и вина ледяной волной окатила его. Адам и Скейт вели огонь, но Кэндис Редд нигде не было видно...

– Мы должны вернуться! – взмолилась Блейз. – Она жива! Я чувствую это... Ей нужна помощь!

Аксель сглотнул, покачав головой.

– Мы не можем! У нас нет времени! Мы должны оставить её...

Он осекся и резко потянул Блейз вниз, пригибая её голову ниже приборной панели.

– Пригнись!

По броне грузовика забарабанили пули – ещё один пулемёт открыл огонь. Аксель услышал визг шин позади них, и шквал огня пронёсся мимо, словно рой разъярённых шершней. Казалось, вся немецкая армия обрушилась на них. Слева взметнулся огромный огненный шар – Адам и Скейт, должно быть, попали в бензовоз. Языки пламени лизали небо, горящее топливо растекалось по бетону.

Блейз выругалась и, не говоря ни слова, бросилась к Адаму и Скейту в кузов грузовика, открыв ответный огонь.

Потеря Кэндис была ударом, но, к сожалению, у них не было выбора. Прожектор по-прежнему держал их на прицеле, и остановка означала верную смерть для всех. Аксель знал, что бросать Кэндис – жестоко, но в этой ситуации безопасность оставшихся пятерых должна была перевесить жизнь одного.

Мерфи был бы в ярости...

– Да пошли вы! – заорал Аксель во всю глотку, выплескивая всю ярость и ненависть, которые он испытывал в этот момент – к Теневому Альянсу и к себе самому, за то, что был вынужден принять это ужасное решение. Он передёрнул затвор гранатомёта, выбросил стреляную гильзу и зарядил новый снаряд. Дальность стрельбы была на пределе. Он прицелился высоко и выстрелил. Кто-то сзади, должно быть, выстрелил одновременно, потому что он увидел, как два взрыва разорвали воздух прямо под источником света. Луч остался включённым, но резко дернулся, устремившись в небо. Операторы, должно быть, выведены из строя.

До ангара оставалось не больше пятидесяти метров. Рядом с ними с рёвом пронёсся джип, в кузове которого солдат с пулемётом М-60 поливал их огнём, словно безумный.

Очередь прошла крышу кабины, едва не задев Акселя. Он выстрелил в ответ, целясь в водителя. Тот рухнул на руль, джип вильнул, выбросив пулемётчика, как тряпичную куклу. Трассирующая пуля, выпущенная им в последний момент, прочертила ночь, направляясь прямо в Акселя.

Тот уклонился. Джип резко рванул вперёд, задев отвал снегоочистителя. Мощный удар перевернул машину, оставив её позади в клубах пыли и снега.

Над головой просвистели пули. Аксель заметил бронемашину, преследовавшую их слева сзади – один из тех скоростных, легкобронированных "танков-убийц" с огромной пушкой. К счастью, снаряды падали позади, вероятно, из-за опасений артиллеристов повредить ангары.

Сзади грохотала пушка Адама, отстреливаясь короткими, прицельными очередями. Эти огромные пули, созданные на основе немецких противотанковых патронов, летели со скоростью почти в тысячу метров в секунду, и их вес и скорость обеспечивали сокрушительную силу.

Пламя и дым от горящего топлива окутали преследователей, на мгновение ослабив их огонь. Тяжёлая пушка и вовсе замолчала – либо наводчики потеряли цель, либо боялись попасть в ангар.

С мрачной решимостью Макс гнал грузовик к огромным главным воротам. Перед ними группа солдат бросилась врассыпную, когда неумолимая машина с грохотом понеслась на них. До ворот оставалось не больше тридцати метров.

– Держитесь! – крикнул Аксель в окно, но его голос потонул в рёве мотора. Они неслись со скоростью под восемьдесят километров в час, а пули, словно гигантский град, пробивали стены ангара. Залп из 30-миллиметровой пушки разворотил перрон прямо перед колёсами, выбивая куски бетона.

В последние секунды перед столкновением Макс опустил лезвие снегоуборщика, готовясь принять удар на себя. Он целился в центр левой створки ворот, в самую широкую часть, где тонкая металлическая обшивка казалась наиболее уязвимой. Ворота надвигались, словно отвесная скала. Он приготовился к столкновению.

Аксель всё ещё беззвучно кричал, когда остриё плуга врезалось в листовой металл, разрывая его, как гигантский консервный нож. С визгом рвущейся стали грузовик прорвался вперёд. Макс и Аксель пригнули головы, когда по капоту с лязгом ударили обрывки металла и брезента, но, как ни странно, лобовое стекло уцелело. Огромная опорная балка ударилась о борт с оглушительным грохотом, от которого у Акселя застучали зубы, когда они ворвались в ярко освещённый ангар в облаке разлетающихся обломков.

Прямо перед ними возвышался "Гаргантюа" – самолёт-монстр. Его хвостовое оперение, размером с обычный авиалайнер, почти касалось крыши ангара.

Опущенный трап открывал вид на трюм, зияющий, как пещера. Внутри, в клубах дыма и грохоте, металась сотня людей – словно муравьи, спасающиеся

от обрушившейся стихии. Это были учёные-ядерщики, застигнутые врасплох во время погрузки тех самых бомб с Лаксином для следующего рейса!

Едва успев осознать начавшуюся снаружи перестрелку, они оказались в эпицентре хаоса.

Грузовик ворвался под левое крыло. Прямо на пути возник передвижной рабочий портал, который тащил за собой электрический тягач. Не церемонясь, снегоочиститель подцепил тягач за задние колёса и перевернул его, словно игрушку. Хрупкая платформа с грохотом обрушилась на край крыла, рассыпавшись, как хворост.

Впереди взревел бортовой двигатель.

Шины взвизгнули на скользком полу, когда Макс, выкручивая руль, отчаянно пытался удержать машину. Грузовик занесло между внутренним и внешним моторными отсеками. Аксель, пролетая под тенью крыла, высунул винтовку из окна и разрядил в него магазин.

Глухой удар "Браунинга" сзади подсказал, что Адам тоже открыл огонь. Аксель представил, как тяжёлые пули рвут обшивку, отрывая куски металла, перебивая гидравлические магистрали и кромсая рулевые поверхности. Внезапный свист и оглушительный взрыв потрясли ангар. На мгновение Акселю показалось, что враг обстреливает их изнутри. Но это Скейт выпустил ракету из РПГ.

Перезарядив винтовку, Аксель, ухмыльнувшись, прошёл пулями окно кабины "Гаргантюа", когда они проносились мимо. Вокруг полетели осколки стекла и металла.

Ещё один свист – Блейз запустила свою ракету. Аксель увидел, как она врезалась в фюзеляж у основания крыла. Вспышка ослепительного красного света, взрыв пламени, взметнувшийся к крыше. Их накрыла волна обжигающего жара.

Самолёт был заправлен под завязку для следующего полёта.

– Мы сделали это! – крикнула Блейз, ликуя в кабине, охваченная боевой яростью.

Она была права. "Гаргантюа" больше не поднимется в воздух. Ангар превратился в хаос. Люди бежали, спасая свои жизни, пытались выбраться до того, как всё взлетит на воздух. Ещё пара минут, и пламя доберётся до боеприпасов на борту...

Макс резко ударил по тормозам. Нос грузовика пошёл в занос, задние колёса оторвались от земли, и их развернуло, как раллийный болид. Хвост врезался в другую платформу, отправив её в полёт к задней стене ангара. На мгновение Акселю показалось, что они последуют за ней. Он увидел, как двое солдат, спасая свои жизни, резко свернули на обочину, оставляя за собой шлейф дыма из-под буксующих колёс. Солдаты исчезли мгновенно, словно их поглотило смертоносное лезвие невидимого плуга.

Тем временем средняя часть "Гаргантюа" превратилась в бушующий ад, из которого поднимались густые, маслянистые клубы дыма. Макс, стиснув зубы, изо всех сил удерживал штурвал, лавируя мимо раздувшегося носа самолёта. Его цель: обогнуть пылающий гигант и вырваться за ворота ангара, прежде чем всё это рухнет.

Люк на лётной палубе распахнулся, и три фигуры, отчаянно цепляясь за ступени, спускались по трапу – лётный экипаж, собственной персоной, пытались бежать из кабины. "Бедняги," – промелькнуло в голове у Макса. Шансов у них не было, но, по крайней мере, они получали по заслугам. Сброс ядерных бомб на Соединённые Штаты Америки – преступление, которое не должно остаться безнаказанным. Макс лишь надеялся, что бомбы с Лаксином не детонируют здесь случайно...

Он выпрыгнул из кабины, переключил передачу и вдавил педаль газа в пол, стремясь обогнуть нос самолёта и промчаться вдоль правого крыла к ангарным воротам, до которых оставалось около сотни метров. Глухой удар ещё одного взрыва возвестил о том, что загорелся второй топливный бак, и законцовка крыла перед ними вспыхнула адским пламенем. Грузовик взревел, набирая скорость. Удушливые клубы дыма поползли по ангару, заполняя кабину. Всё погрузилось во тьму, и внезапно стало невыносимо жарко.

Из крошечной тьмы вырвались огненные струи – топливопроводы не выдержали жара и лопнули. Теперь они мчались под правым крылом, и Макс отчаянно крутил руль, уклоняясь от горящих двигателей.

Брызги жидкого топлива окатили ветровое стекло. Сквозь дым пробивался огненный дождь из горящих капель. В любой момент крыло могло развалиться, и они утонули бы в море горящего топлива.

Они набирали скорость. Рёв пламени тонул в зверином рыке двигателя. Впереди, справа, показался трап. Двести человек, бросая снаряжение, отчаянно пытались спастись от огня, с трудом спускаясь по нему.

Аксель заметил, как один из них, самый отчаянный, вскинул винтовку, когда грузовик проносился мимо. Но выстрелы утонули в какофонии взрывов и криков.

Из дверей ангара по ним вели огонь. Пули с визгом отскакивали от брони грузовика.

Внезапно, со стороны Акселя, к двери подскочил разъярённый солдат и высунул в окно автомат. Дуло ткнулось Акселю в лицо, отбросив его назад. "Всё кончено," – промелькнуло в голове.

Оглушительный взрыв разорвал тишину. Блейз, инстинктивно, двумя руками вскинула свой верный "сорок пятый" и в упор разрядила его в лицо солдату. Голова врага разлетелась кровавым фонтаном, и тело вывалилось из грузовика. Ещё секунда, и автомат размозжил бы Акселю череп.

Макс, выжимая из машины все соки, гнал её вперёд. Сквозь дым проступила разбитая дверь ангара, нелепо свисающая на одной петле. "Господи, – подумал Аксель. – Как мы вообще проскочим, не обрушив на себя эту многотонную махину?"

Вцепившись в руль, Макс направил неповоротливый грузовик к пролому. Убегающие солдаты врассыпную бросались в стороны, уступая дорогу стальному монстру. Мимо них, с воем сирены, пронёсся электрический грузовик, управляемый обезумевшим водителем, сбивая людей с ног и не останавливаясь.

Приблизившись к двери, Аксель увидел огромную балку, преграждающую путь. Страшный взрыв сотряс здание, и с крыши посыпались обломки. Путь завалило искорёженным металлом. Не сбавляя скорости, Макс нырнул под гигантский хвост самолёта. Вражеский солдат, рискуя быть раздавленным, бросился им наперерез, отчаянно пытаясь добраться до дверей ангара и спастись. Аксель вцепился в приборную панель, когда передние колёса запрыгали по обломкам, и грузовик опасно накренился.

Макс, перекрикивая грохот, заорал: — Бесполезно, Аксель! Дверь заблокирована!

Блейз, с расширившимися от ужаса глазами, закричала: — Надо выбираться из грузовика!

— Ни за что! — отрезал Аксель. — У солдат снаружи автоматы, они нас перестреляют, как только мы высунемся. Макс, попробуй зайти сзади! Должен быть другой выход!

Не успел он договорить, как сзади раздался оглушительный грохот, перешедший в сокрушительный удар. В пятидесяти метрах впереди перрон раскололся под рухнувшим дверным проемом. Обломки бетона взметнулись в воздух, осыпая ангар.

Бронированный автомобиль, оказавшись в зоне прямой видимости, открыл огонь, не обращая внимания на разбегающихся солдат.

Макс резко вывернул руль вправо и, лавируя в дыму, проскочил под хвостовой частью горящего "Гаргантюа", стремясь к задней части ангара. Лица, мелькавшие в полумраке, оставались без внимания. Второй взрыв сотряс воздух, и ещё один снаряд, с визгом пролетев мимо, врезался в стену ангара.

Вражеские артиллеристы, должно быть, были в ярости от разрушений, которые сеял "Огненный шторм". Они явно были полны решимости остановить их любой ценой.

Очередной оглушительный взрыв. Огромный снаряд пробил стену в нескольких дюймах от грузовика, пролетел мимо хвостовой части самолета и, вылетев через дальнюю стену, взорвался снаружи. В тот же миг сзади обрушился шквал автоматного огня. Пули со свистом проносились над головами.

Ещё один снаряд пробил стену ангара и вонзился в фюзеляж "Гаргантюа", вызвав взрыв, превративший его в огненный шар горящего топлива. Бронированный автомобиль снаружи теперь бил полнокалиберными снарядами прямо по ангару, не заботясь о последствиях.

Противотанковая ракета со свистом влетела в приоткрытую дверь и сдетонировала на балке, а разъяренные солдаты, ворвавшись внутрь, явно намеревались сжечь незваных гостей заживо.

19

Самолёт уже полыхал. Они обогнули его, срезали хвостовую часть и снова рванули вдоль левого борта, лавируя между языками пламени, вырывающимися из-под крыла.

Внезапно над головами просвистела граната из РПГ, выпущенная снаружи, и взорвалась с оглушительным грохотом, обрушив на них дождь раскалённых стальных осколков.

В дверной проём ворвалась автоматная очередь, прошила стены здания. За ней последовал более глубокий, утробный удар... удар 30-миллиметровой пушки.

Бронебойный снаряд, выпущенный из неё, с визгом пронзил сталь снегоочистителя прямо перед Акселем. Тележка со смазочным материалом, в которую попал снаряд с зажигательной смесью, взорвалась, разлетевшись на куски, и пол залило потоками горящего масла.

Позади Акселя раздался чудовищный грохот, кабина подпрыгнула от прямого попадания, и лобовое стекло разлетелось вдребезги. Обернувшись, он увидел зияющую дыру в переборке.

Пушечный снаряд пробил толстую стальную обшивку самосвала и вошёл в кабину, прошив спинку сиденья, где только что сидела Блейз, и выбив стекло. Лишь благодаря тому, что он успел толкнуть её вниз, в пространство для ног, она избежала неминуемой смерти.

Ещё один оглушительный взрыв сотряс ангар, и пламя взметнулось к крыше, облизывая металлические конструкции.

Аксель не мог понять, был ли это ещё один снаряд из 105-миллиметрового орудия, или взорвались топливные баки "Гаргантюа". Из люка на лётной палубе вырвался столб режущего пламени, и оттуда выскочила фигура, объятая огнём, словно живой факел. По крайней мере, это была быстрая смерть.

Где-то позади, сквозь грохот, продолжал строчить "Браунинг" Адама. Сверху раздался треск, и вниз посыпались огромные куски обломков. Крыша, не выдержав бешеного огня или адской жары, обрушилась, заперев их в огненной ловушке.

В ухо Акселя ворвался крик. Скейт просунул лицо в дыру, пробитую в задней части кабины. — Адама зацепило, но, думаю, он в порядке!

— Спереди не пройти! — заорал Аксель в ответ. — Эта чёртова дверь заблокирована, а бронемашина разорвет нас на куски, как только мы покажемся! Единственный шанс — сзади!

Дым стоял такой плотный, что каждый вдох давался с трудом. Аксель подумал о том, чтобы скомандовать отступление, но шансы найти запасной выход в этом лабиринте ангара казались призрачными.

Впрочем, этот же дым, словно саван, укрывал их от прицельного огня войск Теневого Альянса.

И главное – они уничтожили "Гаргантюа", возможно, сорвав планы Дредноута по развязыванию ядерной войны. Больше невинных жизней не будет загублено.

Когда они вернутся в штаб-квартиру "Огненного шторма", их имена высекут на камне, а новобранцы будут слагать легенды об их героизме, о том, как они противостояли двум батальонам солдат Теневого Альянса. Они спасли мир, отдав за это свои жизни.

"Но, чёрт возьми", подумал Аксель, "это ещё не конец". Он прокричал Макс: – Пробейся сквозь этот ад! Сделай нам выход!

Макс мрачно кивнул. Это был их единственный шанс. Он взревел двигателем и резко вывернул руль. На мгновение Акселю показалось, что Макс не понял приказа. Но затем он увидел, что Макс объезжает их, набирая скорость для рывка.

Грузовик накренился, его массивные колеса с хрустом перемалывали обломки и искореженное оборудование. Макс прищурился, пытаясь сквозь пелену дыма разглядеть хоть что-то перед капотом.

Самолёт превратился в бушующий костёр, языки пламени лизали крышу ангара. Рёв огня заглушал даже свист пуль. От нестерпимого жара краска на кузове грузовика вздувалась пузырями. Блейз задыхалась от дыма где-то у ног Акселя. Он наклонился, чтобы поддержать её, и они вслепую неслись вперёд.

Внезапно прямо перед ними возник горящий остов джипа. – Чёрт! – взревел Макс и, не сбавляя скорости, резко крутанул руль. Грузовик опасно накренился, готовый перевернуться. Но Макс каким-то чудом удержал его, и они выпрямились, продолжая безумный рывок.

Дым был настолько густым, что они едва различали друг друга. Если они врежутся в торцевую стену ангара, у них ещё будет шанс. Но если они столкнутся с одной из несущих балок, то, скорее всего, отскочат, и удар выбросит их наружу, прямо в лапы врага.

Аксель смутно чувствовал, как рушится мир вокруг. Капли горящего топлива обжигали кожу, и казалось, они продираются сквозь тьму, пронизанную извивающимися языками пламени. Он ощущал, как тлеют волосы, а кожа на руках покрывается волдырями и сморщивается. Дым и жар обжигали рот и горло. Крик Макса пронзил воздух, когда из разбитого бокового окна вырвался огненный хлыст, опалив его лицо.

Грузовик, ревя двигателем, налетел на что-то невидимое в дыму и покатило дальше.

Впереди замаячил огонь – тёмно-синие языки пламени пожирали дым. Аксель не заметил приближения стены. Секунду назад было лишь пляшущее пламя, а в следующее мгновение раздался оглушительный треск. Его отбросило на спинку сиденья, и голова с силой ударилась о переборку. Что-то огромное и чёрное врезалось в кабину, и грузовик подпрыгнул в воздух, чтобы с грохотом обрушиться обратно, швырнув Акселя сначала на крышу, а затем на приборную панель. Дверь рядом с ним распахнулась, и он почувствовал, как беспомощно сползает с сиденья. Он отчаянно схватился за приборную панель, чтобы остановить падение, но дверь с невероятной силой захлопнулась, отбросив его через всю кабину на колени Макса.

Он ощутил дуновение прохладного воздуха и с благодарностью вдохнул его измученным горлом и лёгкими. Грузовик продолжал двигаться вперёд, сопровождаемый скрежетом рвущегося металла. Дым на мгновение рассеялся, и Аксель увидел за окном заснеженную землю. Кабины больше не было, а остальная часть кузова протискивалась в образовавшуюся щель. Невероятно, но они с трудом выбрались из ангара.

В последний раз грузовик накренился, и колёса закричали по снежному ковру. Они вырвались из ангара и пересекли парковку позади. Было темно, но горящее здание освещало место происшествия зловещим светом. Ангар был объят пламенем. Часть крыши обрушилась, и огонь вырывался наружу. Густой дым стелился по лётному полю, но стрельба на перроне продолжалась, и небо прочерчивали трассирующие пули. Аксель посмотрел направо и увидел, что второй ангар тоже горит. Вероятно, его подожгло случайным снарядом.

Грузовик взревел, вырываясь из ангара и сминая траву под колесами. Макс, словно загипнотизированный, вцепился в руль. Единственная работающая фара выхватывала из темноты клочок нетронутого снега, окрашивая его в тревожный жёлтый цвет.

– Выключи! Выключи свет! – прорычал Аксель. Его голос, хриплый и приглушённый гулом ангара, едва доносился до Макса.

Собравшись с силами, Макс погасил фару. Грузовик погрузился в крошечную тьму, продолжая свой безумный рывок.

Дым и хаос, казалось, на время скрыли их бегство.

– В научный сектор! – крикнул Аксель, перекрывая рёв мотора. – Если доберёмся туда, может, появится шанс выследить этого Дредноута!

Блейз, закашлявшись, поднялась с пола кабины. Растерянно оглядела разбитую приборную панель и заснеженное лётное поле, освещенное зловещим заревом пожаров. Пока они неслись сквозь тьму, выстрелов больше не было слышно.

– Я вернусь, проверю остальных, – сказал Аксель, ободряюще сжав плечо Блейз. Ему нужно было узнать, насколько серьезно ранен Адам. Он распахнул боковую дверь и, цепляясь за кабину, перебрался в кузов. В мерцающем красном свете пожаров он увидел, что борта грузовика изрешечены пулями, но толстая сталь выдержала натиск.

– Самый смачный удар – тридцатимиллиметровый сзади, – прохрипел Скейт, вытирая кровь с лица. – Эта тварь пробила заднюю стенку и взорвалась. Нас засыпало осколками. А потом, у второго ангара, автоматная очередь срикошетила от борта, и Адаму досталось в плечо.

Аксель опустился на колени в трясущемся кузове, склонившись над Адамом. Тот лежал неподвижно на спине, плечо туго перевязано окровавленной тканью.

– Как ты? – тихо спросил Аксель.

– Ничего, Акс, – прошептал Адам, стараясь не показывать боли. – Приходит и уходит... Это всего лишь царапина, правда. Я в порядке.

Аксель с облегчением кивнул и поднялся. Повернувшись к Скейту, он сказал: – Присмотри за ним. Я должен сказать остальным, что происходит.

Скейт кивнул в ответ, в его глазах читалась мрачная решимость.

Вернувшись в кабину, Аксель услышал вопрос Макса: – Куда рулить? – Он уже переключил передачу на пониженную.

Грузовик, буксуя и скользя, с трудом выбрался на заснеженную взлётно-посадочную полосу. Глубокий снег скрывал асфальт, и без фар ориентироваться было почти невозможно.

Блейз вылезла из-под сиденья, и они вдвоём выглянули в ночь. – Держись правее! – крикнула она. – Научная лаборатория где-то здесь... Я чувствую. Как-то чувствую. – Очевидно, её способности homo superior снова работали. Аксель ощутил нелепую гордость за неё.

Из-под колёс брызнули мелкие камни, когда Макс резко вывернул руль вправо, наугад направляя грузовик в непроглядную тьму.

– Аксель, я должен включить фары! – взмолился Макс. – Я ничего не вижу!

Аксель оглянулся. Горизонт полыхал пляшущими языками пламени – погоня осталась позади. Но они знали, что враг скоро поймёт их манёвр и вернется. Им жизненно необходимо было получить преимущество. – Ладно, включай, но не останавливайся!

Щелчок выключателя – и единственный налобный фонарь выхватил из темноты хоровод кружащихся снежинок.

Снег валил стеной. Аксель подумал, что даже с фарами их будет трудно заметить издалека. Макс прибавил газу, и грузовик начал медленно набирать скорость.

– Сколько ещё до лаборатории? – прокричал Аксель Блейз на ухо.

Она напрягла свою ауру. – Совсем немного, Аксель. Думаю, пара сотен метров, не больше.

Он сжал её руку. На её волосах и лице таял снег, но она выглядела прекрасной.

— Как у нас с топливом? — окликнул он Макса.

— В порядке! — донеслось в ответ. — Я специально выбрал эту машину — бак был полный. Больше беспокоюсь о шинах. Кажется, одно из задних колёс повреждено. Но ничего, прорвёмся!

Через несколько минут впереди, в кромешной тьме, показались два зловещих красных огонька.

— Вот оно! — воскликнула Блейз. — Мы на месте!

Аксель кивнул, и облегчение вырвалось из его груди вместе с выдохом. Макс заглушил мотор, и фары машины погасли, отбрасывая их в темноту. Трое мужчин выскочили из кабины, их одежда мгновенно покрылась свежим снегом. Взволнованные предстоящим, они словно не чувствовали пронизывающего холода.

Аксель обошёл машину, наблюдая, как Адам и Скейт спрыгивают на землю.

— Оружие полегче, — скомандовал он, его голос звучал глухо в морозном воздухе.

— А как насчёт "Браунинга"? — спросил Адам.

Аксель покачал головой.

— Нет. Берите дробовики. "Браунинг", конечно, мощь, но он слишком громоздкий. Теперь нам нужна мобильность.

— Принято, — коротко ответил Адам.

Времени на долгие обсуждения не было. Уничтожение "Гаргантюа" не устранило угрозу, исходящую от Дредноута.

Пробираясь сквозь густой снегопад, Аксель обнаружил, что вход в научный сектор представляет собой лифт, уходящий глубоко под землю. Он нажал кнопку вызова, и старая кабина со скрипом распахнула свои двери.

— Вниз, — скомандовал он, его взгляд был полон решимости.

Им нужно остановить Дредноута. Любой ценой.

Лифт, с лязгом и скрежетом, резко остановился. Двери с жужжанием разъехались, открывая мрачный вид на помещение, напоминающее военный бункер. Утилитарный рай, где всё подчинено строгой функциональности. Трубы и кабели змеились под потолком и уходили под ноги.

Аксель, с двуствольным "Ремингтоном" двенадцатого калибра в руках, первым шагнул в темноту. За ним, стараясь не отставать, следовали Блейз, Скейт и Адам. Макс замыкал колонну.

— Тихо, ребята, — прошептал Аксель, понизив голос. — Никто не должен знать, что мы здесь.

Блейз сглотнула, вытирая испарину со лба. Её аура, словно предчувствуя опасность, начала слабо мерцать. Она сделала глубокий вдох, пытаясь сосредоточиться на цели и подавить нарастающее беспокойство. Ей оставалось только надеяться, что её дар не сыграет с ними злую шутку, как это уже случалось в прошлом.

Они двинулись по длинному, гулкому коридору. Единственным звуком было монотонное жужжание механизмов, эхом отражающееся от металлических стен.

Пройдя несколько сотен футов, они достигли развилки. Коридор раздваивался, уходя вглубь бункера. Блейз остановилась, подняв руку.

— Тсс! — прошептала она. — Вы слышите?

Все замерли, прислушиваясь. Из глубины одного из коридоров доносился странный, жалобный звук, похожий на мяуканье. От этого звука у Блейз по спине пробежал холодок. Что-то в нём было неестественным, пугающим.

Аксель стиснул зубы и жестом приказал двигаться дальше. Он осторожно пошёл вперёд, проклиная тусклое освещение. Редкие лампочки, расположенные на расстоянии восьми метров друг от друга, едва рассеивали мрак. Металлические стены, казалось, поглощали остатки света.

Впереди, на полу, появилось тусклое, расплывчатое пятно.

Блейз колебалась, но продолжила идти. Они приблизились к серому пятну и увидели, что это человеческая фигура — мужчина в лабораторном халате, лежащий лицом вниз. Аксель перевернул его ногой, наклонился, пытаясь разглядеть лицо в тусклом свете. Незнакомец. Мёртвые глаза смотрели в пустоту. Аксель опустился на колени и коснулся пятна крови на груди мужчины. Холодное, как лёд.

Аксель оглядел тело, задаваясь вопросом: "Как он здесь умер? Кто его убил?" В воздухе стоял тошнотворный запах смерти. Перешагнув через труп, он выглянул из-за угла.

Непрерывное жужжание резало слух, а тусклый свет мерцал, словно в предсмертной агонии.

— Здесь что-то нечисто, — пробормотал Скейт, чувствуя, как по спине пробегают мурашки.

В нескольких шагах от них, на полу, виднелось ещё одно серое пятно. Источник жуткого звука. Искажённая фигура медленно ползла к ним, задыхаясь и издавая невнятные стоны. Лицо, мертвенно-бледное, было испачкано кровью, размазанной по губам.

— Что за чертовщина? — выдохнула Блейз.

Аксель не колебался. Выстрел из дробовика разорвал существо на куски, обдав всё вокруг алыми брызгами. Сдавленный стон, и уродец рухнул на пол, бездыханный.

— Один из генетических экспериментов Дредноута? — предположил Адам, нахмутив брови.

Аксель глубоко вздохнул и кивнул. — Вполне возможно. — Он нахмурился, чувствуя, как нарастает тревога. Какое-то шестое чувство подсказывало ему, что впереди ждет нечто большее. — Нам нужно двигаться дальше.

Вскоре они оказались в огромном помещении, построенном из стали и железобетона. Грязновато-оранжевые стены были испещрены металлическими воздуховодами и подвесными трубами. На одной из стен, огромными черными буквами, было начертано "B1". Они полностью потеряли ориентацию, не понимая, где находятся по отношению к ангарам и взлётно-посадочной полосе наверху. И вдруг, прямо перед ними, из темноты возник логотип, от которого по телу Блейза прокатилась волна ужаса:

КОРПОРАЦИЯ ROBOCY
ЭНЕРГИЯ • ОБОРОНА • ВОЗДУШНОЕ ПРОСТРАНСТВО • БИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
— Ведём вас к лучшему будущему —

Скейт запнулся, прочитав вслух название с явной растерянностью:

— RoboCy?

Блейз кивнула, словно это название ей о чём-то говорило.

— А я думала, это место заброшено ещё со времён Второй мировой...

— Похоже, я выдавал желаемое за действительное, — мрачно пробормотал Аксель. Он не понимал, что здесь происходит, но предчувствие было не из приятных.

В углу комнаты возвышалась массивная металлическая дверь, запертая наглухо. Рядом с ней висела табличка, предупреждающая, что открыть её можно только в случае чрезвычайной ситуации первого уровня. Аксель предположил, что "B1" на стене означает "Подвал, первый уровень", и его догадка подтвердилась, когда он заметил узкую бетонную шахту с лестницей, ведущей вниз. Там, где был "B1", логично было предположить наличие и "B2".

Рядом с лестницей висела табличка с информацией о назначении каждого уровня:

ПЕРВЫЙ ЦОКОЛЬНЫЙ ЭТАЖ (B1):

Административный уровень. Только для служебного пользования. Доступ может быть разрешён в случае чрезвычайной ситуации.
Наземный лифт. Лифт останавливается во время чрезвычайных ситуаций.

ВТОРОЙ ЦОКОЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ (В2):

Исследовательский уровень и архивы. Доступ разрешен только сотрудникам специального исследовательского отдела. Любой другой доступ на исследовательский уровень должен быть предварительно согласован с полковником Дредноутом.

ТРЕТИЙ ЦОКОЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ (В3):

Тюрьма/санитарная зона. При работе с заключенными обязательно присутствие как минимум одного исследователя-консультанта. Помещение для питания.

ЧЕТВЁРТЫЙ ЦОКОЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ (В4):

Эксперимент «Вегелиц».
Доступ только для персонала высшего уровня.

— Предлагаю спуститься на второй уровень, — предложил Аксель.

Макс коротко кивнул: — Я не против.

Аксель заглянул в шахту лестницы. Внизу зиял лишь тёмный бетонный колодец. Тяжело вздохнув, он перехватил "Ремингтон" поудобнее и начал спуск. Достигнув последней ступени, он с тревогой обернулся. Комната оказалась меньше, чем наверху, но столь же унылой и промышленной: встроенные лампы дневного света, серые металлические двери, голые бетонные стены и пол.

— Чисто, — коротко бросил он, оглядев помещение. Затем наблюдал, как один за другим его товарищи спускаются по лестнице.

Убедившись, что путь безопасен, Аксель ступил на цементную дорожку, ведущую к следующей лестнице. Металлические перила по краям казались зловещими. Прямо на верхней ступени лежал мёртвый ученый. Его тело было настолько иссохшим и сморщенным, что напоминало мумию.

Блейз поёжилась: — У меня мурашки по коже от этого места. Все либо мертвы, либо мутировали.

Адам опустился на колени рядом с трупом и быстро осмотрел его: — Этот парень умер насильственной смертью. Его разорвали на части. Я бы сказал, он мёртв уже год, может, два.

Аксель промолчал. Держа дробовик наготове, он медленно двинулся к лестнице. Слева, там, где заканчивались перила, виднелся коридор. Он быстро заглянул за угол — пусто. Не отрывая взгляда от трупа, он прошел по короткому коридору и остановился у двери слева.

На табличке значилось: «Комната архивных данных». Дверь была не заперта.

— Сюда, — махнул он.

Они вошли. Комната оказалась тихой и серой, с длинным столом для совещаний в центре и проектором слайдов, установленным перед переносным экраном в дальнем конце.

Блейз поспешила к маленькой подставке у правой стены, где стоял телефон. Она понимала, что надежды мало, но всё равно нужно было проверить. Это оказалась система внутренней связи, и, судя по всему, нерабочая. Вздыхнув, она обошла декоративную колонну и подошла к столу, бросив взгляд на пустой проектор. Её взгляд скользнул по комнате в поисках чего-нибудь интересного и остановился на серии книг. На всех был логотип RoboCy. Большинство были слишком толстыми и тяжёлыми, чтобы тратить время на их изучение, но некоторые были украшены нацистской свастикой и, судя по всему, относились к 1930-40-м годам. Блейз нахмурилась, пытаясь продрасться сквозь дебри технических терминов. Названия книг звучали устрашающе: "Фагемиды: векторы альфа-комплементации" и "Библиотеки кДНК и условия электрофореза".

Среди учебников по биохимии и медицинских журналов взгляд Блейз зацепился за пожелтевший журнал 1943 года — "Эксперимент Вегелиц".

Она взяла его в руки, нахмурившись, и углубилась в изучение страниц. Текст, написанный от руки доктором Коширо, к удивлению, был изложен на вполне понятном английском.

— Аксель, взгляни на это, — позвала она.

В служебной комнате персонала на уровне В1, Сильвер Маклеод, ожидая загрузки мэйнфрейма, размышлял, стоит ли запускать лямбда-последовательность.

Как только сработает система защиты от сбоя, все двери соединительных коридоров распахнутся, а двери с электронным приводом откроются сами. Существа, запертые здесь годами... десятилетиями... вырвутся на свободу, голодные...

Голодные, разъярённые и жаждущие мести...

Огненный шторм приближался. Маклеод видел их на камере наблюдения в лифте и не собирался облегчать им задачу. Напротив, они как раз успели к финалу, и он хотел, чтобы они сражались за свою жизнь, пока он будет бежать прочь от объекта, подальше от грандиозного взрыва, который поглотит этот многомиллиардный комплекс.

"Всё сторит дотла, и я освобожусь от этого кошмара. Закончу игру, и я выиграю. Теневой Альянс будет у меня в руках. Дредноут проиграл, раз и навсегда, подлый убийца, извращённый ублюдок..."

Ухмыльнувшись, глядя на маленький компьютер перед собой, он начал набирать коды. Пальцы порхали по клавишам, а зубы стучали от адреналина, хлынувшего в кровь.

"76E, 43L, 17A, время безотказной работы... 35, звуковое предупреждение/отключение питания, 20, персональная авторизация... Маклеод..."

Маклеод не сдержал улыбку, да и не хотел. Палец легко коснулся клавиши "Ввод", и волна триумфа захлестнула его. Одно нажатие – и обратный отсчёт запущен. Ничто не могло его остановить. Через двадцать минут автоматические предупреждения начнут транслироваться по лаборатории, а транспортный лифт будет отключён, отрезая комплекс от внешнего мира. Ещё через пять минут – сам обратный отсчёт. Пять минут до минимально безопасного расстояния на поезде, и ещё пять...

Взрыв. До взрыва оставалось тридцать пять минут. Более чем достаточно, чтобы добраться до туннеля и запустить поезд. Что бы ни случилось, он успеет умчаться под землёй, пронзая изолированные холмы на окраине Дюссельдорфа. Достаточно времени, чтобы доехать до конца пути, выйти на частную территорию, обернуться и увидеть, как Дредноут исчезнет в огненном шаре.

Когда часы покажут ноль, пластиковые предохранители в центральном энергетическом ядре лаборатории сторят. Даже если бы все взрывные устройства, кроме одного, вышли из строя, этого единственного взрыва хватило бы, чтобы активировать дополнительные заряды, встроенные в стены. Система RoboCy была разработана для полного уничтожения.

Лаборатория превратится в адский столп пламени, видимый за много миль. И он будет там, чтобы увидеть это. Чтобы осознать, что сделал всё возможное, чтобы исправить ситуацию.

"Это за твою неудачу, Дредноут."

Это была правда. Дредноут предал их, предал Альянс Теней, позволив Огненному Шторму выследить их. "Гаргантюа" уничтожен, превращён в почерневшую грудку бесполезного металла. Всё, что они планировали годами, рассыпалось в прах за несколько часов, благодаря вмешательству детективного агентства. Двигатель для распыления Лаксина сторел вместе с самолётом, похоронив их мечты о ядерной войне. Провал Дредноута был полным, и теперь он заплатит за это.

Слишком долго Маклеод слепо следовал за этим нацистским вдохновителем. Он был предан своей работе, ему нравилось безоговорочно поддерживать Альянс Теней. Но теперь, когда он положил всему этому конец, он вдруг осознал, что хотел бы, чтобы за последние месяцы между ними было что-то большее, чем просто его преклонение перед нацистским режимом. Невероятные знания, опыт... Это был его последний вклад в общее дело, его последнее проявление любви к тому, что их объединяло.

Да, это было правильно, это было то самое чувство. Маклеод нажал на кнопку, его сердце пело, и он увидел, как на экране монитора зелёным светом загорелся код блокировки.

— С глубоким почтением я ухожу в отставку, — тихо произнёс он и рассмеялся.

21

• Эксперимент «Вегелиц» •

Запись в журнале:
30 июля 1943 года, доктор Юдзо Коширо

«Сегодня начинается эксперимент «Вегелиц», о котором так много говорят. Мой опыт и знания о прогрессирующих изменениях в организме испытуемых заставляют меня опасаться последствий, если всё пойдёт по плану полковника Дредноута.

Я изучил досье Дредноута, составленное лично Гитлером. В нём подробно описан его стремительный взлёт в нацистской партии, достижения в вирусологии и генетическом секвенировании, а также научные амбиции, превратившие его в настоящего социопата.

У меня очень дурное предчувствие насчёт этого эксперимента.»

Запись в журнале:
4 сентября 1943 года, доктор Юдзо Коширо

«Успех компрессора кДНК!

Спустя пять дней устройство для сжатия кДНК продемонстрировало впечатляющие результаты. Последние изменения в матрице расширения стали ключевым фактором этого прорыва. Я чувствую, что моя работа над проектом стала катализатором, ускорившим прогресс.

Я также тщательно слежу за работой всех сотрудников, проверяя их данные на предмет ошибок. Это станет огромным достижением для Германии и фюрера в этой войне, и, честно говоря, без моего вклада и упорного труда я не уверен, что мы смогли бы добиться таких результатов. Видение полковника Дредноута о проведении эксперимента «Вегелиц» приближается к реальности.»

Запись в журнале:
7 сентября 1943 года, доктор Юдзо Коширо

«Растущее число сообщений от психологов.

Я только что закончил еженедельное совещание с другими исследователями. Главной темой обсуждения стало резкое увеличение психологических проблем

у испытуемых. Сообщения указывают на то, что у 70% военнопленных, участвующих в экспериментах, наблюдаются симптомы, напоминающие шизофрению.

Я планирую обратиться к полковнику Дредноуту в Берлине с просьбой о выделении двух дополнительных психиатров. Наши нынешние специалисты перегружены работой, и их сеансы с пациентами начинают сказываться на них самих. Похоже, генетические изменения в ДНК испытуемых оказывают серьёзное воздействие на их мозг. Подобные исследования никогда ранее не проводились, поэтому точная диагностика проблемы крайне затруднительна.»

Дополнительно: нападение пациента.

«15:37. В клинику поступил пациент, Джон Саузер, с жалобами на бессонницу и тошноту. Медсестра отметила, что при поступлении мистер Саузер был спокоен и не проявлял признаков возбуждения. Его поместили в смотровую комнату №5. Ранее, аналогичные программы секвенирования генов не вызывали серьёзных психологических отклонений у других испытуемых. Однако, когда я осмотрел его в начале четвёртого часа, его состояние резко изменилось.

Войдя в комнату, я подвергся нападению. Мистер Саузер бросился на меня со скальпелем, который, по всей видимости, похитил из ящика с инструментами. С помощью санитаря нам удалось его усмирить и ввести успокоительное, избежав нанесения серьёзных травм. Мистер Саузер находился под действием препарата, но за те двадцать минут, что он оставался без присмотра, он успел вырезать слово "Замза" на руке и разрезать язык надвое. Теперь за ним требуется постоянное наблюдение.»

Запись в журнале:

14 сентября 1943 года, доктор Юдзо Коширо

«Сегодня прибыла новая группа военнопленных из Освенцима. Полковник Дредноут лично отобрал одного из них, Гюнтера Плаута, родившегося в Иерусалиме в 1879 году, для финального этапа секвенирования генов и превращения в так называемый организм "Вегелиц". Плаут, ростом 6 футов 4 дюйма, отличался крепким телосложением. Секвенирование генов началось в 15:00...»

Записи в журнале стали неразборчивыми. Блейз перевернула страницу и с трудом разобрала последние записи, нацарапанные небрежным почерком. Лишь одна фраза была отчетливо видна:

Запись в журнале:

2 октября 1943 года, доктор Юдзо Коширо

«Что мы натворили? Организм "Вегелиц" вышел из-под контроля. Мы едва можем его сдерживать...»

Остальные страницы книги были чистыми. Блейз отложила её, чувствуя, как её аура беспокойно мерцает. Несколько кусочков головоломки, наконец, встали на свои места, но вопросов оставалось непозволительно много.

Как Robosu умудрился стать частью этого процесса? И что, чёрт возьми, здесь вообще произошло?

Аксель, читавший через плечо Блейз, задумчиво кивнул.

— Интересно, — пробормотал он, словно пробуя слово на вкус. — Очень интересно.

Внезапно раздался скрежет, словно что-то тяжёлое скользило по стене, и дверь в комнату с рыком распахнулась. Скейт от неожиданности отшатнулся, когда внутрь ворвался Сильвер Маклеод, его лицо исказилось отчаянием, а в руке он яростно размахивал пистолетом.

Блейз мгновенно напряглась.

— Вот дерьмо, — прошептала она.

— Замрите! — прошипел Маклеод, держа оружие на уровне их голов.

Аксель проклинал себя за потерю бдительности.

— Сильвер Маклеод! — произнёс он, в его голосе сквозила усталая ирония. — Какая неожиданная встреча.

— Приятный сюрприз, не правда ли? — усмехнулся Маклеод, направляя дуло пистолета прямо в лоб Акселю. — Я рад, что вы здесь. В прошлый раз я предупредил вас, что если вы снова сунете свой нос в дела Теневого Альянса, я не буду столь снисходителен. На этот раз вы заплатите жизнью.

Глаза Акселя сузились.

— Если бы ты хотел нас убить, ты бы уже нажал на курок.

Маклеод ухмыльнулся и слегка отступил, не опуская пистолет.

— Вы чертовски проникательны, мистер Стоун, — промурлыкал он. Затем его лицо мгновенно стало ледяным. — Но у меня на вас другие планы.

— О? — Блейз приподняла бровь, демонстрируя показной интерес. — И какие же?

Маклеод игнорировал её, не отрывая взгляда от Акселя.

— Это было бы слишком... преждевременно.

Макс сделал шаг вперёд, намереваясь вырвать пистолет из рук Маклеода, но тот молниеносно перенаправил дуло, приставив его к груди Макса.

– Не смейте со мной связываться! – прорычал Маклеод. – Клянусь, если хоть один из вас совершит глупость, кто-то умрёт.

– Где Дредноут? – резко спросил Макс. Маклеод облизнул пересохшие губы.

– Вы найдёте Дредноута на уровне В4, вместе с его... домашним питомцем, Вегелицем. Они, знаете ли, отличная парочка. Реликвии войны, если хотите. Он вас ждёт. С тех пор, как вы уничтожили Гаргантюа, Дредноут жаждет сразиться с вами на своей территории. Уверен, это будет его последний бой.

– Ты говоришь так, будто вы с ним по разные стороны баррикад, – заметил Скейт.

– Я передумал в последний момент, – ответил Маклеод. – Пусть Дредноут идёт ко дну со своим драгоценным Гаргантюа и его безумными экспериментами. Мне плевать. Он меня подвёл. Я ухожу отсюда. Меня не учили работать в компании идиотов.

Блейз почувствовала, как её аура забурлила, предвещая опасность. Она приближалась к той самой грани, когда её жизнь оказывалась под угрозой. Чтобы выиграть время, она спросила:

– Что здесь вообще произошло, Маклеод? Я всегда думала, что корпорация "RoboCy" занимается роботами.

Маклеод нахмурился.

– RoboCy была подставной компанией Синдиката, занимавшейся всеми видами научных исследований... робототехникой, генетикой... Я бы подумал, что кто-то, настолько тесно связанный с Синдикатом, как ты, должен был это знать. В любом случае, RoboCy завладели этим объектом пять лет назад, вскоре после того, как доктор Дам воскресил... его. Мой хозяин, Леон Шива, хотел провести эксперимент с "Вегелицем" времён войны для Синдиката, поэтому в 2015 году это место было отреставрировано и оснащено робототехникой. К сожалению, учёные-робототехники столкнулись с теми же проблемами, что и нацистские учёные, работавшие здесь во время войны, и некоторые генетические уроды, на которых проводились испытания, сбежали. Большинство работников робототехники были убиты.

Аксель кивнул.

– Это объясняет трупы, которые мы видели, и то мутировавшее существо...

– Действительно. Увы, у меня больше нет времени с вами болтать, – сказал Маклеод. – Я собираюсь...

В этот момент аура Блейз достигла пика. Она резко выбросила руку вперёд, посылая волну невидимой энергии в сторону Маклеода. Удар выбил пистолет из его руки и отбросил его через всю комнату. Маклеод в недоумении

установился на свою пустую ладонь, прежде чем Макс набросился на него, сбив с ног.

— Пошли вы все! — Маклеод издал яростный крик и, извернувшись из-под Макса, нанёс мощный апперкот в челюсть более крупному противнику. Удар отбросил Макса назад, и Маклеод, почти не получив повреждений, вскочил на ноги.

Не успел он оценить ситуацию, как Аксель ринулся в атаку, сжимая кулак для сокрушительного апперкота. Удар пришелся Маклеоду прямо в грудь.

— Отличный удар! — прорычал Маклеод, споткнулся, но успел схватить Акселя за бедра и с силой, достойной трёх или четырёх обычных мужчин, швырнуть его через стол. Аксель с грохотом рухнул на пол, разбросав книги и бумаги.

Скейт тут же набросился на Маклеода, обрушив на него град ударов руками и ногами, целясь в живот и выбивая дух. Макс, подскочив сзади, обхватил Маклеода под мышки и поднял в воздух, чтобы обрушить его на своём колене в мощном приёме, напоминающем "Атомное падение".

Сильвер Маклеод взвыл от боли — под весом Макса хрустнули рёбра.

— Сдаёшься? — прорычал Макс.

— Никогда! — выплюнул Маклеод.

Когда Макс отпустил его, Маклеод с трудом поднялся на ноги и увидел, что остальные бойцы "Огненного шторма" пришли в себя, выхватили оружие из кобур и направили на него.

— Тебе некуда бежать, — произнес Аксель, внезапно почувствовав себя уверенно, сжимая в руках двуствольный дробовик. — Сдавайся сейчас же, или мы будем вынуждены тебя убить.

Сильвер Маклеод не мог поверить в происходящее. Ещё мгновение назад он контролировал ситуацию — или, по крайней мере, ему так казалось. Очевидно, "Огненный шторм" оказался гораздо сильнее, чем он предполагал. Теперь ему стало понятно, как им удалось уничтожить "Гаргантюа".

Но он не собирался сдаваться без боя. Слова "сдаться" не было в его лексиконе. Если Шива и научил его чему-то, так это тому, что нельзя сдаваться, пока есть хоть малейший шанс.

Он бросился в атаку, хотя в глубине души понимал, что шансов у него нет. Он должен был умереть... и забрать с собой всех.

И тут в маленькой комнате стало очень громко.

Аксель повёл группу вниз, на уровень В4. Миновав атриум с лифтами, они оказались перед массивным гидравлическим входом, над которым лаконично значилось: «ВЕГЕЛИЦ».

Найдя выключатель, Аксель активировал механизм. Гидравлическая дверь, украшенная символом биологической опасности, медленно отъехала в сторону, открывая проход. Команда вошла внутрь.

Взору открылось огромное помещение с высокими потолками. Пульты мониторинга, змеящиеся по полу кабели, соединяющие их с рядами стеклянных резервуаров, создавали впечатление сложной лаборатории. В центре комнаты возвышались восемь ёмкостей, достаточно больших, чтобы вместить взрослого человека. Все они были пусты.

Блейз с трудом стлотнула. Они дважды обошли помещение, внимательно осматривая каждый угол и прислушиваясь к каждому звуку, но не увидели и не услышали ничего, кроме монотонного гула работающего оборудования.

— Где же оно? — прошептала она.

— Это, должно быть, какая-то ловушка, — предположил Скейт.

Внезапно из теней под потолком раздался жуткий вой. Аксель мгновенно вскинул дробовик, но то, что он увидел, заставило его замереть. В тот момент, когда образ существа окончательно сформировался в его сознании, вся сосредоточенность испарилась, сменившись благоговейным ужасом, пронизывающим до костей.

Существо продолжало вопить, запрокинув голову. Этот звериный, булькающий крик звучал как голос ада, вырвавшийся из движущейся тьмы. Когда-то это был человек — обрывки одежды всё ещё свисали с его деформированного тела, но всё человеческое в нём было искажено, продолжало меняться, пока оно яростно ревело в гулком зале. Аксель и остальные могли только беспомощно наблюдать.

— Господи Иисусе, — прошептал Адам, потрясённый увиденным.

Тело существа было чёрным и блестело, словно мокрое масло. Странные мышцы вздувались и перекатывались под кожей, а обнажённая грудь тяжело вздымалась от непрекращающегося крика. Правая рука была на шесть дюймов длиннее левой, а из пульсирующей кисти торчало огромное щупальце, напоминающее осьминожье. Инопланетные глазные яблоки влажно дёргались из стороны в сторону, словно что-то выскивая. Крик мутировал, став глухим и утробным. Косматая морда склонилась, словно плавясь, и стекла горячим воском на грудь. Это напоминало жуткий киноэффект: голова существа перетекала в верхнюю часть туловища, растворяясь в воспалённой, лоснящейся коже.

Одновременно с этим, из затылка, с ужасным хрустом, словно ломались кости, формировалось новое лицо. Прищуренные веки распахнулись, обнажив вместо рта костлявую, зияющую дыру, из которой вырвался яростный крик, звучащий уже другим голосом.

Аксель, отрицая само нечестивое существование монстра, нажал на спусковой крючок.

Бум!

Пуля попала в грудь твари, обдав всё вокруг фонтаном густой, тёмно-зелёной крови, заглушив крик. Но это было всё, чего удалось добиться.

Существо росло с невероятной скоростью, раздуваясь, словно адский воздушный шар. Оно увеличивалось на глазах, пока не достигло размеров автобуса, и продолжало расти...

— Чёрт, чёрт, чёрт! — завопил Скейт, открывая огонь из своего Desert Eagle.

Все шесть пуль попали в цель, но, казалось, не причинили никакого вреда, мгновенно поглощённые странной клеточной массой, опутанной щупальцами, которая продолжала увеличиваться в размерах.

Казалось, странная метаморфоза, свидетелями которой они стали, подошла к концу.

Теперь существо было огромным, по-настоящему огромным, почти полностью заполняя комнату, размером с дом. Внезапно одно из его щупалец, холодное, мокрое и отвратительно скользкое, метнулось вперед и обвилось вокруг талии Адама, сбивая его с ног и поднимая в воздух.

— Адам! — закричала Блейз.

Скейт вскинул пистолет, целясь, но Аксель покачал головой и жестом приказал ему отступить.

— Не стреляй! Ты попадешь в Адама!

Адам извивался в хватке твари, но она была слишком сильна.

Бац!

Внезапно его подбросило к потолку. Адам успел раздраженно подумать, не приняла ли тварь его за теннисный мяч, затем последовал болезненный удар, а после — ещё более сильный удар об пол. Он моргнул, пытаясь прийти в себя, и попытался перекатиться к остальным, подальше от опасности, но безуспешно. Одно из огромных щупалец чудовища опустилось вниз, пресекая его попытку.

Теперь, когда у чудовища были сотни щупалец, а не одно, оно стало гораздо мощнее.

— Мне нужна помощь! — выпалил Адам, голос сорвался от напряжения.

Ударная волна от падения массивного отростка расколола бетон под ногами. Адам едва удержался на краю трещины, когда щупальце взметнулось вверх, готовясь к новому удару.

– Адам, гранаты! Используй пояс! – донёлся до него крик Акселя.

Холодные брызги на лице предупредили о приближении щупальца, с которого стекала слизь. Адам отскочил, попытался уйти в сторону, но было поздно. Второе щупальце, ледяное и отвратительное, обвилось вокруг его тела под мышкой и рывком подняло в воздух. Он извивался, бил по скользкой плоти, но чудовище, казалось, не чувствовало боли.

Прямо под ним зияла пасть – нечто невысказанное, многослойное, усеянное зубами и какими-то пульсирующими отростками. Это было жуткое сочетание клюва осьминога и челюстей паука с какой-то зараженной радиацией планеты.

Адам понял, что он – главное блюдо в сегодняшнем меню. Но сдаваться без боя он не собирался.

Он судорожно схватился за пояс с гранатами, сорвал его с себя и поднял вверх. Таймер не работал, лишь жалкая искра.

– Как всегда, – пробормотал он, но тут же ахнул, вцепившись в ремень мертвой хваткой. Щупальце резко дернуло его в другую сторону. Желудок скрутило узлом, а затем отпустило, вызвав странное воспоминание о том, как он в детстве перелезал через прутья качелей.

Времени почти не оставалось. Перед ним разверзлась пасть чудовища.

– Адам! – отчаянно крикнул Блейз.

– Чёрт! – Адам вздрогнул. Инстинктивно попытался вырваться, но хватка была железной. Оставался последний шанс. Он выдернул чеки со всех гранат сразу и бросил их прямо в глотку твари.

– Подавись, ублюдок! – прорычал он.

На мгновение воцарилась тишина. Чудовище проглотило гранаты целиком.

А затем уши Адама оглушил странный, булькающий шум. Внутри твари вспыхнул оранжевый свет, словно рентгеновский снимок её готескных внутренностей. Чудовище забилось в конвульсиях, издавая нечеловеческий вопль, когда взрыв за взрывом сотрясали его изнутри. Но, как ни странно, оно оставалось целым, лишь вонь горелой плоти и злобный рёв свидетельствовали о нанесённом уроне.

В ярости чудовище швырнуло Адама через всю комнату, раскидав остальных, как кегли. Адам приземлился с хрустом ломающихся костей. Он увидел, как щупальца потянулись к Блейзу, но был слишком оглушен и обездвижен, чтобы помочь.

– Чёрт! – взвизгнула Блейз и направила волну энергии на щупальце, отбрасывая его. – Эта хрень что, неуязвимая? Аксель пригнулся, уклоняясь от хлесткого удара щупальца, которое просвистело в дюйме от его головы. Едва избежав обезглавливания, он снова вскинул дробовик. Несколько выстрелов прогремели в зале, но, как и ожидалось, пули не причинили чудовищу ни малейшего вреда.

— Если гранаты не помогли, то и от этих пукалок толку не будет! — перекричал Макс грохот. — Лучше побережь патроны, кто знает, что нас ещё ждёт!

— Но как нам остановить эту тварь?! — взревел Скейт, паля из пистолета. Его выстрелы, казалось, просто отскакивали от извивающейся, маслянистой туши, словно от воды.

Внезапно зал сотряс угрожающий смех, донесшийся из скрытого громкоговорителя. Атмосферу пронзил скрипучий, электронный голос: — Вегелиц! Достаточно!

Это был голос Дредноута.

Повинуясь команде, существо, названное Вегелицем, прекратило свою безжалостную атаку и отступило, издав громкий, разочарованный стон.

— Не убивай их, Вегелиц, — продолжал Дредноут. — Я хочу сам получить удовольствие, уничтожив этих надоедливых выскочек.

Аксель облизал пересохшие губы, его взгляд метался по комнате, пытаясь определить источник голоса. Наконец он заметил громкоговоритель в дальнем углу, рядом с рядом камер, которые, судя по всему, транслировали происходящее в соседнюю комнату.

Блейз бросилась к Адаму, которого швырнуло через весь зал. Он всё ещё лежал на полу, перекатываясь и стоная от боли. Вид у него был ужасный.

— Адам, ты в порядке? — спросила она, обнимая его за спину и помогая подняться. Он, стиснув зубы от пронзившей его боли, заставил себя встать. Ноги подкашивались, словно чужие, и он едва держался на них. Наконец, выпрямившись, он устало кивнул, весь покрытый липкой жижой.

— Ох, — прохрипел он. — Больно... Почему все эти генетические уродцы так ко мне пристают?

— Ты готов идти?

— Я... не знаю. Наверное, да, — неуверенно ответил он.

В этот момент в стене камеры бесшумно открылась скрытая электронная дверь, управляемая дистанционно.

— Сюда, Огненный Шторм, — проскрежетал Дредноут. — Я жду вас за дверью.

Аксель и Макс вскинули оружие, нацелившись на проём. Готовы ко всему, они напряжённо ждали. Но ничего не произошло. За дверью зиял лишь тёмный коридор, уходящий вглубь. Непосредственной угрозы не было видно.

— Что теперь, Акс? — спросил Макс, медленно опуская оружие.

Аксель стиснул зубы. — Думаю, у нас нет выбора. Если мы задержимся, Вегелиц найдёт, что нам сказать.

Макс обернулся и посмотрел на инопланетное чудовище. Оно сидело неподвижно, лишь медленно дышало и пульсировало, терпеливо ожидая. Один взгляд на эту тварь вызывал дрожь, когда он представлял, какая невероятная сила воли поддерживала в нём жизнь. Возможно, двигаться дальше действительно было лучшим решением.

Аксель повернулся налево, увидев, как Блейз приближается, осторожно поддерживая Адама под руку...

Внезапно из динамика, скрытого где-то в стене, раздался холодный, бесстрастный голос – женский, спокойный, прерываемый ритмичным воем сирены.

"Активирована процедура самоуничтожения. Отмена невозможна. Всем сотрудникам немедленно эвакуироваться," – монотонно произнёс голос.

– Чёрт! – выдохнул Скейт. – Только этого нам не хватало.

Пульсирующий, пронзительный вой сирены эхом разнесся по гулкому помещению, проникая во все уровни и коридоры комплекса, сливаясь с безразличным голосом, повторяющим сообщение о неминуемом уничтожении.

Записанный голос не сообщал, сколько времени у них осталось, но Скейт был уверен, что не хотел бы оставаться здесь, когда время истечёт.

– Нам нужно выбираться отсюда, прямо сейчас! – воскликнул он.

Аксель покачал головой. – Нет. Не раньше, чем мы разберёмся с Дредноутом. Мы должны убедиться, что он не сбежит.

– Ты совсем спятил?! – рявкнул Скейт. – Если мы задержимся здесь хоть на минуту, нас всех ждёт верная смерть!

– На кону нечто большее, Скейт, – спокойно ответил Аксель. – На кону – мир.

Скейт шумно выдохнул и покорно кивнул. Аксель прав. Дредноута нужно остановить раз и навсегда.

Аксель повернулся к Адаму: – Как ты, приятель?

Тот лишь покачал головой: – Не очень, Акс. – Он поморщился от боли. – Не думаю, что от меня будет хоть какой-то прок в битве с Дредноутом.

Аксель кивнул, лихорадочно соображая. Времени почти не осталось.

– Так, слушайте внимательно. По информации Мерфи, под зданием целая сеть подземных туннелей. Доступ – через нижнюю платформу. Блейз, забирай Адама и отправляйтесь туда. Встретимся там... это должно вывести вас прямо к Мерфи. Макс, Скейт, вы со мной. Мы уничтожим Дредноута и встретимся с вами до того, как это место взлетит на воздух.

Макс глубоко вздохнул: – Звучит как план.

Блейз терзало беспокойство от мысли, что им придётся разделить и оставить остальных сражаться с Дреднутом в одиночку. Но Адам был слишком слаб, чтобы сражаться или самостоятельно добраться до безопасного места.

— Хорошо, — согласилась она. — Я отведу Адама на нижнюю платформу. Скоро увидимся. И, Аксель... — Она коснулась его губ коротким поцелуем и, отстраняясь, заглянула ему в глаза. Ей хотелось сказать так много, сделать так много, но слова застряли в горле. — Удачи, — прошептала она.

Аксель кивнул: — И тебе.

Адам виновато вздохнул: — Простите, ребята. Хотел бы я помочь, но этот Вегелиц меня знатно отделал.

— Ты сделал всё, что мог, Адам, — подбодрил его Скейт. — А теперь убирайся отсюда. Нам нужно приструнить этого нацистского преступника.

Не говоря больше ни слова, Блейз и Адам направились обратно к подъезду и атриуму с лифтами. Там было два лифта — основной и вспомогательный — и оба, если верить Мерфи, вели на нижнюю платформу.

Аксель смотрел им вслед, борясь с сомнениями, затем моргнул и повернулся к зияющей электронной двери, открытой Дреднутом.

— Ладно, парни, поехали.

С Максом и Скейтом за спиной он бросился к двери, надеясь вопреки всему, что их план сработает.

23

Аксель осторожно повёл Макса и Скейта вниз по узкому пролёту мокрых, искривлённых каменных ступеней. После строгих металлических коридоров наверху это место казалось жуткой, тревожной бездной.

Сырые стены подземелья, усеянные пожелтевшими черепами, напоминали декорации фильма ужасов. Тусклый свет не проникал сюда, и без фонариков они не видели, куда ступают — даже их ноги тонули во тьме.

Наконец, они достигли подножия лестницы и остановились. Они оказались в помещении, больше похожем на маленькую гробницу. Прямо перед ними в темноту уходил ещё один туннель.

— Давайте, ребята, быстрее, — прошептал Аксель.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем они спустились в следующий туннель. Все трое чувствовали, как неумолимо утекает время. Никто не разговаривал. Идти было довольно легко: спуск был пологим, но не настолько, чтобы спотыкаться. На стенах по-прежнему громоздились черепа, но к этому зрелищу они уже начали привыкать.

Внезапно туннель изогнулся и резко оборвался, переходя в просторную подземную камеру. Древние руны и узоры покрывали арки и грубые каменные колонны, устремлявшиеся к высокому потолку. Вода, вероятно, талый снег, струилась по неровным стенам и скапливалась на полу.

Опасаясь засады, Аксель обвёл помещение лучом фонарика, внимательно осматривая каждый угол. Продвигаясь вперёд, он заметил, что стены усеяны бесконечными рядами ржавых стальных лезвий – точно таких же, какие были у самого Дредноута. Несмотря на запущенный вид, было очевидно, что это коллекция принадлежит настоящему ценителю.

Откуда-то впереди доносились едва различимые звуки музыки – Вагнер, "Liebestod" из "Тристана и Изольды". Осторожно ступая, они двинулись на звук, который становился всё громче и громче. Наконец, впереди забрезжил свет. Вскоре они увидели Дредноута, купающегося в жёлтом газовом свете и внимательно кивающего в такт музыке. Над ним, в такт подземному ветру, покачивались смертоносные верёвки, крюки и блоки.

При виде Дредноута у Макса сжались челюсти. Он вспомнил их последнюю встречу в канализационных туннелях Берлина. Ему следовало прикончить этого монстра ещё тогда.

Они двинулись вперёд, продираясь сквозь густую тьму. Видимость была никудашной, а зыбкая почва под ногами грозила потерей равновесия. Каждый взгляд на мерцающее пятно света обжигал глаза, оставляя лишь пляшущие тени в поле зрения.

Внезапно Скейт споткнулся. Инстинктивно выбросив руку, чтобы удержаться, он нащупал стену... и острый край одного из висевших на ней лезвий.

– Ой! – вырвалось у него приглушённо, но в этой тишине прозвучало оглушительно. Тьма по-прежнему скрывала их, но впереди они увидели, как Дредноут привстал, его черепоподобная голова в маске поворачивалась, пытаясь определить их местоположение.

– Добро пожаловать в моё скромное жилище, – произнёс Дредноут, поднимаясь на ноги и приближаясь к ним. – Должен признаться, я крайне разочарован уничтожением «Гаргантюа». Ваши действия разрушили мои планы.

Аксель вскинул дробовик. Они оказались в подобию лаборатории или камеры пыток, где с потолка свисало множество предметов, готовых обрушиться на головы. В довершение всего, пол был устлан скрипучими, ветхими досками.

Вагнеровская пьеса оборвалась, когда игла дошла до конца старой виниловой пластинки, и комнату пронзила внезапная, гнетущая тишина.

– Как, вас всего трое? – разочарованно протянул Дредноут. – Какая жалость. Тогда я просто отправлю своего робота-часового за остальными. Это робот Mark III, творение RoboCy. У них не будет ни единого шанса, особенно у раненого.

Не двигаясь с места, он поднял руку и нажал несколько кнопок на своем кибернетическом нагруднике, отправляя радиосигнал в другую часть помещения. Отлично.

— Итак, вы зашли так далеко, — продолжил Дредноут, — но хватит ли у вас сил, чтобы победить меня?

Аксель вскинул дробовик, целясь, но Дредноут внезапно сорвался с места, двигаясь с невероятной скоростью. В полумраке его движения казались размытыми, почти нереальными.

Звук рассекающих воздух лезвий заставил Макса и Скейта вздрогнуть. Они попытались увернуться, но Скейт не успел. Короткий меч Дредноута глубоко вонзился ему в руку, и Скейт вскрикнул от боли. Кровь хлынула из раны, и он, ошеломлённый, машинально схватился за неё, не успев даже подумать об отражении следующего удара.

Скелетообразный маньяк бросился в атаку, явно намереваясь добить Скейта. Аксель мгновенно среагировал, направив дробовик между лезвием и горлом друга.

На стали меча заплясали искры, Дредноут приготовился к новому удару, но Макс открыл огонь. Четыре пули калибра 9 мм попали в плечо и руку Дредноута, заставив нацистского урода отступить.

Аксель, воспользовавшись моментом, ринулся вперёд, обрушивая на Дредноута удар за ударом. Тощий противник отшатывался назад, но умудрялся оставаться на ногах.

Внезапно Дредноут расхохотался.

Аксель едва успел почувствовать, что что-то не так, как пол ушёл у него из-под ног.

— Люк!

Скейт рухнул вниз вместе с ним, а следом полетело и их оружие.

Макс едва успел удержаться, чтобы не провалиться в зияющую дыру.

Аксель, действуя инстинктивно, выхватил руку и ухватился за верёвку, а другой рукой схватил Скейта за запястье.

Верёвка скользнула вниз, зацепившись за медный блок где-то наверху. С лязгом гаечного ключа она остановилась, когда узел на её длине застрял в механизме.

Рюкзак Акселя сорвался с плеч и упал вниз, вслед за оружием, в непроглядную тьму.

Тишина... затем, через несколько секунд, донёсся оглушительный грохот — оружие достигло дна.

Аксель и Скейт повисли в пустоте. Аксель чувствовал, как Скейт тяжело дышит под ним.

— Ну, — прошептал Скейт, — падение было не таким уж и... тяжёлым...

Прежде чем Аксель успел ответить, под ними раздался резкий лязг металла. Они оба вытянули шеи, пытаясь разглядеть, что там внизу, и увидели, что земля оцетинилась сверкающими стальными шипами, высотой не менее шести футов.

Замечательно.

Холодный и тёмный спуск в шахте лифта завершился резким визгом гидравлических тормозов, после чего наступила тишина, когда двигатели заглохли, и они оказались в ловушке в бесконечном туннеле.

— Блейз? Что случилось?

Блейз приложила палец к губам, призывая Адама замолчать. Она всё ещё слышала звук сигнализации, доносящийся откуда-то снаружи, повторяющееся приглушённое блеяние и приглушённый голос, но больше ничего.

— Давай, Адам, думаю, наша поездка закончилась. Должно быть, отключилось электричество. Давай посмотрим, где мы оказались, хорошо?

Адам кивнул, всё ещё морщась от боли.

— Конечно, детка.

Блейз указала на двери лифта, слегка подтолкнув их своей аурой, и они послушно открылись с тихим шелестом. Откуда-то снаружи лился свет. Выглянув наружу, Блейз увидела, что они остановились всего в нескольких футах от какого-то служебного туннеля, свет исходил от лампочки в клетке, свисавшей с потолка туннеля. Двери там не было, но в конце короткого прохода было достаточно места для лазания; учитывая обстоятельства, этого вполне могло хватить. Либо это, либо подниматься обратно на поверхность, вероятно, всего на милю или около того выше.

Ни за что. Блейз помогла Адаму подняться, а затем полезла за ним, продвигаясь вперёд, а затем пригибаясь — направляясь к тёмной дыре. Им придётся отказаться от лифта и надеяться, что они оставят его ради чего-то лучшего.

Блейз со вздохом обернулась.

— Похоже, нам с тобой пора ползти, Адам. Я пойду первой, а потом...

Хлоп!

Адам вскрикнул от удивления, когда что-то приземлилось на крышу лифта позади них, пробив её с оглушительным треском рвущегося металла. Блейз схватила его, притянула к себе, у неё перехватило дыхание. И тут из дыры в крыше появилась рука робота, затем вторая. Две толстые титановые руки, окутанные тенью, и сверкающая голова огромного робота поднялись из разрушенного подъёмника, как полная луна в беззвездную ночь.

— Это робот-часовой! — прошипел Адам. — Ошибки быть не может!

— Беги! — Блейз повернулась и толкнула Адама в темноту подвала, её сердце бешено колотилось, тело дрожало. Внезапно её лицо покрылось испариной. — Беги, Адам, я прикрою!

Адам исчез в крошечной тьме, словно юркая мышь. Блейз, не смея оглянуться, последовала за ним. Страх сковал её, заставляя бежать, не разбирая дороги. Их безжалостный преследователь, словно тень, поднимался по искорёженному лифту, неумолимо приближаясь.

— Удар Грома!

Макс, словно живой снаряд, обрушился на Дредноута, намереваясь впечатать нацистского зомби в землю. Но Дредноут, предвидев атаку, с презрительной лёгкостью отступил в сторону, позволив разъярённому противнику пронестись мимо, не причинив ни малейшего вреда.

— Слишком медленно, — прошипел Дредноут, насмехаясь.

Макс, поднимаясь на ноги, обернулся и увидел, как Дредноут, словно адский вихрь, раскручивается в его сторону. Его лезвия, вытянувшись, образовали смертоносный пропеллер. У Макса оставалась лишь доля секунды, чтобы отпрыгнуть назад и избежать неминуемой гибели.

Вращение прекратилось, и Дредноут, молниеносно и без предупреждения, прыгнул на Макса, вонзив свои клинки глубоко в его живот.

Макс издал звериный вопль и рухнул на землю, судорожно хватаясь за рану. Подняв руки, он увидел, что они залиты его собственной кровью.

— Сукин сын... — прорычал он сквозь стиснутые зубы. Попытка подняться обернулась мучительной болью, заставившей его закричать и упасть навзничь, с трудом хватая воздух. — Я тебя достану, ублюдок... клянусь...

— Пора заканчивать этот фарс, — равнодушно прохрипел Дредноут, не обращая внимания на его слова. С этими словами он поднял правую руку и вонзил сверкающее лезвие меча в живот Макса.

Кровь хлынула фонтаном.

Выбравшись из коридора, Блейз облегчённо выдохнула.

— Слава богу, мы оттуда выбрались, — проговорила она, вытирая пот со лба. — Но куда мы попали?

Они огляделись. Помещение напоминало заброшенную погрузочную площадку. От двери лифта вдоль дальней стены тянулась огороженная платформа, обрывающаяся над зияющей пустотой.

– Может, это поезд? Похоже на вокзал, – предположил Адам.

Блейз мысленно упрекнула себя. Платформа, перила, сплетение труб под потолком... Как она сразу не догадалась?

Улыбнувшись Адаму, она покачала головой. Нервы начинали сдавать.

– Да, похоже на то, – согласилась она. – Хотя, как видишь, не я первая это заметила. Мои мозги явно барахлят. Это, должно быть, нижняя платформа, куда Аксель велел нам подняться. Нам повезло!

В углу платформы Блейз заметила небольшую компьютерную консоль, которую раньше не видела. Скорее всего, пульт управления. Поддерживая Адама, она направилась к нему, краем глаза поглядывая назад, чтобы убедиться, что робот-охранник не преследует их.

На консоли, под маленьким экраном, виднелась кнопка вызова и десятизначный код. Блейз ввела код и нажала "Ввод". Помещение наполнилось ровным гулом оживающих механизмов – звуком приближающегося поезда.

– Кажется, у нас есть шанс выбраться отсюда, – сказала Блейз.

Адам улыбнулся, несмотря на боль, и его лицо сморщилось в гримасе. Блейз обняла его за плечи, и они отошли к краю платформы, ожидая прибытия поезда.

Вскоре вдали замерцал свет, превращаясь в приближающийся круг. После всего пережитого Блейз решила сохранять оптимизм, насколько это возможно. В первую очередь, чтобы не думать о том, какая новая опасность может их поджидать. Поезд, конечно, увезёт их от опасности. Там будет достаточно еды и воды, душевые, тёплая одежда и даже бутылки марочного вина...

Но всё это казалось мелочью. Горячая ванна, пара пушистых халатов – вот что действительно нужно после всего пережитого. И тапочки. Это, конечно, мило, но она бы согласилась на что угодно, лишь бы больше не видеть гигантских монстров или безумных нацистов-зомби.

Впереди уже виднелись очертания поезда – одинокий вагон, длиной около шести-семи метров, плавно скользил по верхним рельсам.

– Значит, это должно привести нас к месту встречи, – сказал Блейз, – где нас будет ждать Мерфи.

Адам не успел ответить, как дверь на платформу с грохотом разлетелась в щепки.

Вырванная с петель, она с металлическим скрежетом рухнула на пол. Блейз рывком притянула Адама к себе. В дверном проеме, пригнувшись, чтобы протиснуться, возник огромный робот-часовой Mark III. Его механизмы гудели, а бездушные оптические сенсоры вращались, сканируя пространство.

– К поезду! – заорала Блейз.

– Господи Иисусе! – прохрипел Адам.

– Встань за мной! – крикнула Блейз, выхватывая пистолет и бросив взгляд на приближающийся поезд.

У них оставалось секунд десять, но робот сделал огромный шаг в их сторону, и она поняла, что времени почти не осталось. Бесстрастное лицо машины, гигантская рука, уже поднимающая лучевую пушку, – до него оставалось футов двадцать, всего четыре шага его массивной походки..

– Запрыгивай в поезд, как только он остановится! – крикнула Блейз и нажала на спусковой крючок.

Четыре, пять, шесть пуль попали в металлическую грудь робота. Седьмая угодила в лицо, но он не остановился. Ещё один мощный шаг, и чёрная, дымящаяся дыра на месте лица лишь подчеркивала его бесчеловечность. Пушка на его руке загудела, набирая мощность, готовясь испепелить их.

"Нет!" – пронеслось в голове Блейз, и она почувствовала, как по телу разливается жар. У неё оставались считанные секунды. Внезапно её охватила такая ярость, такая злоба, такие тёмные намерения.. и всё её тело вспыхнуло синим пламенем.

Блейз сосредоточила свой гнев на роботе, направляя свою энергию изо всех сил..

– Кикоушо!

Огромный голубой огненный шар врезался в сторожевого робота, отбросив его назад и осыпая его корпус искрами электрических разрядов. Адам издал крик и закрыл лицо руками. Блейз отшатнулась, и тут же в робота полетел ещё один огненный шар. Взрыв сотряс воздух, разбрасывая во все стороны острые осколки металла.

– Чёрт! – взревел Адам, почувствовав, как шрапнель впивается в левую ногу.

Блейз, на мгновение ошеломлённая, моргнула и удивленно посмотрела на Адама. Облизнув губы, она пробормотала: – Я... я могу это контролировать!

Мгновение спустя они уже были в поезде. Адам, нашарив пульт управления дверью, с облегчением захлопнул её.

– Прости за твою ногу, – виновато сказала Блейз. – Это моя вина.

Он отмахнулся. – Забудь об этом, милая. Главное, что мы вывели робота из строя. Ты отлично справилась.

Блейз кивнула. – Хорошо. Пошли.

Она помогла ему добраться до двери в передней части трёхвагонного состава, направляясь к пульту управления. Снаружи, в бетонном туннеле, всё ещё выли сирены. Вкрадчивый женский голос, который Блейз уже давно возненавидела, монотонно сообщал, что у них есть три минуты, чтобы отойти на минимальное безопасное расстояние.

"Давай же, Аксель. Где тебя носит, чёрт возьми?"

24

Повисший в темноте, Аксель затаился, ожидая. Вскоре из люка, словно уродливый паук с выпученными глазами, высунулся Дредноут. Он всматривался в темноту, пытаясь что-то разглядеть, прислушиваясь к каждому шороху.

— Один готов, осталось двое, — пробормотал Дредноут.

"Давай же", — мысленно подгонял его Аксель. "Ещё чуть-чуть..."

Скейт висел на поясе сзади, а Аксель, продев болтающуюся под ним верёвку через голову Дредноута, затянул на шее монстра аккуратную петлю. Он изо всех сил дёрнул верёвку, но Дредноут оказался крепче, чем он ожидал. Не успел Аксель сдвинуть его и на три дюйма, как Дредноут вонзил по лезвию в каждую руку, обеспечив себе надежную опору. Но у Акселя был запасной план. Этот захват был именно тем, что ему нужно. Крепко держась за лассо на шее Дредноута, Аксель начал подтягиваться по верёвке, перебирая руками, стремясь вверх и наружу из ямы.

Тяжело дыша под маской, Дредноут поднял один из своих клинков, нацеливая острие на верёвку.

— О, нет, не выйдет, — прорычал Аксель. Он быстро обернул верёвку двойной петлей вокруг затянутого в перчатку кулака и изо всех сил потянул вниз. Нож-якорь не смог удержать Дредноута, и тот, поперхнувшись, рухнул вперед, перевалившись через край люка.

— Нееееет!

Крик не смолкал, пока Дредноут летел вниз, приземлившись головой на шипы. Он извивался, как рыба на крючке, но каждое движение лишь усугубляло ситуацию, заставляя его сползать всё глубже по лезвиям. Он застрял намертво.

Аксель перевёл взгляд на люк над головой и начал подтягиваться, помогая себе Скейтом. Наконец, ухватившись за край, он перетащил себя и свой груз наверх. Скейт, освободившись от ремня, с ругательством откатился в сторону. Взгляд Акселя зацепился за что-то в стороне — лезвие Дредноута, прочно воткнутое в пол. На его заднем конце осталась кибернетическая рука Дредноута, всё ещё жужжащая и дергающаяся. Это могло означать только одно:

Демон был жив.

Выглянув из-за края люка, Аксель увидел Дредноута. Тот уже освободил одну руку, перерезав собственный бицепс. Нити высохших мышц свисали с культи, как грязные обрывки веревки. Вероятно, монстр освободился бы, отрубив половину своего тела, а затем сшил бы себя из чьих-то частей заново.

"Не в этот раз."

Аксель вперил взгляд вниз, на упирающегося Дредноута. – Куда это ты намылился, фашистская тварь? – прорычал он, его голос был полон ненависти.

Он сделал два шага вправо, к отложенному в сторону массивному зубчатому колесу, покрытому вековой паутиной. Вцепившись в ржавый край, Аксель, кряхтя от напряжения, подтащил его к зияющему отверстию в полу. С торжествующим криком он перекинул колесо через край. – Сдохни, ублюдок!

Дредноут успел издать лишь леденящий душу вопль, прежде чем его раздавило в кровавое месиво.

– Всё не так уж и плохо, – попытался успокоить всех Макс Хатчетт, но из него был никудышный лжец.

Аксель нахмурился, глядя на зияющую, уродливую рану на животе здоровяка.

– Нет, Макс, всё очень плохо. Тебе повезло, что ты вообще дышишь. Мы доставим тебя в больницу, как только сможем. Но сейчас нам нужно выбираться отсюда. Через несколько минут это место взлетит на воздух.

Он обернулся и увидел, как Скейт, оторвав кусок от своей рубашки, тщательно перевязывает глубокий порез на руке. Аксель не мог не признать, что рана выглядела ужасно – до кости, кровь мгновенно пропитала импровизированную повязку, и явно требовалось наложить не один десяток швов. Но Скейт держался, как настоящий солдат.

– Ты сможешь бежать, Скейт? – наконец спросил Аксель. Когда Скейт слабо, но упрямо кивнул, Аксель поднялся на ноги.

– Ладно, парни. Пошли!

И они побежали.

Лифт тронулся, но не так, как рассчитывал Аксель. Спуск был мучительно медленным.

Широкая платформа скользила по наклонному туннелю, словно по ледяной горке. Неоновые полосы на чёрных стенах с жужжанием мелькали за спиной.

"Сорок секунд до минимально безопасного расстояния," – раздался механический голос.

– Давай же, давай, давай, – выдохнул он, забыв о ноющей боли в теле, охваченный ледяным страхом. Голос, ранее докладывающий о запуске механизма самоуничтожения с нижней платформы, теперь монотонно отсчитывал последние секунды с интервалом в десять. Как бы Аксель ни ненавидел эти повторяющиеся инструкции, тишина была ещё страшнее. Паузы между объявлениями говорили о безнадёжности ситуации.

"Зайти так далеко и погибнуть из-за проклятого лифта," – подумал он с горечью.

Он не мог этого допустить. Они прошли через ад. Миссия увенчалась успехом – мир спасен от угрозы Лаксина, Дредноут и Сильвер Маклеод мертвы, а Теневой Альянс разгромлен. Они должны выжить, иначе все жертвы были напрасны.

Скейт, стоявший рядом, обливался потом, не в силах усидеть на месте. Было очевидно, что парень сломлен. Максу тоже было нелегко, он едва держался на ногах, но упрямо твердил, что с ним все в порядке и он готов идти дальше. Лучше умереть, сражаясь, чем сдаться.

"Лучше умереть, сражаясь," – эхом отозвалось в голове Акселя.

Под опускающейся платформой не было видно пола. Иначе они бы попытались выбраться пешком. Лифт, казалось, скользил по канавкам, прорезанным в темноте по обе стороны, приводимый в движение каким-то непостижимым механизмом. Ещё одно чудо робототехники.

"Двадцать секунд до цели," – услышал Аксель, чувствуя, как его пробирает дрожь. Напряжение сковало мышцы, затрудняя дыхание. Каково это – "безопасное расстояние"? Сколько времени останется после того, как этот холодный, бесчувственный голос дойдет до нуля?

Поезд должен быть быстрым. И у них осталось всего десять секунд, чтобы добраться до него, пока этот проклятый лифт продолжал свой плавный, неторопливый спуск в кромешную тьму.

Вот улучшенная версия текста, с акцентом на динамику, напряжение и читаемость:

"Три. Два. Один. Соблюдайте безопасную дистанцию. Самоуничтожение активировано. До взрыва пять минут."

Скейт шумно выдохнул.

Аксель сглотнул, чувствуя, как пересохло в горле. – Надеюсь, успеем, друг. Очень надеюсь.

Напряжённая тишина повисла в воздухе, казавшаяся вечностью.

"До взрыва четыре минуты."

Чёрт, чёрт, чёрт! Аксель уже думал, что его хватит удар от разочарования, когда лифт наконец остановился. Он дёрнул за ручку толстой металлической двери, готовый сорваться с места. Дверь распахнулась в стерильный бетонный коридор, освещенный мерцающими лампами. Ни единого указателя, ни малейшей подсказки, куда бежать.

– Куда? – в голосе Скейта звучало отчаяние. – Налево или направо?

Аксель понимал, что эти секунды колебаний могут стоить им жизни, если у них вообще остался хоть какой-то шанс. Он слышал, что в ситуации выбора

большинство людей инстинктивно поворачиваются в сторону своей доминирующей руки. Но он решил поступить наоборот, полагая, что инстинкт его подведёт.

– Налево, – сказал он, стараясь говорить уверенно. Они рванули вперед, стуча ботинками по бетону. Скейт выругался, преодолевая боль и заставляя себя бежать, несмотря на протест тела.

– Давай! Быстрее! – взревел Аксель, подгоняя его.

Они выбрали неверное направление.

После нескольких поворотов в холодном, пустом здании они оказались перед складским помещением – тупиком.

"До взрыва три минуты."

Аксель, пятясь, тащил за собой Скейта и Макса по знакомому пути. Собрав остатки сил, он заставил себя бежать, спотыкаясь на каждом шагу. Изнеможение сковало его, не оставляя места ни разочарованию, ни страху перед неминуемой гибелью, ни даже желанию, чтобы всё было иначе. Просто двигаться. Это всё, что имело значение.

Лишь чудом Макс и Скейт, истекающие кровью, смогли продержаться так долго. Макс продолжал терять кровь с каждой секундой.

Выживут они или нет – Аксель уже ничему не удивится.

"Две минуты..." – прозвучало в голове, как приговор.

Аксель заставил себя прибавить шаг. Металлический туннель слился в размытое серое пятно, проносщееся мимо его измученного, задыхающегося сознания. Он потерял счёт поворотам и изгибам, и надежда начала таять. Голос в глубине шептал о необходимости остановиться, упасть и отдохнуть. Но тут он услышал это – тихий, отчаянный шёпот, заглушенный нарастающим гулом.

Звук оживающей тяжёлой техники. Где-то впереди. Совсем близко.

– Поезд! – прохрипел Макс. – Быстрее!

Ноги стали ватными, лёгкие горели, сердце бешено колотилось. Конец близок – в любом смысле.

В крошечной кабине управления раздался негромкий, жестяной голос из динамика и пронзительные сигналы тревоги.

"До взрыва две минуты."

Блейз лихорадочно нажимала кнопки и переключатели, не отрывая взгляда от панели. Внезапно их окутал мощный, нарастающий механический гул, переходящий в визг, заставивший Блейз стиснуть зубы. Адам не мог понять, улыбается ли она, но сам он улыбнулся, почувствовав, как поезд накренился и тронулся с места, унося их прочь от платформы.

— Слава Богу, — пробормотал он.

Блейз обернулась и попыталась улыбнуться в ответ. Адам положил руку ей на плечо, но ничего не сказал. Блейз тоже молчала, затаив дыхание в ожидании.

Поезд набирал скорость, проносясь мимо тускло освещенных залов и платформ. Туннель впереди был темным и пустым. Тепло руки Адама напомнило Блейз, что они друзья, что бы ни случилось. И вдруг она увидела их — троих мужчин, появившихся слева. Поезд пронёсся мимо, оставив в памяти лишь широко раскрытые, полные отчаяния глаза и грязные лица.

— Блейз!

— Я вижу их!

Блейз резко обернулась и выскочила из будки. Её шаги эхом отдавались в металлическом вагоне, пока она неслась к двери. Нажав кнопку, она распахнула её, впуская внутрь гул и скрежет метро.

— Аксель! — закричала она. — Скорее!

Внезапно остановившись, Блейз врезалась в стену и в отчаянии отглянулась. Через мгновение она развернулась и захлопнула дверь.

— Они успели? — спросил Адам, понимая, что Блейз не знает ответа, даже когда вопрос сорвался с его губ.

Адам подошел и обнял её, пока поезд набирал скорость. Беспокойство отразилось на лице Блейз.

«Одна минута», — прозвучал голос из интеркома.

Дверь в задней части вагона открылась, и внутрь, спотыкаясь, вошёл Аксель. Его волосы слиплись от тёмной, засохшей слизи, а ярко-голубые глаза почти скрывала маска из грязи. Скейт и Макс следовали за ним, их тела были обмотаны рваными, грязными бинтами.

— Полный газ! — крикнул Аксель, и Блейз кивнула. Он тяжело дышал и, пошатываясь, направился к ним, пока поезд, раскачиваясь, набирал скорость и мчался по туннелю.

Он обнял Блейз, и она крепко прижалась к нему, страстно целуя в губы.

— Я думала, ты погиб, — прошептала Блейз.

— Ещё нет, — ответил он.

«...Тридцать секунд до взрыва. Двадцать девять. Двадцать восемь», – продолжал женский голос обратный отсчет. Цифры, казалось, таяли вдвое быстрее, чем следовало, и Блейз уткнулась лицом в грудь Акселя. Слыша, как колотится его сердце, она крепче обняла его, думая, что это, возможно, их последний миг вместе.

«Пять. Четыре. Три. Два. Один. Последовательность действий завершена. Взрыв.»

Внезапно воцарилась тишина. Сирены стихли, остался лишь мерный грохот поезда, несущегося сквозь ночь. Затем – взрыв. Сначала приглушённый, словно удар издалека, он нарастал, превращаясь в оглушительный грохот.

Блейз зажмурилась. В тот же миг поезд дёрнулся, швырнув их на холодный металлический пол. В окно ударил ослепительный, обжигающий свет. Вокруг – скрежет металла, как при автомобильной аварии, и барабанная дробь дождя по крыше. Поезд продолжал нестись вперед, сквозь этот хаос. Свет погас, оставив их в темноте, но живых.

Ослепительная вспышка отступила, и Аксель почувствовал, как напряжение медленно покидает его тело. Он перевернулся на бок и увидел, как Блейз садится, снова ища его руку.

– Ты в порядке? – спросил он. Она кивнула, но в глазах стоял испуг. Они оба обернулись к остальным, и увидели на их лицах то же самое: шок, изнеможение, неверие и робкую надежду.

– Это было чертовски близко, – прохрипел Скейт.

Адам тяжело вздохнул и кивнул, не находя слов.

– Все целы? Ничего не сломано?

– Кажется, у меня что-то внутри... повреждено. – Макс кряхтел, с трудом выговаривая слова. – Трудно сказать. Боль адская. И я так устал... Боюсь, если я засну, то уже не проснусь, – проговорил он, морщась от боли.

Аксель глубоко вздохнул, собираясь с силами.

– Как только выберемся отсюда, сразу в больницу. Не волнуйся, Макс. Мы тебя вытащим, обещаю. И тебя, Адам, и Скейта. Мы справимся. Поверьте мне.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, и улыбки, появившиеся было на лицах, тут же исчезли.

Аксель осмелился надеяться, что кошмар закончился, что они оставили его позади. Но в озабоченном взгляде Блейз и в усталых глазах Макса он увидел отражение собственных сомнений...

...и когда из задней части поезда донесся отдалённый скрежет металла, он не почувствовал удивления. Раздирающий душу визг, за которым последовал глухой, почти незаметный удар, а затем – тишина.

— Что это было? — прошептала Блейз, и её слова едва различимы в мерном грохоте набирающего скорость поезда.

— Не знаю, Блейз, — тихо ответил Аксель и только сейчас заметил, что её левая нога изорвана в клочья, из рваных ран сочится кровь. Он был слишком ошеломлён своим спасением, чтобы заметить это раньше.

— Я пойду посмотрю, что там, — предложил Аксель. — Кажется, я единственный, кто остался на ногах... — Он взвел курок дробовика и кивнул на ногу Блейз. — Вы оставайтесь здесь, — сказал он.

Блейз кивнула, на её лице застыла решимость.

— Будь осторожен, Аксель, — попросила она.

— Я скоро вернусь, — ответил он и обернулся к хвосту поезда, который покачивался на рельсах, молясь, чтобы это было просто случайностью. Но в глубине души он понимал, что это не так. Он поднял «Ремингтон» и пошёл в темноту.

25

Аксель распахнул дверь, и гул поезда на мгновение оглушил его, прежде чем дверь снова захлопнулась. Блейз, сидевшая на полу, не видела, как он перешёл в следующий вагон, и её тут же кольнула досада, что не поехала с ним. Если в поезде таилась ещё какая-то опасность, они оба были в уязвимом положении.

"Не накручивай себя, это глупости. Всё кончено, как с мистером Икс, помнишь?"

Второй вагон оказался таким же пустым и просторным, как и первый, через который Аксель вошёл в поезд. Пыль и сталь — вот и всё убранство. Судя по всему, проектировщики эвакуационной машины предполагали, что сотрудников RoboCy будут захихивать туда, как сельдей в бочку.

Но их всего пятеро... и кто-то ещё...

Смотреть было не на что, но Аксель двигался медленно, сканируя взглядом тёмные углы, готовясь к тому, что может поджидать его в последнем вагоне. Что бы это ни было, оно не могло быть хуже того, с чем они столкнулись на уровне В4. Мысль о том, что это существо, по-видимому, неуничтожимо, вызывала глубокую тревогу, даже отвращение...

Он добрался до задней части полумрачного, раскачивающегося вагона и заглянул в дверь, отбросив все остальные мысли и пытаясь хоть что-то разглядеть в последнем вагоне. Только темнота. И больше ничего.

"Чёрт возьми."

Может, там и не на что было смотреть, но он должен был убедиться. Адреналин начал бурлить в крови, прогоняя усталость. "Ничего, там

наверняка ничего нет," – твердил он себе, но неприятное предчувствие не отпускало. Что-то было не так.

Последний вагон. Самый последний.

Он глубоко вздохнул, открыл дверь и, крепко держась за поручень, шагнул навстречу хлещущему ветру. Грохот поезда заглушал стук его сердца, когда он подошёл к последней двери, распахнул её и шагнул в темноту.

Инстинктивно вскинув дробовик, он почувствовал, как все его чувства кричат об опасности, когда дверь за его спиной захлопнулась. Он потянулся назад, нащупывая выключатель. Темнота, но в воздухе витал сильный, знакомый запах отбеливателя или хлорки, и слышался тихий, влажный звук движения.

– Нет... этого не может быть...

Когда он нажал кнопку, в середине вагона вспыхнула одинокая лампочка, и Акселью на миг показалось, что он сошел с ума.

– Вегелиц!!!

В вагон каким-то образом проникло неуязвимое чудовище из подземной нацистской лаборатории. Оно занимало собой почти всё пространство, его тёмная, слизистая оболочка тянулась к потолку. Влажные щупальца, словно у гигантского, невозможного слизня, были вытянуты и прикреплены ко всем поверхностям: потолку, стенам, полу.

На глазах у Акселя чудовище подалось вперёд. Темные конечности сжались, и вся масса тела переместилась на несколько футов.

Существо издало странный, булькающий звук.

– Чёрт, – пробормотал Аксель. – Как ты сюда попал?

Он видел маслянистые переливы чёрного, зелёного и фиолетового на щупальцах, когда те снова вытягивались. Вязкая субстанция цеплялась за металл вагона, протаскивая чудовище вперёд. Если он не вырвется из оцепенения, из смеси удивления и отвращения, оно доберется до него очень скоро.

Аксель вскинул дробовик, направив его на огромную, зияющую дыру, служившую пастью, и нажал на курок, готовясь к следующему раунду.

Щелчок. Дробовик был пуст. Гигантское, мерцающее существо, как и ожидалось, осталось невредимым и продолжало неуклонно двигаться вперёд. Он не знал, как его убить, не знал, возможно ли это вообще, и причинят ли пули хоть малейший вред. Мозг лихорадочно искал ответ, решение, которое положило бы конец ужасной жизни этого экспериментального монстра. Он мог бы отсоединить последний вагон, пробить штыри и цепи, которые удерживали их вместе, если бы только смог найти запирающий механизм.

Но даже тогда оно останется живо. Будет жить в темноте туннеля, свободное для побега.

Чудовище медленно двинулось вперед, протягивая к нему щупальце. Аксель увернулся и потянулся к рычагу управления дверью. Ему придётся попытаться расцепить вагоны. Другого выбора не было...

Аксель замер на мгновение, но времени на раздумья не оставалось. Он рванул назад, к сцепке между вагонами, щурясь от хлещущего в лицо ветра и пытаясь разглядеть замок в кромешной тьме.

Вот он!

Выхватив из кобуры свой «Магnum», Аксель направил его на цепь, удерживающую зажим. Пот заливал глаза, но он осмелился бросить взгляд назад. Приближающаяся масса Вегелица не оставляла шансов на ошибку. Он надёжно прицелился и...

Бах! Бах! Бах!

Эффект был мгновенным. Тяжёлые пули разнесли ржавый замок в клочья, и из разорванного металла вырвался шипящий, пронзительный вой. Посыпались искры, и задний вагон, отделившись, начал медленно откатываться назад, в то время как два передних вагона продолжали нестись вперед.

Вегелиц издал жуткий, нечеловеческий визг, словно в туннеле завывало что-то злое и безумное. Не теряя ни секунды, Аксель прыгнул во второй вагон, тяжело приземлившись на плечо. Он успел как раз вовремя, прежде чем отцепившийся вагон начал стремительно терять скорость. Обернувшись, он увидел, как тот исчезает в темноте туннеля, унося с собой Вегелица. Несколько мгновений Аксель просто стоял, переводя дыхание, опустошённый, прежде чем повернуться, чтобы сообщить остальным: всё кончено.

— Я требую прибавку к зарплате, — пробормотал Аксель в пустоту, не в силах сдержать усталую, но жизнерадостную улыбку, которая тут же исчезла. Но на эти несколько секунд он чувствовал себя лучше, чем когда-либо за последнее время. Они сделали это! Вопреки всему, миссия увенчалась успехом.

Вернувшись в передний вагон, он нашёл в шкафчике комбинезон, разорвал его на полосы и перевязал ногу Блейз. Он просто сказал, что теперь они в безопасности, и Блейз прижалась к нему, не задавая вопросов. Слова были излишни, по крайней мере, пока. Главное, что они были живы, что они ехали в поезде, мчащемся сквозь тьму к спасению. И где-то впереди, сквозь окно диспетчерской, пробивался мягкий свет, и Блейз подумала, что он очень похож на рассвет.

Скейт радостно ухмыльнулся: — Вот и свет! У нас получилось!

Когда они выбрались из туннеля, у Акселя ожил спутниковый телефон.

"Огненный Шторм! Огненный Шторм, это Мерфи! Слышите меня? Приём!"

Аксель глубоко вздохнул, облизнул пересохшие губы и, кивнув самому себе, отстегнул телефон от пояса. Нажав кнопку передачи, он поднёс его ко рту.

"Мерфи, слышу вас громко и четко. Рад вашему голосу. Миссия выполнена. Требуется немедленная эвакуация. У нас здесь срочная медицинская помощь. Прием."

"Принято. Приземлюсь в конце железнодорожной линии."

Частный самолёт взмыл в воздух, поначалу немного дергаясь, но Мерфи быстро выровнял курс. На востоке уже пробивались первые лучи солнца, когда проклятое место осталось позади. Казалось невероятным, что они наконец-то выбрались.

— Кэндис мертва, — голос Блейз в наушниках был холодным и бесстрастным. Это были её первые слова с момента взлёта. — Она не выжила. Прости меня, Мерфи.

— Это ужасно. Я любил её как дочь, — искренне ответил Мерфи.

Вновь воцарилось молчание. Мерфи дал им время прийти в себя, просто пилотируя самолёт. Они выглядели измученными, уставшими как собаки и мечтающими оказаться как можно дальше от этого места. Он их понимал.

Через мгновение Блейз протянула руку и накрыла ладонь Акселя своей. Он кивнул в ответ. Слова были излишни. Благодаря эмпатии они чувствовали друг друга. Аксель взглянул на Макса, Скейта и Адама, и те тоже кивнули ему.

Они в безопасности. Наконец-то.

Блейз держала Акселя за руку, пока солнце медленно поднималось над горизонтом, раскрашивая небо в великолепные оттенки розового, серого и лимонно-желтого. Это было прекрасное зрелище, и Блейз была благодарна за возможность увидеть его ещё раз.

Никто не произнёс ни слова, пока солнце продолжало подниматься, а мили оставались позади, леса, фермы и пустые дороги казались свежими и яркими в мягком, согревающем свете.

— Эпилог —

Вашингтон, округ Колумбия
10 января

После двух дней восстановления в немецкой клинике интенсивной терапии, группа Firestorm получила разрешение врачей и готовилась к возвращению домой, в США, где их ждала музыка.

Аксель Стоун смотрел в иллюминатор, наблюдая, как самолет закладывает вираж над международным аэропортом Балтимор-Вашингтон. Внизу, на взлётно-посадочной полосе, его ждала необычная встреча: вереницы полицейских машин с мигающими сиренами, фургоны ФБР, из которых выскакивали агенты,

отдавая короткие, резкие приказы. За ними виднелись несколько черных седанов без опознавательных знаков, чья принадлежность оставалась загадкой.

Ситуация осложнялась тем, что информация об их возвращении, судя по всему, просочилась в прессу. Толпа фотографов и журналистов отчаянно пыталась прорваться сквозь полицейские кордоны. "Что-то будет," – подумал Аксель.

– Да у нас тут целый комитет по встрече, – пробормотал Макс Хатчетт, сидевший двумя рядами позади.

– Точно, – Аксель глубоко вздохнул, пытаясь предугадать, что их ждёт.

– Нас посадят, – выдохнул Скейт. – Я чувствую это.

Через несколько минут самолёт коснулся земли, взвизгнув шинами и задрожав от рёва двигателей, который постепенно стих, когда Мерфи сбросил скорость.

– Ну что, ребята, приехали, – объявил он по внутренней связи. – Встречаемся у аварийного выхода.

Блейз отстегнула ремень и повернулась к Акселю, в её глазах читалось беспокойство. Она вздохнула:

– Пора встретиться с реальностью.

Аксель кивнул, не находя слов.

Дверь открылась, и трап соединился с землей. Группа Firestorm вышла из самолёта прямо в плотное кольцо сотрудников правоохранительных органов, которые уже заполнили салон. Не успели они опомниться, как группа людей в чёрных костюмах и тёмных очках схватила Акселя за руку и защёлкнула на запястьях наручники.

– Аксель Стоун, – произнёс один из них ровным, бесстрастным голосом. – Вы арестованы.

– В чём меня обвиняют? – выдохнул Аксель, не отрывая взгляда от окружающих его мужчин. Он лихорадочно оглядел полицейских, но все они смотрели только на него.

– Да, в чём его обвиняют? – поддержала Блейз, её голос звенел от возмущения. – Он ничего не сделал!

– Заговор с целью убийства и похищения людей, совершенных террористами, – отрезал человек в чёрном костюме. – У нас есть видеодоказательства, чётко идентифицирующие вас как соучастника, мистер Стоун. И мы получили федеральный ордер на ваш арест. Не советую сопротивляться.

– Вы ошиблись адресом, – запротестовал Аксель. – Это полный бред!

— Мы просто хотим задать вам несколько вопросов, — спокойно ответил мужчина. — Пожалуйста, пройдёте с нами, мистер Стоун.

— Вы не имеете права! — вскричал Аксель, попытавшись вырваться.

— Вы можете поговорить с нами, или с ЦРУ, — жёстко произнес мужчина.

Аксель судорожно сглотнул. ЦРУ? Во что он вляпался?

— Иди с ними, Аксель, — тихо сказала Блейз, едва заметно кивнув. — Всё будет хорошо. Мы тебя вытащим.

Аксель глубоко вздохнул и кивнул. — Ладно. Я пойду. — Он опустил взгляд, пока люди в чёрных костюмах вели его к чёрному седану без номеров.

Прежде чем Блейз и остальные успели что-либо сказать, их самих окружили агенты ФБР.

— Что здесь происходит? — спросил Мерфи, чувствуя, как нарастает тревога. Один из агентов шагнул вперёд. Мерфи узнал в нём агента Гормана.

— Агент Мерфи, ваше неподчинение приказам привело к серьёзным последствиям, — отрезал Горман. — Все сотрудники Firestorm, включая вас, задержаны до окончания официального расследования ваших действий за последние дни. Сегодня днём состоится слушание, на котором будет присутствовать сам президент. Его решение определит вашу дальнейшую судьбу. Прошу следовать за мной.

Мерфи, Блейз, Адам, Макс и Скейт, ошеломлённые, двинулись за Горманом, гадая, что их ждёт.

В зале суда царила гнетущая тишина. На скамьях, в основном, расположились сотрудники ФБР и Интерпола, а также несколько высокопоставленных чиновников из Белого дома, заинтересованных в исходе операции Firestorm. Лишь редкое покашливание нарушало зловещую тишину.

Внезапно, с резким скрипом, распахнулась боковая дверь. Президент Хейс в сопровождении советников вошёл в зал и занял своё место. Не теряя времени, он поднялся на трибуну и взглянул на первый ряд.

— Ввести обвиняемых.

Из двери на противоположной стороне зала появилась группа людей в строгих костюмах: Блейз, Адам, Скейт, Макс и Мерфи. Под пристальными взглядами главы администрации президента и генерала Петрова, сидевших в первом ряду, они молча прошли к центру зала и встали у Печати Президента Соединённых Штатов, выложенной на мраморном полу. Шёпот пробежал по залу.

Президент окинул их взглядом с трибуны и глубоко вздохнул.

— Обвинения следующие: стовор, кража военного имущества, умышленное уничтожение военного имущества, а именно вертолёта Sikorsky S-76T,

непредумышленное убийство агента ФБР и, наконец, неподчинение прямым приказам главы Интерпола во время международного кризиса, грозившего ядерной войной. Блейз Филдинг, вы признаёте себя виновной?

Блейз нервно облизнула пересохшие губы, чувствуя, как стыд обжигает её изнутри. — От имени всех нас, господин президент, я признаю себя виновной.

Президент Хейс кивнул. — Итак, решение принято, — произнёс он, и его взгляд обратился к Блейз. — Выслушайте приговор этого суда.

Он откашлялся, и на губах мелькнула едва заметная улыбка. — Учитывая смягчающие обстоятельства, все обвинения, за исключением одного, снимаются в упрощённом порядке.

По залу пронесся приглушенный гул. Блейз не верила своим ушам.

— Остаётся обвинение в неподчинении приказам во время кризиса, касающееся исключительно Блейз Филдинг, как руководителя группы, — продолжил президент. Блейз подняла голову и глубоко вздохнула.

— Блейз, я уверен, что человек на вашем месте понимает необходимость поддержания дисциплины в любой иерархической системе, особенно когда речь идет о военных и правоохранительных органах.

— Я согласна, сэр, — ответила Блейз.

— Блейз Филдинг, — голос президента звучал ровно, — последствия ваших решений едва не привели к ядерной войне, но в то же время спасли жизни миллиардам людей. В результате этого слушания вам назначается штраф в размере трёх миллионов пятисот тысяч долларов, подлежащий немедленной выплате, вместо тюремного заключения, которое обычно применяется в подобных случаях.

Он сделал паузу, словно взвешивая каждое слово. — Ваши действия показали, что, несмотря на нарушение протокола, вы более чем способны защитить эту страну от многочисленных угроз, как внутренних, так и внешних. По этой причине вы сохраните свою должность главы детективного агентства «Огненный шторм». Следовательно, вам будет предложено продолжить выполнение обязанностей, в которых вы неоднократно демонстрировали свои выдающиеся способности.

Блейз не смогла сдержать улыбку. Это был невероятный исход. Реакция зала была ошеломляющей: взрыв аплодисментов и поздравлений. Президент ударил молотком, призывая к тишине.

— Блейз, вы и ваша команда спасли эту страну от её собственной недалековидности. И мир снова у вас в долгу, — заключил он.

После этих слов зал взорвался овациями в честь Блейз и её команды.

Она улыбнулась и помахала аплодирующей толпе, но в этот момент все её мысли были только об одном: о её возлюбленном.

"А что будет с Акселем?"

На данный момент ответов не было.

Солнце уже почти коснулось горизонта.

Адам подошел к Блейз и обнял её за плечи. Они стояли у огромного окна в Белом доме, вглядываясь в сумеречную Южную лужайку. Время приблизилось к ночи.

Между ними рождалось новое чувство, углублялось понимание. Блейз думала об Акселе. Их обоих тревожила неопределенность и сложность грядущего.

- Дредноут и Теневой Альянс повержены, - прошептал Адам. - Но победа кажется такой... хрупкой.

Блейз кивнула, соглашаясь.

- Лишь малая толика в гораздо более масштабной войне. Я волнуюсь за Акселя... что-то нечисто с его арестом.

- Я знаю, - ответил Адам. - Чувствую, за этим кроется нечто гораздо более зловещее.

- Одно можно сказать наверняка, - прошептала Блейз. - Эти... Войны синдикатов... только начинаются.

— ИНТЕРЛЮДИЯ —

В течение двух лет Лос-Анджелес раздирали кровавые войны между синдикатами.

После подстроенного ареста Акселя Firestorm узнал шокирующую правду: банда бывших учёных-робототехников использовала робота-двойника Акселя, "Брейка", для совершения дерзких преступлений по всему городу.

Но это было только начало. Шефа полиции Джека Уиндэма похитили и, вывезя на Аляску, подвергли жестоким пыткам в секретном комплексе, пытаясь вырвать ценную информацию.

Движимый жаждой справедливости, Огненный Шторм поклялся спасти Уиндэма и доказать невиновность Акселя.

Многочисленные картели и отколовшиеся группировки, жаждущие власти, продолжали сеять хаос. Но Огненный Шторм, не зная страха, сражался с ними, одержимый одной целью: навсегда искоренить зло, порожденное Синдикатом.

Борьба была изнурительной, но с каждым днем победа Огненного Шторма казалась всё ближе.

Конец войн был уже виден, но Огненный Шторм ещё не подозревал, что самая тяжелая битва ждет его впереди...